

Серия «Холокост»

Ю р и й Ш е в ц о в

Н о в а я и д е о л о г и я :
Г О Л О Д О М О Р

Москва
Издательство «Европа»
2009

УДК 32.019.5+94
ББК 63.3(0)61+66.2(0)
Ш 30

Директор *Вячеслав Глазычев*
Главный редактор *Глеб Павловский*

Юрий Шевцов

Ш 30 Новая идеология: голодомор. – М.: Издательство «Европа»,
2009. – 184 с. – (Холокост)

Книга Юрия Шевцова разбирается в сложной и опасной истории, от 30-х годов XX века до наших дней. Есть реальный массовый голод начала 30-х годов, часть страшной истории сталинского раскулачивания – то есть раскрестьянивания Советской России. И есть (нацистский, в сущности) миф о голодоморе, подстроенном якобы «москалями» ради истребления украинцев. Книга описывает голод начала 30-х годов параллельно с разбором его современных идеологических интерпретаций. Книга может быть интересна студентам, преподавателям гуманитарных дисциплин, журналистам – всем, кто интересуется идеологическими войнами современности, русофобией и проектами нового геноцида в русле восточно-европейского национализма и конфликтов Запада и Востока.

Yury Shevtsov's book delves into a complex and dangerous period of history, spanning from 1930's to our days. From the one side, it deals with a very real widespread famine of the early 1920's – part of the Stalinist campaign of Dekulakization, which actually amounted to the eradication of peasantry in Soviet Russia. From the other side, the book dispels the myth of Golodomor, allegedly masterminded by the Moscovites with the aim of eliminating the Ukrainians, which was essentially made up by the Nazis. The book describes the famine of the early 1930's simultaneously analyzing its contemporary ideological interpretations. It can be of interest to students, teachers of history, journalists and all those exploring the contemporary wars, Russophobia, as well as the projects of East-European nationalism and East-West conflicts.

УДК 32.019.5+94
ББК 63.3(0)61+66.2(0)

ISBN 978-5-9739-0169-1

© Издательство «Европа», 2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

МИФ О ГОЛОДОМОРЕ – ИДЕОЛОГИЯ НАЦИИ, ИЩУЩЕЙ СЕБЕ ЖЕРТВ

Юрий Шевцов взялся за трудное дело – разобрать своего рода «двойное историческое преступление». Матрешку, состоящую, во-первых, из реального страшного сталинского зверства 30-х годов, а во-вторых, из современной попытки превратить прошлое средствами политики в право на новые преступления XXI века, своего рода карт-бланш с умышленно не-проставленными датой и намерениями.

Первое преступление стряслось в начале 30-х годов и в советской официальной истории успокоительно названо «коллективизацией», с зловещим уточнением «раскулачивания». Но еще в советское же время полуофициально его цель была названа – уничтожение крестьянина – собственника земли, и о результате говорили прилюдно: крушение русской деревни, от которой осталось спивающееся Нечерноземье, и Великий голод, пришедший вослед. На Украине тот голод называли Голодомором, хотя и там он был не последним (послевоенные голодные годы едва ли не страшней).

Второе преступление пока еще только готовится. Оно существует в намерении, нарочито нечетком. Для него и воспитывают будущего исполнителя, которого надо убедить сперва, что жертва – он, а значит, и палач-мститель в будущем тоже он! Новая киевская идеология призвана воспитать нацию – жертву Голодомора, целью и единственным содержанием жизни которой станет месть. И имя Голодомор, жуткое, как Холокост, мифологически кодирующее подсознание, не случайно выбрано из других.

Холокост – это зло, возникающее из ничего. Из суммы обстоятельств, ни одно из которых не казалось зловещим. Каким именно образом «обычные» людские пороки превратились в пытки? Как и почему шуточный бытовой антисемитизм превратился в газовые камеры Освенцима или упорную резню евреев войсками Украинской повстанческой армии? Во всяком случае, бесспорно одно – тех, кто уничтожал евреев, до того десятилетиями убеждали в том, что это они являются «жертвами еврейства». Нацист, расстреливавший киевлян в Бабьем Яру и бандеровец, вспарывавший животы крестьянкам под Ровно, оба твердо знали, что мстят за «страшные преступления еврейства». Идеология мнимой жертвы – мандат на будущий геноцид, втайне нацистский.

По ряду исторических причин Россию обошли европейские дебаты о Холокосте. Что оберегло нас от словесной пурги во круг определения того, что считать геноцидом. Зато сделало интеллектуально неготовыми распознать новые типы нацизма и тех, кто готовит себя к новым зверствам. К преступлениям, кажущимся сегодня невероятными. Разве май 1945 года и Нюрнбергский трибунал не закрыли тему Холокоста? Разве ра-

зоблачения Хрущева и Солженицына не ограждают нас от рецидива сталинщины?

Но те, кто знал дело не понаслышке, кто прожил XX столетие на сквозняке – гетто, концлагерь, зона голодания, – единодушно, основываясь на личном опыте зла, настаивают, что угроза не исчерпана. Вышедший из Освенцима писатель, нобелевский лауреат Имре Кертес резюмировал: «В моих представлениях Холокост никогда не представал в прошедшем времени». Солженицын иными словами говорил о том же: раз ГУЛАГ был однажды, значит, ГУЛАГ возможен. А они знали, о чем говорят. И пока народы, дорогой ценой стряхнувшие прошлое, обучаются идеологиям «жертвы-мстителя», второе пришествие зла не только возможно – оно неизбежно. Об этом предупреждает исследование Юрия Шевцова.

Глеб Павловский

ВВЕДЕНИЕ

АКТУАЛЬНЫЙ ГОЛОД

Голод 1933 года – удивительная тема. Более 70 лет прошло после этого безусловно трагичного события, но именно сейчас его трактовка стала большой политической и международной проблемой. Во второй половине 30-х годов, во время Великой Отечественной войны, в послевоенное время в УССР и даже в 90-х годах в уже независимой Украине вопрос об осмыслении того голода не раскалывал украинское общество и вообще не являлся актуальной темой. Актуальным голод 1933 года стал только сейчас.

И актуальность этой темы нарастает. Еще год тому назад трактовка голода 1933 года как геноцида украинского народа была вопросом в основном внутриукраинской дискуссии. Оранжевые революционеры навязывали украинскому обществу свое мировоззрение, частью которого было понимание голода 1933 года как геноцида, – и, в общем, всё. За пределы Украины эта тема особо не выходила. Однако сейчас ситуация изменилась: кон-

гресс США 25 сентября 2008 года признал голод 1933 года голодомором, геноцидом украинского народа. Проблема приобрела самый серьезный международный статус из возможных, она стала частью большой конфронтации между Россией и США, еще более обострившейся после августовской войны в Южной Осетии.

Тема голода 1933 года стала предметом межгосударственной дискуссии и даже межгосударственного конфликта. Страны, которые поддерживают украинских оранжевых революционеров в этой теме, далеко не всегда просто бездумно солидаризуются с ними в антироссийском порыве. Нет, США, прежде всего США – это не та страна, где возможны какие-то действия столь высокого уровня без внутренней дискуссии и столкновения мнений. Если конгресс США принял такое решение именно сейчас, то причиной тому является не только желание поддержать Украину в конфликте с Россией. Причина лежит еще и внутри самого американского общества.

Миф о голоде как голодоморе востребован американским обществом, он прошел все уровни критики и стал частью американской культуры. Точно так же этот миф вошел и в культуру восточноевропейских стран в ее националистической современной части, в культуру некоторых иных стран.

Почему именно этот голод и его трактовка стали сейчас столь актуальными? Почему в западных обществах становится востребованным миф о геноциде украинцев этим голодом? Еще можно было бы понять, если бы эта тема была востребована в то время, когда существовал Советский Союз. Но почему это происходит именно сейчас? Ведь Россия нынешняя – а этот миф в постсоветском мире и новой холодной войне направ-

лен против России – не наследница Советского Союза ни в идеологии, ни в традиции. Россия не отвергла реформы 90-х, над Россией триколор, а не красное «полотнище». Россия нынешняя к коммунистической идеологии не имеет никакого отношения. Почему же этот антисоветский миф, в глубине которого лежит нацистский постулат про «жидовский голод», про месть евреям украинцам за «Хмельницкого» и стремление евреев освободить украинские «черноземы» для себя, почему этот миф востребован именно сейчас в самых что ни на есть демократических странах и кругах?

Первый уровень – прагматический – лежит на поверхности. Украинский национализм нуждается в антироссийской и в определенной степени антисоветской идеологии. Голод, понимаемый как геноцид, противостоит главному постулату советской идентичности о родившейся в ходе сокрушения нацизма моральности СССР. Это важно для всего современного восточно-европейского национализма – сокрушить именно моральную трактовку победы над нацизмом. Если нацизм начинает пониматься как минимум равным коммунизму злом, это делает моральными все те националистические движения, которые во время Второй мировой войны служили нацистам или уклонялись от участия в войне с ними. УПА, Армия крайова, прибалтийские Ваффен СС и т. д. – все они приобретают моральность, если советский коммунизм обвинить в проведении политики геноцида по отношению к этим народам.

В этом смысле украинский голодомор по функциональному значению – это такой же тезис, как «геноцид» литовцев в 1940–1941 годах или Катынь для поляков. Если бы не тема голода 1933 года, украинский национализм обязательно нашел бы

иной пример «геноцида» украинцев коммунистами. Странно то, что для подобного примера был взят нацистский в своей основе миф. С другой стороны, в основе мифа о геноциде коммунистами литовцев, латышей или эстонцев также лежит нацистская в своей основе трактовка: евреи обвинялись в геноциде, который они якобы проводили руками русских, прикрываясь коммунистическими лозунгами. Именно в рамках такого понимания «геноцида» 23 июня 1941 года, например, в Литве началось то, что там называют «национальным восстанием» – массовое уничтожение литовцами евреев в качестве мести за все «грехи» «советской власти».

Миф о коммунистическом геноциде восточноевропейских народов – это форма осторожной реабилитации нацистского мифа о захвате евреями власти в Российской империи в ходе коммунистической революции. Недаром этот миф ныне всегда идет рядом с героизацией нацистских коллаборантов из числа местных националистов. Причем именно в случае с украинским голодомором миф о геноциде восточноевропейских народов получил хоть какое-то обоснование фактами. Очевидно, что инкриминируемые советским коммунистам депортации прибалтийской интеллигенции или расстрел польских офицеров в Катыни и депортации перед войной поляков из западных областей бывшего СССР до этнического геноцида никак не дотягивают. А вот голод 1933 года, коснувшийся миллионов людей, если доказать его искусственный характер и т. д., действительно может быть «похож» на геноцид.

В общем контексте противостояния советскому культурному наследию голодомор особенно важен своим масштабом. Если принять аргументацию его апологетов, мы получаем самое

большое в истории человечества преступление власти против своего народа, и тем самым мы морально обвиняем коммунистов в самом большом в истории человечества преступлении. И соглашаемся морально оправдать любую форму сопротивления коммунистам, в том числе и через коллаборацию по отношению к нацистам. Масштаб в данном случае имеет принципиальное значение. Речь идет о качественно ином, чем в случае с литовским «геноцидом» или высылками кавказских народов, примере. Речь идет именно о полном моральном осуждении СССР и коммунизма. Голодомор – тоталитарная в своей основе идеологическая конструкция, она выводит проблему осуждения советского коммунизма за рамки украинского национализма, хотя и работает в том числе на украинскую националистическую идентичность.

Голодомор обращается к страхам крестьян перед городом и перед коллективизацией и индустриализацией, перед властью как таковой. Для всех восточноевропейских народов эти страхи были очень важны – особенно для национализмов, выросших на крестьянской социальной и культурной основе.

Признание голодомора закладывает глубокую основу для солидарности в страхе всех тех, кто апеллирует к «кулаку», к «хозяину», к национальному государству как сообществу свободных людей, то есть крестьян одной нации, – к крестьянскому анархизму в конечном счете. Это очень небезопасное обращение, ибо оно апеллирует к мракобесному, темному, наполненному необразованностью и неосмысленностью пласту восточноевропейских культур. Именно из таких пластов вырастали утопические и очень жестокие движения наподобие полпотовцев или, например, УПА.

Прагматическое понимание смысла голодомора как сильного концепта для объединения восточноевропейцев против советского наследия позволяет видеть в нем идейного «союзника» радикальных либералов – крестьянский страх перед модернизацией, зафиксированный в страхе неизбежного, организованного «городом», коммунистами, «евреями», «русскими», подразумевает идеализацию «фермерского пути», «единоличника», «хозяина». Это именно те образы, которые столь дороги либералам, и особенно постсоветским либералам, нацеленным на разрушение любых форм социальной солидарности, которые и навязали бывшему СССР и всему бывшему восточному блоку радикальные реформы.

Крестьянский индивидуализм имеет мало общего с принципом свободы личности, заложенным в либерализм. Но антисоциальную идеологию для короткого периода схватки против «СССР» или «России» создать на этой основе оказалось возможно.

Несомненно, то, что голодомор позволяет развернуть к националистическому развитию именно украинцев, очень важно с прагматической точки зрения. Здесь ясно просматривается концепт Бжезинского об Украине как о главном препятствии для воссоздания в Евразии сильного российского государства.

Наконец, важно и то, что национализм в Восточной Европе в послевоенные годы развивался в основном в эмиграции и как бы законсервировался. Группы эмигрантов своей корпоративной традицией были связаны в основном с коллаборантами времен Второй мировой войны и помнили свои народы как крестьянские. Для них время словно остановилось: вышиванки, «наш народ угнетен и страдает», «разогнуть спину», «родная

сторонка», «хата», «колыбельная матери над люлькой под толком дедовской хаты», Шевченко, гайдамаки, лесные братья... В послевоенные годы все эти стандартные образы в среде эмигрантских общин националистов модернизированы не были. Внутри СССР антисоветский национализм концентрировался либо в небольших группках гуманитарной интеллигенции, в основном связанной с литературным творчеством на национальном языке, либо в среде крестьян на уровне крестьянской ксенофобии. Тесной связи между эмигрантскими общинами, городскими гуманитарными интеллигентами и сокращающейся в ходе урбанизации крестьянской массой не было. Таким образом, сейчас мы имеем в основном немодернизированный, неспособный писать реальность своих обществ архаичный восточноевропейский национализм, и особенно хорошо это видно на самом масштабном его примере – украинском.

Концепт голодомора, как и концепт коллаборантов как героев, – это концепт из иной эпохи. Но другого национализма в Восточной Европе нет. И с этим надо считаться.

Голодомор – неизбежный концепт украинских националистов, и уже по этой причине он снискал поддержку внешних союзников оранжевых революционеров. Например, США.

Однако у голодомора есть и другая сторона: он развивался вместе с героизацией коллаборантов, и тем самым в Восточной Европе по мере усиления национализма был создан большой пласт стран, народов, культур, которые являлись носителями идеи ревизии итогов Второй мировой войны и реабилитации нацизма.

Нацизм, точнее расизм, – это старая болезнь европейской цивилизации. Тема неравенства являлась предметом дискуссий еще в Античности. Есть ли душа у раба? Раб – это вещь или же

раб – такой же человек, как свободные люди? В эпоху христианства эта проблема звучала иначе: есть ли душа у индейцев, негров, язычников и т. д.? С развитием науки и секуляризацией Европы эта проблема зазвучала в новых формулировках – аристократы и простолюдины имеют разную температуру тела, разные народы происходят от разных «обезьян», высшая форма национальной самостоятельности – выведение с помощью евгенических, например, методов существа с соматической природой, качественно более совершенной, чем у остальных людей и т. д. В любом случае, подразумевается право одних людей владеть другими людьми как вещами, подразумеваются рабовладение и работорговля.

Расизм подобен вирусу опасной болезни – он проник в тело европейской культуры, укоренился в нем, он вырывается на поверхность, охватывая собою культуру в периоды ее ослабления. Вирус модифицируется и превращается в болезнь в новых формах. Немецкий нацизм – это всего лишь одна из исторических форм расизма. Работорговля или то, что устроили европейцы при освоении Америки, – абсолютно та же болезнь, но в иную эпоху и в иных формах.

И сейчас расизм может проявиться в новых формах, например, внешне либеральных, раз уж европейская цивилизация использует либеральный понятийный «аппарат» и «терминологию». Расшатывание моральной основы современной европейской общности – однозначного осуждения нацизма – это шаг в сторону высвобождения вируса расизма для его превращения в новую форму болезни европейской цивилизации.

Главное, что делает концепт голодомора, – убирает понятие морали из основы современной европейской идентично-

сти. Ведь если через голодомор морально оправдывается коллаборация нацистам, значит, взятие Берлина и послевоенная денацификация более не могут однозначно считаться абсолютно моральными актами. Формирование в Восточной Европе целой группы стран, придерживающихся подобного взгляда, создает политическую базу для противников европейской интеграции и существования Европы в качестве гуманистического проекта, и даже – как единого интегрированного пространства.

Восточноевропейский криптонацизм отталкивает от Европы Россию, а без России европейская целостность никогда не была устойчивой. Конфликт между криптонацистскими восточноевропейскими странами и Россией – это не просто региональный конфликт. Это – глубокий идеологический конфликт. И этот конфликт втягивает в себя западноевропейские страны, создает сильный раскол между старой и новой Европой, препятствует консолидации ЕС и его связи с Россией, которая диктуется множеством взаимных интересов и взаимозависимостей. В конечном счете восточноевропейский неонацизм ослабляет глобальную конкурентоспособность ЕС и всей Европы, наносит удар по исторически недавнему нюрнбергскому единству Европы.

Конечно, можно искать субъекты мировой политики, заинтересованные в таком ослаблении Европы, но можно и не искать. Восточноевропейский парадоксальный современный неонацизм – скорее всего лишь неадекватная форма культуры и идеологии, возникшая как объективный процесс, без всякой особой конспирологии. Однако это не уменьшает его опасности не только для России, но и для всей Европы.

Расизм в истории Европы обычно превращался в крупный политический проект в моменты резких внутренних трансформаций, связанных с новыми открытиями в науке или с иными сильными трансформациями в европейских обществах. Нацизм, например, апеллировал во многом к научной рациональной «евгенической» логике, а не к проблеме наличия души и разного качества душ, как было в рабовладельческих идеологиях эпохи Великих географических открытий. Сейчас европейская цивилизация подошла именно к такой глубокой трансформации, при которой основные контуры новой жизнеспособной системы ценностей не очень ясны. Эту эпоху можно охарактеризовать разными словами: постиндустриальная, общество знаний, глобализация, и никогда ранее ни Европа, ни человечество в целом через такие эпохи не проходило. Поэтому сегодня чрезвычайно актуально, каким образом будет развиваться мир и взаимоотношения между развитыми странами и третьим миром, куда, в какие технологии пойдут инвестиции, как человечество будет решать проблемы истощения ресурсов или бороться с экологическими угрозами.

Та аморализация, которую восточноевропейские страны выдвигают через концепты геноцида и героизации коллаборантов, нацелена на разрушение понимания глобальной ответственности стран развитой части мира перед остальным человечеством. И в этом смысле трактовка голода 1933 года – это важный элемент проблемы формулирования европейских ценностей. В ЕС вновь может возобладать идеология колониализма.

Будет ли Европа относиться к России, исламскому миру, Китаю, Индии, Африке как к потенциальным колониям или же будет продолжать развивать европейские ценности как систему

А К Т У А Л Ь Н Ы Й Г О Л О Д

универсальных ценностей всего лишь с временной опорой на ЕС? Закладывается и определяется это именно сейчас и именно в ходе дискуссии и борьбы вокруг того, как понимать голод 1933 года.

Признание голода 1933 года геноцидом украинцев чрезвычайно опасно для всей Европы. Он не был геноцидом, и те, кто пытается навязать понимание голода 1933 года как геноцида украинцев, являются сознательными или бессознательными противниками гуманистического и ответственного развития европейской цивилизации, ЕС, всей Европы в целом. Они просто прикрываются своим конфликтом с Россией, но основным их противником является сама Европа.

ГЛАВА I

КРЕСТЬЯНСКИЙ ГОЛОД

Украина – смерть
во имя будущего

Возможно, дело в советской культуре. В советских фильмах, которые мы смотрели, в книгах, которые мы проходили в школе, в пьесах, звучавших по радио, Восточная Украина как-то выделялась. Фильмы, книги, пьесы, статьи в газетах и журналах о ней были словно теплее и интереснее, чем о других регионах огромного СССР.

Советская культура подавала Восточную Украину через культуру труда. Наиболее симпатичные персонажи работали в шахтах или на крупных заводах. Это были высокие, широкоплечие мужчины или очень фигуристые женщины, с открытыми лицами, веселые и добрые, компанейские, патриотичные и очень отзывчивые. Они были трудолюбивы и любили свои шахты и заводы. Им было интересно работать. И следить за их работой по советским производственным фильмам и книгам было инте-

ресно. Они обязательно были хорошо образованы, а инженер или директор из них – это был почти бог во всем. Именно этот регион в зрелые годы СССР был советским мифологическим раем, где жили боги и герои.

Восточная Украина и ближайшие к ней районы России не были в подаче и восприятии страной воинов. Да, мы все читали «Молодую гвардию» и смотрели что-то про «вредителей» на шахтах и заводах перед войной. Но это не было доминантой. Вот восприятие Белоруссии и подача Белоруссии в советской культуре и в реальной советской идентичности шли в основном через культ партизанской войны 1941–1944 годов. С детства, лет с пяти, еще в детских садиках нам читали сборники воспоминаний детей, пострадавших от немцев. В основном тех, кто чудом остался жив после уничтожения их деревень.

Советский Союз был огромным. Каждый из регионов имел свои особенности и свое место в структуре этого громадного общества, но ни один из них не концентрировал в себе столь громадной материальной мощи, как «восток Украины».

Лидерство Восточной Украины было как бы естественным. В 1950–1980-х годах именно на востоке Украины и в прилегающих областях России было сконцентрировано около половины советского промышленного производства. Именно этот регион был промышленным ядром СССР. Более того – ядром всего восточного блока. Города, которые тянутся более чем на сто километров. Области, где лишь пять процентов населения заняты сельским хозяйством. Города, представляющие собой несколько громадных комбинатов, окруженных рабочими поселками и спальными районами. Трубы, затягивавшие небо дымами ста цветов. Производство ракет, танков, ядерных реакторов, мор-

ских судов, разнообразной «химии» – все было здесь. Промышленное сердце СССР – это около сорока миллионов людей, занятых почти исключительно в промышленности. Ни Чикаго, ни Рур, ни промышленные зоны Великобритании такой мощностью не обладали.

Угасание значительной части промышленного очага востока Украины, происшедшее в 1990-х годах, было необратимо. Слишком громаден был этот очаг. И ныне нет необходимости иметь столь грандиозную концентрацию технологий индустриальной эры.

Почему именно тут возникло и так долго просуществовало материальное сердце громадного государства, пытавшегося воцариться в масштабе всей планеты? Почему местная культура выдержала столь грандиозную и тяжелую миссию?

Сейчас урбанизация уже «съела» традиционную деревню и в Западной Белоруссии, и в Западной Украине, и вообще во всей Европе. Но мне еще повезло застать живую деревню и, к сожалению, увидеть ее угасание после более тысячи лет царствования на громадных пространствах Восточной Европы и России.

Более двадцати лет назад я, очень молодой человек, узнал о голоде, который сопровождал появление этого промышленного очага планетарного масштаба. Вернее, не столько сопровождал, сколько обусловил. И все же живая деревня давала очень сильные эмоциональные ощущения. Когда Китай напал на Вьетнам в 1979 году, в нашей и в окрестных деревнях люди стали сушить сухари и прятать продукты на случай войны. И голода! Сухари сушили и в городах.

Мне всегда казалось загадкой, почему выжившие ТАМ не мстили коммунистам за эти смерти – когда пришли немцы, у нас

в Белоруссии полицаев было много, а «у них» мало. Западная Украина, того голода не знавшая, породила УПА и дивизию СС «Галичина». А вот Восточная Украина, пережившая тот голод, массово воевала в Советской армии и в советских партизанах.

Разобраться с информацией о том голоде нелегко. Разность оценок людских потерь от голода 1932–1933 годов в Восточной Украине и в целом в бывшем СССР очень велика. Число жертв голода до сих пор у разных исследователей очень сильно варьируется: от 600 тысяч до 10 и даже 15 миллионов человек. Вот оценки, которые дает Станислав Кульчицкий: число умерших на Украине от голода в 1932 году составило 144 тысячи человек, а в 1933 году голод унес 3 миллиона 238 тысяч жизней. Некоторые историки отказываются принимать во внимание межреспубликанское сальдо миграционного баланса, указывая на невозможность его точного определения. При таком подходе оценки прямых потерь от голода автоматически увеличиваются до 4 миллионов 581 тысячи. Кроме прямых потерь от голода, Станислав Кульчицкий считает возможным говорить и о потерях опосредованных, выражающихся в падении рождаемости. Он указывает в связи с этим на снижение естественного годового прироста населения с 662 тысяч в 1927 году до 97 тысяч в 1933 году (без учета умерших от голода) и до 88 тысяч в 1934 году.

Если прямые потери в 1932 году составили, как указано выше, 144 тысячи, то общие, включая неродившихся, можно оценить в 443 тысячи человек. Прямые и опосредованные потери за 1932–1933 годы вместе с демографическим «эхом» 1934 года составляют 4 миллиона 649 тысяч человек. Эти данные, по мнению Станислава Кульчицкого, и характеризуют демографические последствия голода 1932–1933 годов¹.

КРЕСТЬЯНСКИЙ ГОЛОД

Статистика смертности на Украине за 1933 год

Национальность	Город (тыс.)	Село (тыс.)	Всего (тыс.)
украинцы	111,8	1440,4	1552,2
русские	33,2	51,8	85,0
евреи	20,1	6,9	27,0
поляки	2,8	17,9	20,7
молдаване	0,1	16,0	16,1
немцы	1,7	11,5	13,2
болгары	0,2	7,5	7,7
греки	0,7	1,8	2,5
другие	60,4	124,2	184,6
всего	230,9	1678,1	1909,0

Статистика смертности по областям (в процентах от общего количества смертей в УССР)

Области	1927–1928 гг. (%)	1933 г. (%)	1935–1936 гг. (%)
Киевская	19,7	26,8	17,7
Черниговская	10,4	6,3	10,0
Винницкая	16,0	14,5	17,4
Харьковская	19,2	26,0	15,1
Днепропетровская	11,6	9,6	11,3
Одесская	10,2	8,6	9,5
Донецкая	10,8	6,4	16,9
МАССР	2,1	1,8	2,1

**Динамика смертности по УССР
(между переписями 1926 и 1937 годов)**

Годы		1927	1928	1929	1930	1931	1932	1933	1934	1935	1936
УССР	тыс.	522,6	495,7	538,7	538,1	514	668,2	1850,3	483,4	341,9	361,3
	%	100	100	100	100						
Киевская	тыс.	104	99,9	106,9	113,0	103	161,3	495,4	88,8	57,5	66,8
	%	19,1	20,2	19,8	21,0						
Чернигов- ская	тыс.	54,6	50,9	53,8	47,2	49,0	58,2	117,3	64,3	32,2	37,2
	%	10,5	10,3	10,0	8,8						
Винниц- кая	тыс.	86,4	77,9	81,9	84,8	76,8	95,2	268,5	78,3	62,9	59,7
	%	16,5	15,7	15,2	15,8						
Харьков- ская	тыс.	101,0	94,1	109,1	102,0	104	126,1	481,9	69,4	49,5	57,0
	%	19,5	19,0	20,3	19,0						
Днепро- петровская	тыс.	56,7	56,6	60,1	60,6	55,7	66,2	176,7	52,5	38,8	40,1
	%	10,9	11,4	11,2	11,2						
Одесская	тыс.	52,6	51,2	51,6	52,6	46,4	57,9	159,3	39,2	34,5	31,9
	%	10,0	10,3	9,6	9,8						
Донецкая	тыс.	55,7	54,5	65,2	65,4	67,5	88,3	119,0	79,4	57,8	61,2
	%	10,7	11,0	12,1	12,2						
МАССР	тыс.	10,2	10,6	10,1	12,7	11,3	15,0	32,2	11,5	7,7	7,4
	%	2,0	2,1	1,9	2,4						

**Представители самых многочисленных этносов
на территории СССР по материалам переписей
1926, 1937 годов (выдержка)**

Национальность	1926 г.	1937 г.	1937 г. в % к 1926 г.
русские	77 791 124	93 933 065	120,7
украинцы	31 194 976	26 421 212	84,7
белорусы	4 738 923	4 874 061	102,9
узбеки	3 955 238	4 550 532	115
татары	3 029 995	3 793 413	125,2

КРЕСТЬЯНСКИЙ ГОЛОД

Национальность	1926 г.	1937 г.	1937 г. в % к 1926 г.
казахи	3 968 289	2 862 458	72,1
евреи	2 672 499	2 715 106	101,6
азербайджанцы	1 706 605	2 134 648	125,1
грузины	1 821 184	2 097 069	115,1
армяне	1 568 197	1 968 721	125,5
мордвины	1 340 415	1 248 867	93,2
немцы	1 238 549	1 151 601	92,9

Голод охватил не только Украину. Голод был сильным на Кубани (Северо-Кавказский край), в Нижнем Поволжье, Казахстане. В этих обширных по территории краях плотность населения была гораздо ниже, чем в Украине, но доля потерь от общей численности населения также была очень высокой. В некоторых регионах они сопоставимы с украинскими утратами. Так, если выделить Кубанский округ, то его показатели приблизились бы к украинским, но в таблице кубанские показатели растворяются в показателях пяти других округов Северо-Кавказского края.

В двух поволжских краях, которые охватывают территорию современных пяти областей (Волгоградская, Оренбургская, Пензенская, Самарская и Саратовская), совокупной площадью 435 тысяч квадратных километров, от голода умерли, по расчетам московского историка В. Кондрашина, 366 тысяч человек.

Голод 1933 года в Поволжье напоминает украинский 1932 года. В обоих случаях у крестьян забирали все зерно – основной продукт питания. Однако в хорошо поставленных крестьянских хозяйствах оставались домашний скот и птица, а также продукты продолжительного хранения – сало, картофель, лук, свекла.

Осенью 1932 года на Украине и Кубани у тех, кто не выполнил хлебозаготовительного плана, то есть у подавляющего большинства крестьян, были конфискованы все запасы продовольствия. Такой конфискации незернового продовольствия, то есть террора голодом, в других регионах СССР не наблюдалось. На Украине местными властями изъятие зерна у крестьян в целом проводилось с большей жестокостью, поскольку при большей урожайности репрессивные меры могли обеспечить больший сбор зерна, чем в других районах.

Регионы европейской части СССР, где в 1933 году количество смертей превысило количество рождений

Регион	Город (тыс.)	Село (тыс.)	Всего (тыс.)
Украинская ССР	-116,6	-1342,4	-1459,0
Северо-Кавказский край	-63,9	-227,1	-291,0
Нижне-Волжский край	-54,5	-108,6	-163,1
Центральная Черноземная область	-23,1	-39,2	-62,3
Уральская область	-40,1	- 5,5	-34,6
Средне-Волжский край	-29,1	-13,7	-15,4
Северный край	-7,1	-1,6	-5,5

Регионы СССР с убылью населения между переписями населения 1926 и 1937 годов

Регион	Отношение численности населения по переписи 1937 г. к численности населения по переписи 1926 г., %
РСФСР	
Калининская область	92,3
Западная область	93,6

КРЕСТЬЯНСКИЙ ГОЛОД

Кировская область	99,7
Куйбышевская область	92,2
Мордовская АССР	94,6
Воронежская область	97,9
Курская область	85,7
Азово-Черноморский край	99,3
Северо-Кавказский край	95,9
Немцев Поволжья АССР	85,6
Саратовская область	77,0
УССР	98,1
Винницкая область	89,9
Киевская область	87,9
Черниговская область	90,6
Харьковская область	88,3
Одесская область	90,2
Казахская ССР	84,2

Самоубийство деревни

Голод затронул деревню как таковую. Голод был следствием однотипной реакции крестьянства, деревенского социума в границах СССР вообще на нечто. На что отреагировало крестьянство по всему СССР так, что дошло до голода? Понятно – на коллективизацию. Пока новая система устоялась, потребовалось оплаченное смертями время. Региональные засухи или недороды совпали с периодом экономического реформирования. Но все эти объяснения слишком очевидные и потому слишком поверхностные.

СССР был громадным пространством, занятым крестьянской культурой и крестьянством. Это пространство было не слишком прочно стянуто транспортными артериями. Армия и другие силовые структуры, политический класс, хозяйственники – все те, от кого зависела реализация вызывающей голод политики, по происхождению, как правило, были крестьянами. Крестьянство СССР имело громадный опыт гражданской войны, партизанской войны, войны фронтовой. Массивы наибольшего голода на Украине прилегали к границе с враждебной Советскому Союзу, готовой к войне с ним Польшей. Со стороны Польши к границе прилегали районы с родственным украинским крестьянством. Была возможность бежать, как тогда же бежали в Китай от голода массы казахов. Сама местность часто была отлично приспособлена к партизанской войне или хотя бы к бегству и укрытию: Полесье в северной части Украины – еще не осушенные труднодоступные болота, а севернее – белорусские леса. После смерти первого старика можно было бежать с остальными членами семьи. Но бежали немногие.

Почему не заполонили днепровские плавни своими семьями? Почему не уплывали через Черное море? Всех бы не перехватили, и, поскольку умирали все, риск при бегстве или сопротивлении был оправдан. Почему не бежали в горы на Кавказе? Кавказ выдержал тяжелейшую для сильной Российской империи Кавказскую войну. Ее вели против сильной, накормленной регулярной армии горцы. Неужели кубанские казаки или прошедшие все войны 1914–1922 годов русские и украинские крестьяне и горские народы не смогли бы хоть пару лет продержаться в горах против ослабленной голодом, крестьянской по происхождению армии?

Почему умирающие немцы Поволжья не бежали в устье Волги, почему не прятались в заволжских степях и по малозаселенным берегам широчайшей реки? Неужели умирать после смерти своей семьи было легче? Неужели не умели выжить в знакомом ландшафте? Почему крестьяне Западной Сибири не уходили в алтайские горы и громадную Сибирь? Неужели их там ждала судьба тяжелее, чем смерть от голода?

Массово никто не уходил, никто никуда не бежал. Только единицы.

Значит, основной причиной голода была не просто политика сверху. От политики можно было сбежать. Политике крестьянство России всегда умело пассивно или активно сопротивляться. Ведь было куда бежать. Но массово не бежали.

Но если смерть от голода пришла не в силу тотальной оккупации деревни властью и не в силу всеобъемлющего природного бедствия, значит, причина столь масштабного голода – внутри самой деревни, самого крестьянского мира, социума, семьи, самого крестьянина?

Я не раз представлял себе деревни во время голода. Особенно когда читал описания того, что происходило там в 1932–1933 годах. Никаких оккупационных войск, свои же односельчане, которые чаще всего еще и родственники или свойственники, забирают хлеб и смотрят, как семья соседей умирает... А матерей, которые собирают колоски на полях, или даже маленьких детей за те же колоски наказывают так, как не всякого раба наказывали на плантации.

Деревня как концлагерь, деревня как лагерь смерти. Но без оккупации. Все в основном свои.

Роберт Конквест. «Жатва скорби», 1988 год

«Описание, приводимое одним из жителей деревни, дает общую картину: “Бригады эти имели следующий состав: член правления сельсовета или просто депутат, два-три комсомольца, один коммунист и местный учитель. Иногда в них включали председателя или члена правления сельпо, а во время летних каникул и нескольких студентов.

В каждой бригаде был так называемый специалист по поиску зерна. Он был вооружен вышеупомянутым щупом, с помощью которого прощупывал и прокалывал все в поисках спрятанного зерна.

Бригада переходила из дома в дом. Сначала они входили в дом и спрашивали: «Сколько зерна у вас есть для правительства?» «Нет нисколько. Не верите, ищите сами», – следовал обычный короткий ответ.

Так начинался обыск. Искали в доме, на чердаке, в погребе, кладовке и в сарае. Потом переходили во двор, в коровник, свинарник, амбар, на сеновал. Они измеряли печь и прикидывали, достаточно ли она велика, чтобы вместить зерно за кирпичной кладкой. Они ломали балки чердака, поднимали пол в доме, перекапывали весь двор и сад. Если какое-то место казалось им подозрительным, то в ход шел лом.

В 1931 году еще были случаи утайки зерна, которое находили при обыске, обычно 100 фунтов, иногда 200. Но уже в 1932 году такого не было ни разу. Больше, что могли найти, – это 10–20 фунтов, отложенных для кур. Но даже этот «излишек» отбирался» [С. Пидхайни. Т. 2. С. 354]»².

Почему это происходило? Как это происходило? Как деревня трансформировалась в такое царство смерти и жестокости? Ви-

димо, именно это главное для понимания того голода. И в понимании того, что за общество и культура возникли после голода.

Голод 1932–1933 годов был в первую очередь следствием поведения самой деревни, ее самоубийственного поведения. Но ведь самоубийственное поведение – ненормально. Значит, голод был следствием кризиса всей деревенской культуры, оказавшейся неспособной выдержать новую политику власти или воспротивиться ей. Сама новая политика власти – это внешний для деревни фактор. Но возможность власти успешно для себя задать такую беспощадную установку извне была следствием готовности деревни эту установку реализовать.

Выходит, сама деревня давила на власть, чтобы та вела себя так, как она себя вела? Но почему все-таки именно на Украине, Кубани, в Нижнем Поволжье голод был особенно сильным?

Как говорил Сталин в это время – обострение классовой борьбы. Обострение борьбы внутри деревни. Голод как следствие внутренней гражданской войны, однотипно развернувшейся в каждой деревне, в каждом автономном и замкнутом сельском мирке? Назвать эту внутреннюю борьбу, когда часть деревни убивала другую часть, можно по-разному. Вернее всего, видимо, будет назвать это кризисом традиционных крестьянских ценностей, сохранявших жизнеспособность более тысячи лет, но вдруг ставших бессильными.

Я не мог и не могу найти иного объяснения столь грандиозного голода и низкого сопротивления самой деревни на фоне масштаба угрозы. Жестокая гипотеза. Каждый встреченный на улице односельчанин, каждый мой родственник, если бы граница прошла на 200 километров западнее, мог бы быть мучителем и убийцей каждого из дорогих мне людей. А я, каждый из

нас в то время были бы среди умерших? А может, среди их убийц? Но ведь объяснением этой грандиозной жестокости, этого голода не может быть что-то менее ужасное, чем само это бедствие. Надо решаться на выдвижение жестоких гипотез.

Внутренняя война крестьян

Были ли в истории аналоги голода 1932–1933 годов? Голода, охватывавшего громадные крестьянские пространства? Как вело себя крестьянство в этих случаях? Почему возникал голод? Как из него выходили? Каково место голода 1932–1933 годов среди этих бедствий?

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, 1913 год

«В 1872 году разразился первый самарский голод, поразивший именно ту губернию, которая до того времени считалась богатейшей житницей России. И после голода 1891 года, охватывающего громадный район в 29 губерний, Нижнее Поволжье постоянно страдает от голода. В течение XX века Самарская губерния голодала восемь раз, Саратовская девять. За последние тридцать лет наиболее крупные голодовки относятся к 1880 году (Нижнее Поволжье, часть приозерных и новороссийских губерний) и к 1885 году (Новороссия и часть нечерноземных губерний от Калуги до Пскова); затем вслед за голодом 1891 года наступил голод 1892 года в центральных и юго-восточных губерниях, голодовки 1897 и 1898 годов приблизительно в том же районе; в XX веке голод в 1901 году в 17 губерниях центра, юга и востока, голодовка в 1905 году (22 губернии, в том числе 4 нечерноземных: Псков-

ская, Новгородская, Витебская, Костромская), открывающая собой целый ряд голодовок: 1906, 1907, 1908 и 1911 годов (по преимуществу восточные, центральные губернии, Новороссия)³.

Причины современных голодовок не в сфере обмена, а в сфере производства хлеба, и вызываются прежде всего чрезвычайными колебаниями русских урожаев в связи с их низкой абсолютной величиной и недостаточным земельным обеспечением населения, что, в свою очередь, не дает ему возможности накопить в урожайные годы денежные или хлебные запасы. Несмотря даже на некоторый подъем абсолютных величин русских урожаев (за последние пятнадцать лет на 30 процентов), они все еще остаются очень низкими по сравнению с западноевропейскими, а сам подъем урожайности происходит очень неравномерно: он значителен в Малороссии (на 42 процента) и на юго-западе (47 процентов) и почти не сказывается в Поволжье, где крестьянские ржаные посевы дают для последнего десятилетия даже понижение урожаев.

Наряду с низкой урожайностью одной из экономических предпосылок наших голодовок является недостаточная обеспеченность крестьян землей. По известным расчетам Мареса в черноземной России 68 процентов населения не получают с наделных земель достаточно хлеба для продовольствия даже в урожайные годы и вынуждены добывать продовольственные средства арендой земель и посторонними заработками. По расчетам комиссии по оскудению центра, на 17 процентов не хватает хлеба для продовольствия крестьянского населения. Какими бы другими источниками заработков ни располагало крестьянство, даже в среднеурожайные годы мы имеем в черноземных губерниях целые группы крестьянских дворов, которые находятся на границе продо-

вольственной нужды, а опыт последней голодовки 1911 года показал, что и в сравнительно многоземельных юго-восточных губерниях после двух обильных урожаев 1909 и 1910 годов менее одной трети хозяйств сумели сберечь хлебные запасы»⁴.

1891 год – голодали 40 миллионов человек из 125 миллионов населения России, умерли от голода 4 миллиона;

1901 год – голодали 30 миллионов, умерли 2,8 миллиона;

1905–1908 годы – от голода умерли 4 миллиона человек;

1911 год – 1 миллион;

1913 год – самый урожайный для царской России – от голода умерли 1 миллион 200 тысяч человек.

И все же эта ужасающая беда была хотя бы неравномерной по стране.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, 1913 год

«В 1821 году, столь бедственном для многих губерний, что помещики заявляли правительству о своей несостоятельности прокормить крестьян, в Пермской губернии не знали, куда девать хлеб. В 1830 году в Волынской губернии, например, четверть ржи стоила 25 рублей, а в Екатеринославской – 2 рубля 50 копеек; в 1835 году в Саратове цена была 4 рубля, в Томске – ниже 3 рублей, а во Пскове – 30 рублей. В 1836 году понижение цен на хлеб сильно озабочивало правительство – и в то же время многие губернии получали продовольственные ссуды, а Олонецкой губернии грозил голод. Когда в 1873 году страдала от голода левая сторона Поволжья – самарско-оренбургская, на правой стороне – саратовской – был редкий урожай и хлеб не находил сбыта даже по низким ценам. То же самое наблюдалось в 1884 году

в Казанской губернии, когда казанские мужики питались всяческими суррогатами, а на волжско-камских пристанях той же Казанской губернии гнили 1 720 000 четвертей хлеба. Наконец, и в злосчастном 1891 году, когда весь восток Европейской России объят был неурожаем, урожай хлебов в губерниях малороссийских, новороссийских, юго-западных, прибалтийских и на севере Кавказа был таков, что в общем в России уродилось на каждую душу несравненно больше тех четырнадцати пудов, которые признаны были тогда достаточными для продовольствия души в течение года. Но покупательная сила нашей массы по отсутствию сбережений столь ничтожна, что всякий неурожай вызывает необходимость правительственной помощи и частной благотворительности как для продовольствия, так и для обсеменения, предотвращения падежа рабочего скота и т. п.»⁵.

Сильнейшим после Октябрьской революции был голод 1921–1922 годов в Поволжье, вызванный не только жестокой засухой, но и истощением страны в ходе мировой и Гражданской войн. Во всех остальных случаях голод возникал в силу неурожая или природного бедствия, поражавшего сельское хозяйство отдельных регионов. Запас прочности у крестьянских хозяйств был невелик. Год-два-три природных сложностей – запасы хозяйств заканчивались и наступал тотальный региональный голод. Раньше, когда рядом с крестьянами существовал помещик со своим товарным производством хлеба, у крестьянина была страховка – взять в долг, отработать, вымолить. Однако и у помещичьего хозяйства был свой предел прочности, неурожаи могли обессилить и его.

Спасением было только бегство в регионы России, не охваченные неурожаем, но бегство было чревато смертью в дороге.

Голод приходил обычно зимой, а куда можно массово бежать в России зимой? Весной же ослабленный зимним голодом крестьянин массово бежать уже не мог, тем более что зарождалась надежда на весну, на будущий урожай, надо было начинать посевную.

Частый российский голод был нормой. Российский крестьянин был уязвим для голода как часть местности. Почти каждые десять лет любой регион России испытывал удар более или менее сильного голода: на грань голода ставили война, неудачная административная политика, рост налогов, переход к новому типу хозяйства и новым культурам. Хозяйство крестьян было слишком слабым, слишком близка была грань, за которой оно переставало их кормить.

Голод был следствием самого существования крестьянского хозяйства. Голод был структурным и неизбежным.

Большой голод приходил не каждый год, но каждое поколение хотя бы один раз его испытывало. И всегда голод довлел над деревней постоянным малым зримым недоеданием менее успешных односельчан: многодетных семей, малоземельных, вдов, сирот, семей без мужчин, безлошадных, должников...

Вполне закономерно, что периодический голод и постоянная угроза голода деформировали крестьянскую мораль. Деревня разделилась на две противостоящие друг другу части: на тех, кто вел успешное хозяйство или был связан с городом материально – то есть тех, кому голодная смерть не угрожала, – и на тех, кто находился на грани голода, кто зависел от колебаний погоды и климата – то есть тех, у кого было мало земли, слабое здоровье, много детей и т. д. В российской деревне эти две группы именовались обычно бедняками и кулаками.

В деревне всегда был более или менее крупный слой людей, которые не могли вырваться из бедности и полуголодного или просто голодного существования. И они вовсе не являлись исключительно порочными людьми: пьющими, ленивыми, вороватыми, на чем всегда настаивали люди городские и в особенности чиновный люд.

Возможно ли было удержать в деревне, расколотой на два класса, единую мораль? Нет, выстроить действенную, воплощенную в дело интегрированную мораль в деревенской общине и большой семье было невозможно.

Церковь в крестьянских обществах не стала реальным институтом, который предложил бы крестьянам действенное решение одной лишь элементарной принципиально важной для религии проблемы – неизбежного голода и голодной смерти детей, стариков, женщин, а потом и мужчин. В российских реалиях 1920-х годов каждый умерший от голода сельский ребенок был колоссальным ударом по семейной морали, соседской солидарности, церкви и священнику; каждый ребенок, находившийся на грани голода, каждая старуха с протянутой рукой были каплей в чашу беспощадной ненависти бедных к богатым, бедняка к кулаку. Деревня всегда жила в состоянии вяло или резко текущей гражданской войны. И главными жертвами этой войны были умершие от нищеты и голода соседи и родственники.

Была ли какая-то альтернатива аморализации крестьянских обществ? Абсолютная мораль требовала обязательной солидарности перед внешними угрозами и спасения «своих» от смерти. Моральная деревня и мораль в деревне – это солидарность во имя использования всех имеющихся в деревне ресурсов ради

выживания. Это обязательно социальная система, направленная против крупнотоварного производства, если оно влечет за собой нехватку продуктов или социальное расслоение.

С идеей «жизни по правде», «жизни в любви и добре» мог выступить кто угодно – священник, политический агитатор, сектант, отец семейства... Но если в деревне были богатые люди, они оказывались врагами не просто бедных, а врагами самой морали.

Деревня, расколотая на кулаков и бедняков при господстве кулаков и их морали, основанной на праве частной собственности, – это деревня, где допустимы нищета и голод односельчан. Деревня, которая выбирает солидарность и абсолютную мораль, то есть деревня, готовая спасать «своих» от смерти сообщца, дает больше гарантий от голода своим жителям: хоть и в нищете, но в голодный год живы все или почти все. Такая деревня сродни идеальной большой семье, а часто в реальности она и была большой семьей. Крестьянский уравнилельный утопизм – это не игра ума городского интеллигента, а реальная, проверенная голодовками и коллективной тяжелой работой практика сохранения своей души чистой, а родных людей – живыми.

Поскольку советскую деревню в 1932–1933 годах охватил столь громадный голод, следовательно, деревня раскололась. Если крестьянство не побежало во все стороны массово и не пошло войной на власть, как воевало в это время в Китае или чуть раньше в России, в Тамбовской губернии, Западной Сибири или на Украине, значит, в деревне в 1932–1933 годах прошла внутренняя война, и голодные смерти – жертвы этой войны.

Можно ли было избежать сползания в голод?

С экономической точки зрения, холодной и прагматичной, вывод однозначен: большой голод в крестьянской стране был

КРЕСТЬЯНСКИЙ ГОЛОД

неизбежен, вопрос заключался только в его масштабах и характере. На протяжении двадцатых годов XX века кризис все время нарастал. И хотя для большинства он был не заметен, специалисты его видели хорошо. Так, следствием нарастающих реальных проблем с нехваткой зерна для городов явилась форсированная коллективизация, и «зерновые забастовки» и «зерновые кризисы» в 1920-х годах происходили едва ли не ежегодно.

ГЛАВА II

СПОЛЗАНИЕ В ГОЛОД

Ставка на укрупнение

История, выстроенная вокруг бюрократических решений, обычно оставляет в тени главное – борьбу внутри самой деревни. Деревня могла отвергнуть коллективизацию и голод так, как отторгла коммунистов в конце Гражданской войны, и вынудить вернуться к НЭПу. Однако этого не произошло. Значит, деревня в целом приняла политику коллективизации, и история коллективизации, сползания в голод и выхода из голода – это в первую очередь история борьбы, развернувшейся внутри самой деревни.

С какого момента советская деревня стала сползать к голоду 1932–1933 годов?

Видимо, отсчет разумно начать с момента принятия решения о всеобщей коллективизации в СССР. Оставим пока в стороне мотивацию власти и примем это решение как факт.

Решение было принято в декабре 1927 года на XV съезде ВКП(б) в контексте политики индустриализации и объявления первой пятилетки. Но реальная коллективизация развернулась по политической, а не по бюрократической логике. Решение было одно – провести относительно медленную коллективизацию, увязав ее с поставками техники в колхозы, а реализовано было совсем иное.

Непосредственным поводом для принятия решения о коллективизации послужил зерновой кризис 1927–1928 годов. Крестьяне массово отказывались поставлять хлеб на рынок по установленным правилам и ценам. В начале 1928 года зерновой экспорт фактически прекратился. Возникла угроза голода в городах. Крестьянам и всему обществу было прямо сказано, что этот кризис влечет за собой угрозу большого голода. Пропаганда объясняла, что структура сельскохозяйственного производства при опоре на середняка не в состоянии перейти к применению машин и новых методов ведения сельского хозяйства. Как отмечали исследователи, перед Первой мировой войной половина производившегося в России хлеба поступала из помещичьих и кулацких хозяйств. Более того, именно они производили свыше 71 процента зерна, которое шло на внутренний рынок и на экспорт. В 1927 году в распоряжении советских крестьян было 314 миллионов гектаров земли, в то время как до революции им принадлежало только 210 миллионов гектаров. Возросло за эти годы и число крестьянских хозяйств – с 16 миллионов до 25 миллионов. Крестьяне-середняки до Первой мировой войны производили 50 процентов зерновых и потребляли 60 процентов производимого ими зерна; теперь же они производили 85 процентов всего урожая зерновых и потребляли 80 процентов производимого зерна¹.

У середняка не было средств на новые машины, он был малограмотен или вообще неграмотен. Новые технологии ему были не под силу. Кулачество же, производившее основную массу товарного хлеба, устраивало «зерновые забастовки», угрожавшие голодом городам и армии. Средняк был поставлен перед выбором: либо земля переходит к кулакам и в деревне по сути возрождается помещичье землевладение, упраздненное революцией, середняки становятся бедняками и батраками у кулаков, либо быстро проводится коллективизация – создаются крупные кооперативы, которые получают государственную поддержку, в этом случае середняк и батрак будут социально защищены от кулака, уровень производительности в колхозах быстро поднимется, а с ним поднимется и уровень жизни.

Альтернативой быстрой коллективизации была новая продразверстка, ибо городам действительно не хватало хлеба. А продразверстка – это очевидный откат от НЭПа и вновь угроза гражданской войны и голода.

Колхоз как производственная единица был американским изобретением. Споры вокруг переноса на советскую почву этого заграничного способа производства – крупных сельскохозяйственных ферм – особенно обострились в начале 1928 года, когда в дискуссию вступил Сталин.

Роберт Конквест. «Жатва скорби», 1988 год

«Как мы уже отмечали, руководство обсуждало тему колхозов и совхозов по крайней мере с 1925 года и в принципе прониклось идеей коллективизации еще на XV съезде партии в декабре 1927 года. А в январе 1928 года Сталин решил, что социалистическое сельское хозяйство нуждается в ускорении. Судя по все-

му, Сталин мог предлагать программу создания совхозов в качестве пилотного проекта коллективизации, и, вероятно, он и другие лидеры (например, Калинин) рассматривали данный проект как одну из стадий процесса коллективизации».

Калинин защищал проект коллективизации на основе своей теории о дефиците зерна в стране, доказывая, что до тех пор, пока не будет создано больше совхозов и колхозов, данная программа сможет облегчить ситуацию. Он считал, что совхозы сыграют только вспомогательную роль в деле снабжения продовольствием. Он говорил, что «абсурдно перемещать центр тяжести поставок государству на совхозы», считая, что на ближайшие пять-шесть лет основным источником снабжения останутся индивидуальные крестьянские хозяйства – до тех пор, пока они смогут удовлетворять спрос.

Сталин дважды прерывал выступление Калинина, чтобы выразить свое согласие по этому вопросу. Таким образом, запуская этот пилотный проект, советское руководство пыталось организовать крупномасштабное социалистическое сельское хозяйство так, чтобы оно функционировало не в ущерб (и даже не мешало) индивидуальному крестьянскому хозяйству, а лишь дополняло его.

Они не обсуждали, что должно произойти через пять-шесть лет. Судя по всему, они просто надеялись, что социалистический сектор экономики будет расти достаточно быстро и сможет восполнить неизбежный дефицит, возникающий при работе крестьянских хозяйств.

Сталин высказал свою точку зрения по данному проекту в ответ на интенсивные дебаты, разгоревшиеся по поводу его

предложения. Анцелович, председатель профсоюза работников земли и леса и сторонник совхозов, крайне скептически отзывался о нацеленности проекта на развитие экстенсивного земледелия в засушливых регионах и призывал осваивать инвестиции в уже существующих совхозах. Хатаевич, партийный секретарь в Поволжье, рекомендовал то же самое, отчасти потому, что предполагал возможные задержки и прочие трудности в реализации проекта.

Тем не менее главным критиком стал Осинский – авторитетный статистик и экономист, обладавший обширным опытом управления предприятиями пищевой и сельскохозяйственной отрасли. В то время он занимал должность руководителя Центрального статистического управления. Осинский обрушился на проект с критикой, назвав его безграмотным с агрономической (подтвердив критику Анцеловича) и экономической точки зрения. Осинский рассказывал, как во время недавней поездки в США он пытался посетить две знаменитые «аграрные бонанзы» (сверхкрупные фермы) на Среднем Западе, принадлежавшие Дальримплю и А. Шарон, и выяснил, что обе фермы прекратили свое существование по причине истощенности почвы и по соображениям экономического характера.

Затем он подверг критике ферму Кэмпбелла только лишь на основании бесед с некими местными фермерами – он признался, что сам эту ферму не посещал. Он сказал: «Кэмпбелл, помимо всего, выступает в роли рекламного агента или же его предприятие является рекламной кампанией, демонстрирующей трактора и сельхозтехнику от соответствующих производителей. Кроме того, он дешево приобрел эту технику. Вот так обстоит дело с зерновой фабрикой Кэмпбелла».

Таким образом, Осинский характеризовал идею создания крупных сельскохозяйственных ферм как мошенничество, а вовсе не как образец технически продвинутого земледелия. Вместо нее в качестве образцов для подражания он приводил примеры нескольких немецких ферм интенсивного земледелия, связанных с пивоваренными заводами и другими предприятиями, предлагая то, о чем говорил немецкий марксист Каутский.

В ответ партийный руководитель с Северного Кавказа Иванов заявлял, что доклад Осинского о прекращении работы некогда крупных ферм отражает капиталистические условия, неприменимые в Советском Союзе, и убеждал, что эффект от общей экономической консолидации на базе совхозов обязательно компенсирует высокие затраты на их создание.

Ответом на это замечание стала реплика Рыкова: «правильно». Муралов, заместитель наркома сельского земледелия РСФСР, ответил на критику Осинского в адрес экстенсивного земледелия цитатой из книги самого Осинского, посвященной американскому земледелию. В книге имелось документальное подтверждение неуклонного прироста производства зерна на крупных американских фермах на протяжении десятилетий, это дискредитировало критические замечания Осинского об экстенсивном земледелии. Осинский, сказал Муралов, не знает содержания собственной книги. Муралов также процитировал слова ведущего советского специалиста по засухам агронома Н.М. Тулайкова, на базе экспериментальных данных доказавшего, что до того, как вопрос истощенности почвы приобретет серьезное значение, зерновые культуры можно выращивать на одной и той же земле семь лет подряд.

Именно в этот момент Сталин решил вмешаться в дискуссию и дать ответ Осинскому. В своем выступлении он защищал проект создания совхозов, а также американскую модель, лежащую в основе этой программы. Для начала он привел иностранные цитаты из статьи Тулайкова, где тот описывал ферму Кэмпбелла, рассказывал о ее огромной площади в 38 500 га, о полной механизации производства и высочайшем уровне производительности. Затем Сталин, как и Иванов, заявил об отсутствии в Советском Союзе таких капиталистических условий, как частная собственность и рента. Поэтому в условиях советской системы крупные зерновые хозяйства «вообще не нуждались как в максимальной, так и в средней прибыльности для развития, а могли бы ограничиться минимальным уровнем рентабельности (а иногда работать даже без прибыли), что наряду с отсутствием абсолютной земельной ренты создает крайне благоприятные условия для развития крупных зерновых хозяйств».

В итоге он отметил, что новые совхозы наряду с колхозами и уже существующими совхозами могли бы выполнять роль экономической опоры для села, что позволило бы увеличить объем поставок зерна и, таким образом, избежать применения чрезвычайных мер.

Тулайков, гораздо более компетентный и знающий специалист в области сельского хозяйства, чем Осинский, в действительности был прав, а заявления Осинского на пленуме о крупных американских фермах были глубоко ошибочными. В США было намного больше крупных ферм, чем те три, которые он пытался посетить. Ферма А. Шарон действительно прекратила существование в 1920-х годах из-за споров, возникших между

собственниками, но она была прекрасно организована и приносила прибыль на протяжении 42 лет своего существования.

Во время Первой мировой войны ферму Дальримпля временно поделили несколько фермеров только по причине прибыльности сдачи земли в аренду, но как только цены упали, многие из новых владельцев вернули свои наделы семье Дальримпля. В 1930-х годах площадь фермы вновь насчитывала более 10 000 га, она приносила прибыль и функционировала вплоть до 70-х годов прошлого столетия.

Что касается Кэмпбелла, он действительно рекламировал свой успех, но успех этот был вполне реальным. Томас Кэмпбелл-младший был невероятно одаренной личностью, автором кандидатских диссертаций по инженерному делу и юриспруденции. Будучи студентом, он руководил фермой площадью 1 600 га и сумел преодолеть первоначальные препятствия в виде засухи, неурожая и долгов, что позволило ему в начале 20-х годов превратить свою огромную ферму в невероятно успешное предприятие, функционирующее исключительно на основе механизированного производства зерна. В 1924 году он получил урожай пшеницы на миллион долларов, а его ферма продолжала оставаться крупной и урожайной вплоть до его смерти в 1966 году.

Ферма Кэмпбелла прославилась как крупнейшее и наиболее продуктивное зерновое хозяйство мира, а несколько иностранных государств, ознакомившись с его работами, приглашали его в качестве консультанта по модернизации ферм.

Тулайков, а следовательно, и Сталин были правы, говоря о Кэмпбелле следующее: «Его высокомеханизированное крупномасштабное земледелие создало прецедент, которому последовали фермеры США и многих других государств. Что бы мы ни

думали об экологических и экономических последствиях крупного фермерства, масштабная механизированная фабрика-ферма стала образцом модерна в сельском хозяйстве – по крайней мере в аспекте культивации зерновых и прочих культур, а также многих видов скотоводства. Автономные диверсифицированные фермы, идеализированные Каутским, а позже и Осинским, вне всякого сомнения, стали важным достижением XIX столетия, но ввиду малого использования механизации и высокого уровня автономности они перестали вписываться во все более узкоспециализированные шаблоны поставок сырья, производства и переработки, характерные для современной пищевой индустрии.

Целью проекта по созданию совхозов был выход на производство 100 миллионов пудов (примерно 1,6 миллиона тонн) товарного зерна в течение нескольких лет на базе использования наиболее современной технологии. При этом ставилась задача – новые совхозы не должны вторгаться во владения крестьян. И действительно, программу воплощали именно по этим принципам, для чего было создано новое ведомство «Зернотрест».

Столь обширная цитата оправдана тем, что сегодня эта давняя история уже мало кому известна. Но во времена, когда происходили описываемые события, производственный смысл создания крупного сельскохозяйственного производства был крестьянству в целом понятен, хотя и непривычен.

Обычная советская деревня эпохи НЭПа представляла собой царство середняка. Крестьянин обычно обрабатывал относительно небольшой земельный надел своими орудиями труда, своим тягловым скотом. Произведенную продукцию потреблял

в основном сам, и на рынок поставлялось немного. Купить новые орудия труда середняк мог с трудом. Большая семья сама производила почти все ей необходимое: ткань, одежду, обувь, многие орудия труда и предметы быта, содержала недвижимость, заготавливала корма для одной-двух коров и лошадей. Поля часто располагались далеко от дома и были разделены на несколько участков, расположенных вдали друг от друга. Жизнь крестьян отвлекали споры по межам с соседями, необходимость отдавать долги и недоимки по налогам.

Простая производственная кооперация давала надежду на то, что будет устранено множество факторов, сдерживающих производство. Например, небольшие наделы крестьян объединялись в компактные крупные поля. На крупном поле можно было использовать трактор, и даже простая обработка поля имеющимся тягловым скотом давала большую экономию времени, сил, скота. Находящиеся в распоряжении деревни земли и угодья можно было использовать эффективнее: ввести более качественные севообороты, нанять агронома, убрать межи, купить качественные семена. То же касается орудий труда, скота и хозяйственных помещений: исчезала необходимость в большом количестве хозяйственных помещений, скот, собранный в одном месте, вполне мог обойтись меньшими площадями, качественные орудия труда позволяли обработать большие площади, чем ранее. Кроме того, заготовка и хранение кормов большим коллективом могли быть организованы лучше, чем отдельной семьей.

Получить кредит от государства, заключить гарантированный контракт на урожай с заготовительными организациями, участвовать в крупной ярмарке, отвезти часть урожая в отдаленную местность, где его можно продать дороже, – все

это (теоретически) было легче крупному хозяйству, чем отдельному крестьянину. Наконец, за счет обычной кооперации условия труда и быта крестьян теоретически должны были стать лучше: заболевший в страду отец семейства не оставял семью голодать зимой, за детьми можно было установить надзор коллективно, пока родители работают в поле, можно было содержать школу, медпункт, строить местные дороги и мосты.

Государство гарантировало закупку основной части урожая по гарантированным расценкам. То есть проблемы колебания цен у крестьян не было, возникала возможность планировать производство на много лет вперед. Государство создавало машинно-тракторные станции и по подрядам обрабатывало колхозные поля. Государство брало на себя помощь в агротехнике и ветеринарии, принимало ответственность за культурную политику и наведение порядка в деревне, обещало обеспечить школу учителями, медпункт – акушеркой, а может, и врачом, провести в деревню электричество, построить часть дорог и мостов, ирригационные работы в целом.

Ключевое место в обещаниях государства занимала поставка большого количества тракторов и иной техники, очевидно, производительной на объединенных полях. По мере подготовки молодежи государство обещало поставить колхозу специалистов – агрономов, электриков, ветеринаров, шоферов, трактористов, техников, учителей, врачей, строителей. Пока таких специалистов не хватало, в деревню слали городских рабочих, которые могли бы справиться с новой техникой.

Крестьянину-средняку можно было объяснить плюсы такой коллективизации. Для создания райской жизни крестья-

нам в деревне надо было лишь научиться работать сообща, навести порядок в своем хозяйстве, преодолеть собственный эгоизм, лень, пьянство, вороватость, кумовство, жадность, консерватизм... Это была утопия. Но эта утопия была единственным выбором, который власть предоставила крестьянам. Либо продразверстка, голод и война, либо колхоз и общинная жизнь всерьез.

Кулак против колхоза

У предложенной деревне модели коллективизации был естественный враг в самой деревне – кулак, производитель товарного хлеба, не нуждавшийся в общине и тем более в колхозе. Более того, кулак страдал от коллективизации. Кулак был не просто богатым человеком, поставлявшим продукты на рынок, он всегда был кредитором деревни, работодателем для бедняков, спасителем бедняков от голода и «страховым полисом» для середняка на случай болезни хозяина во время важных работ, неурожая, пожара, любого бедствия.

Кулак мог нарастить свое значение в деревне в том случае, если бы в него были вложены ресурсы, которые государство было готово влить в коллективизацию. Кулак мог и поля «округлить», если бы ему было позволено скупать землю у односельчан, и агрономов нанять, и трактор купить...

Выбор государства в пользу коллективизации, а не фермерского рывка ствольшинского типа для модернизации сельского хозяйства, выбор в пользу колхоза, а не кулака был обусловлен далекими от крестьян соображениями. Но для деревни мотива-

ция государства особого значения не имела, важен был сам выбор государства в пользу колхозов и поддержка государством именно колхозной линии в деревне.

Совместное существование колхоза и кулака оказалось невозможным.

Начав коллективизацию, государство почти мгновенно создало в деревне организованный социальный полюс, бросивший вызов кулаку-фермеру в борьбе за скудные ресурсы. Возможно, одной из основных причин атаки государства на кулака и педалирования сплошной коллективизации была необходимость получить хлеб для городов, где была развернута индустриализация, и для армии, чтобы предотвратить войну. С введением продразверстки коллективизация и началась. А затем отступать было уже нельзя – надо было быстро проводить коллективизацию, чтобы получить товарный хлеб за счет теоретических плюсов кооперации производства на селе.

В 1928 году в Западной Сибири как реквизиция зерна у кулаков была введена своего рода продразверстка. Метод сработал (редкий случай, когда Сталин выехал за пределы своего кабинета и дачи – в Западную Сибирь, – чтобы посмотреть собственными глазами на результаты эксперимента по разворачиванию «классовой борьбы» в деревне), и его распространили на весь СССР.

Реквизиции зерна первоначально мыслились как мера сугубо временная. В деревне по «сибирскому методу» были сформированы новые комбеды – комитеты бедноты, которые занялись разверсткой поставок зерна внутри деревень. Реально хлеб был в основном у кулака. Против кулака эта социальная политика и выстроилась.

Помимо патриотической и коммунистической идеологической установки действовал еще и чисто социальный принцип: план поставки хлеба надо выполнить, и если не взять хлеб у тех, у кого он есть – у кулаков, – то пришлось бы брать его у середняков, то есть заставить середняка голодать, так как хлеба у него хватало лишь на свою семью. Конфискации хлеба у кулака давали комбедовцам реальные премии из конфискованного имущества. В результате в деревне быстро возникал ожесточенно настроенный к кулаку центр власти и «классовая борьба» действительно весьма обострялась. В силу поддержки комбедовцев всей силой государственной власти именно коллективный бедняк выигрывал в начавшейся внутри деревни схватке.

Реквизиции помогли решить проблему снабжения городов в 1928 году, но уже весенняя посевная кампания прошла плохо, и в 1929 год СССР вошел с угрозой еще большего зернового кризиса. Кулак, а с ним и середняк сократили посевы. В городах ввели продуктовые карточки, и советское руководство приняло решение перейти от сибирского метода к сплошной коллективизации, опираясь на все те же комбеды, преобразуемые в руководство колхозов².

Власть, принимая такое решение, руководствовалась следующим: поскольку зерна реально становилось все меньше, то в 1929 году его можно было изъять только еще большим, чем в предыдущем году, насилием. После изъятий 1928 года государство должно было либо отступать к новому НЭПу, либо усиливать изъятия зерна и форсировать коллективизацию. Крестьянин-фермер (кулак) государству уже не верил, так что новый НЭП был малореален – он скорее повлек бы за собой стагна-

цию производства хлеба и скорый голод в городах. Не было и оснований ожидать, что кулак в ближайшее время вновь начнет товарное производство хлеба: кулаки и середняки повсеместно сокращали запашку, переходя к почти «чистому» натуральному хозяйству. СССР сползал к большому голоду.

Конквест пишет³, что выход из подобной ситуации был возможен в виде менеджерских решений по повышению производительности труда в деревне, начиная с массовой замены деревянных плугов на стальные и т. д. Возможно, для деревни это оказалось бы действенным, но на деле было принято решение одним махом, революционным путем покончить за короткое время с отсталым сельским хозяйством и через сплошную коллективизацию перейти к крупнотоварному производству. Социальной опорой этого курса стал сформированный в ходе продрозверстки утопический по идеологии социальный полюс деревни. Скорее всего устремления именно этого комбедовского полюса и сделали возможным переход к коллективизации.

Без коллективизации деревню ожидала очень жестокая форма возврата к фермерскому пути развития. Кулачество могло вернуться к товарному производству только в одном случае – при гарантированном политическом контроле над деревней, а диктатура кулака грозила значительной части деревни потерей земли и крайней нищетой.

Возврат государства к НЭПу означал голод в городах и ослабление государства в целом: часть регионов неизбежно превратилась бы в зоны гражданской войны и интервенции на границах. Но в большинстве советских деревень возврат к НЭПу означал расправу кулаков над комбедовцами, коммунистами, бедняками...

Одна из причин перехода к коллективизации – необходимость управлять возникшим в деревне в ходе продразверстки социально-политическим полюсом. Организованное «антифермерское» начало в деревне было тесно переплетено множеством нитей с местными органами власти, оно идеологически ощущало советскую власть своей, и если бы власть не пошла на удовлетворение его требований и ожиданий, то скорее всего страну ожидала бы гражданская война.

Не столь давно большевики одержали победу в Гражданской войне за счет того, что бедняки и частично середняки консолидировались против помещиков: когда в некоторых регионах в деревне возникла угроза голода – прежде всего в Поволжье, – «классовая борьба» в деревне обострилась; когда голод возник, бедняки-середняки стали социальной опорой большевиков, изъяли у кулачества часть хлеба; в ответ на угрозу возврата помещиков в случае победы белых бедняки поддержали совместно с бывшим кулачеством большевиков.

Когда угроза победы белых была устранена, социальная борьба в деревне между бедняками и кулаками вновь обострилась настолько, что в ряде регионов – Тамбов, Западная Сибирь – вспыхнули восстания, ориентированные на кулацкие, фермерские ценности. Эти восстания были подавлены Красной армией с применением тактики, ориентированной на поддержку именно бедняцкого полюса в деревне. Власть после подавления восстаний перешла в основном в руки бедняков.

Но до восстаний ситуация дошла лишь в ряде губерний. В целом на остальной территории СССР бедняки справились с кулацким напряжением. А когда Москва объявила НЭП, ку-

лацкий полюс в деревне стал гораздо менее радикальным, и на некоторое время противостояние ослабло. Бедняки получили от советской власти хорошую плату за лояльность: земля была поделена по едокам, власть на местах осталась в их руках, мир и увеличение земельных наделов за счет всех революционных переделов и уменьшения населения дали им рост уровня жизни.

Начав новую продрозверстку, большевики вновь разожгли в деревне противостояние, повторив социальную тактику 1917–1922 годов. Удовлетворить ожидания бедняцкого полюса в деревне повторением НЭПа было невозможно. Советская власть была обязана и принуждена следовать логике внутридеревенской борьбы на стороне бедняцкого полюса. Начав продрозверстку вновь, власть была вынуждена возглавить социальную борьбу в деревне и довести ее до победного конца. При этом одной из ее основных задач было сохранение управляемости политической борьбы в деревне. Для этого важно было придать борьбе легитимные формы: совместные собрания, открытая «критика и самокритика», выборные органы власти с представительством разных групп сельских жителей, сохранение института суда и т. д.

Логика политики коллективизации понятна, но реализация этой политики оказалась для власти тяжелейшей задачей. Руководство СССР не ожидало столь глубокого обострения противоречий в деревне, но отступить уже было поздно, и политика государства в ходе коллективизации быстро стала отражением интересов антифермерского, утопического полюса деревни.

От реформы деревни к деревенской революции

Коллективизация проходила не так, как планировалось изначально. Предполагалось, что коллективизация будет проводиться медленно и постепенно: мало-помалу немногочисленные колхозы будут насыщены техникой и иными благами, что позволит без особого драматизма завоевать симпатии крестьянства и провести сплошную коллективизацию. Однако коллективизация началась во взбудораженных и ожесточенных продразверсткой деревнях, и противостояние полюсов в деревне очень быстро приняло формы, напоминающие множество маленьких гражданских войн.

Очень жаль, что история коллективизации почти не описана через формы противостояния в деревнях. Культурная революция, завоевание бедняцким полюсом политических позиций в деревне за счет культурной политики стало едва ли не важнейшей формой социальной борьбы.

Бедняцкий полюс в деревне очень быстро стал полюсом, противостоящим кулаку-фермеру не только в социальном, но и в культурном отношении. Кулак – это не просто зажиточный крестьянин. Зажиточность – это не более чем хозяйственная характеристика, годная скорее для абстрактного анализа больших процессов. Кулак олицетворял собой частное хозяйство, патриархальную семью, стремление к индивидуальному обогащению и праву сильного.

Бедняк – сторонник коллективного хозяйства и солидарности в борьбе с испытаниями, он ставит утопические общие идеалы выше своих частных интересов, интересуется политикой,

участвует и организует открытые дискуссии, открытую борьбу во время собраний, обнаруживает свою позицию в демонстративных акциях, стремится организовать жизнь всей общины, стремится к образованию и к открытой всем жизни в коммуне.

За все время коллективизации и даже за все время существования СССР так и не было выработано официального канонического определения кулака, тем не менее кулачество «как класс» было разгромлено.

Борьба в деревне была прежде всего культурной борьбой, борьбой идентичностей: освободить угнетенных женщин, освободить детей, собрать в общественные организации, вовлечь в политическую борьбу на стороне бедняка – вот что было одной из главных задач по подавлению кулака.

Освобождение женщины – это вмешательство в самую сердцевину основного социального института, на котором покоился кулак, – в семью, ведь большие семьи с патриархальными порядками, естественно, были способны содержать зажиточные крестьяне, придерживающиеся кулацкой идеологии.

Освобождение женщины – это разрушение крупной консолидированной семьи, способной противостоять бедняку в деревне политически и даже силовым путем. «Освобожденная женщина», бежавшая от жестокого мужа в «ячейку» или позвавшая на помощь председателя колхоза, – это удар колоссальной моральной силы. Это провокация кулака на применение насилия в индивидуальном порядке, с которым бедняк мог справиться.

Такую же идеологическую основу имело и освобождение молодежи и детей. В деревнях появились школы, дающие избыточное для деревни образование. Учитель, как правило, был не

из местных. На базе школы начинали работать комсомольская и пионерская организации, которые как минимум превращались в агентурные сети по сбору информации о намерениях кулацких семей, кружки по интересам. Таким образом, школы стали основным инструментом разрушения большой семьи и консолидирующей ее патриархальной идеологии.

Школа давала возможность получить рабочую специальность и вырваться в город или уйти во власть. Лишь на заре школа занималась исключительно ликвидацией неграмотности – очень скоро она превратилась в прообраз политехнической советской школы, в систему подготовки детей к получению технических специальностей. Школа заложила непреодолимый конфликт между кулаком и его детьми, получающими образование, избыточно сложное для привычного ведения хозяйства, но дающее отличный рост в коллективном секторе или в городе.

Если для кулака или ориентированного на кулацкий, фермерский тип семьи такое образование было опасно, то для семьи середняка и тем более бедняка такое образование было счастьем, свалившимся с неба: дети гарантированно получали возможность жить лучше родителей. Школа привязывала середняка и бедняка к революционному полюсу деревни ничуть не меньше, чем объединение маленьких наделов в общее поле.

Таким образом, культурная революция сделала молодежь ударной силой внутридеревенского противостояния, и школа как социальный институт постоянно воспроизводила и пополняла революционный полюс. Бедняк стал символом технического и культурного прогресса.

Деревенский идеал стал олицетворять не образованный крестьянин-фермер, бережливый хозяин и почтенный набож-

ный отец семейства, а молодой специалист, организатор, техник, тракторист, электрик, учитель, агроном, инженер, демобилизованный солдат, командир, прибывающий домой в отпуск, или рабочий крупного завода. Старые формы культуры – большая семья, церковь, обычаи, регулирующие деревенскую жизнь в связи с календарным циклом или в рамках традиций взаимопомощи, – все это было враждебно новому полюсу и новой культуре коллективизируемой деревни.

Власть вмешивалась в конфликт в деревне не только через школу: в ход шли прямое административное поощрение бедняка и антикулацкая пропаганда. Власть присылала в деревню работников из других местностей или городов, которые опирались на «бедняцкий лагерь», временами возглавляли его.

Бедняцкий полюс был реанимирован ради фискальной цели – забрать зерно у кулака, чтобы сорвать зерновую забастовку и не допустить голода в городах. Бедняк был призван стать спасителем от голода и вторжения врага в ослабленную голодом страну. Полицейская функция бедняка, зафиксированная в сибирском эксперименте, обострила его отношения с кулаком и сделала противостояние бедняка и кулака беспощадным.

Совершенно логично, что в этом противостоянии к бедняцкому лагерю примкнули деревенские маргиналы – уголовники, алкоголики, бездельники и садисты, как всегда бывает на войне, находили себе место в обоих лагерях, но в лагере победителей их, как обычно на войнах, было больше.

Интересно этот факт оценивает Конквест. При всем осуждении коммунистов и деревенских активистов за коллективизацию Конквест повторяет свидетельства, что среди активистов идеалисты и человеческие отбросы составляли «половина на

половину». Революционный лагерь, как всегда бывает на начальных стадиях революций, привлекал к себе множество асоциальных лиц. Как всегда бывает при революциях, их вычистили потом, по мере стабилизации ситуации.

Причиной выхода коллективизации за рамки планируемых темпов уже на начальной стадии была победа бедняка над кулаком в ходе внутريدеревенского противостояния, а местные органы власти повсеместно использовали первую волну коллективистского энтузиазма неопытных активистов в своих политических целях. Развернувшееся соревнование между губерниями и краями за темпы сплошной коллективизации стало для власти неожиданностью. Таким образом, модель коллективизации была сломана снизу, она рухнула.

Насытить колхозы техникой и кадрами, превратить их в зримо более эффективные, чем кулацкие, хозяйства и затем, опираясь на них, вобрать в них массу середняков возможности не было. Исчезла и возможность быстро создать новый район крупнотоварного совхозного производства в Заволжье и подстраховать хлебом оттуда социальную трансформацию. Внутريدеревенская борьба пошла своим путем, а местная власть в разных регионах и с разным успехом подстроилась под нее.

Итак, колхозы не получили ожидавшейся техники и господдержки, тогда как товарное производство в хозяйствах кулаков уже было подорвано. Средняк также сократил производство. Вместо положительного эффекта колхозы дали эффект отрицательный. Кулак развернул ответный удар по бедняку, используя те же легальные каналы социальной активности, которые ранее успешно работали на бедняка: собрания разного уровня и т. д. Ответом на это стало откровенное насилие. Гражданскую

войну остановить было невозможно: она и развернулась в виде нескольких волн раскулачивания, заодно уничтожив священников и их семьи, а также любых потенциальных политических противников советской власти.

Главным ударом по деревне стали забой скотины, уничтожение колхозного имущества, воровство, некомпетентные управленческие решения неопытных руководителей коллективных хозяйств, массовая некачественная работа в колхозах. Эти проблемы можно было бы решить в условиях плавной, управляемой государством коллективизации, как это изначально и предполагалось. Так, например, это произошло в Западной Белоруссии и Прибалтике, в Восточной Европе после Второй мировой войны, но в СССР коллективизация вырвалась из-под контроля власти на начальной стадии и развивалась не как глубокая хозяйственная реформа, а как революция в деревне.

Зимой 1929–1930 годов развернулась первая волна сплошной коллективизации. Однако коллапс от массового уничтожения крестьянами скота и орудий труда уже к весне стал столь очевидным, что Сталин дал сигнал к откату. Весной 1930 года центральная власть, оценив негативные последствия коллективизации и угрозу большого голода, дала разрешение на выход из колхозов и уменьшила степень обобществления хозяйства в них. Статья Сталина «Головокружение от успехов» привела к массовому выходу из колхозов крестьянства по всему СССР. У колхозников увеличились личные «подсобные» хозяйства, гарантирующие выживание семьи, очертилась грань эффективности управления крупным хозяйством по сравнению с частным. Но новая волна коллективизации была неизбежна.

Осенью 1930 года коллективизация возобновилась. Она проходила более планово, менее утопично и более жестоко. Раскулачивание приняло характер сплошного насилия: физически уничтожали или выселяли в малопригодные для жизни места целую социальную группу. Именно в это время, в 1929–1931 годах, кулачество в деревне было уничтожено «как класс». Без этой волны насилия кулак в деревне, отразив удар сплошной коллективизации, окреп бы и перешел к новому наступлению на социалистический полюс деревни. Кроме того, кормить города все равно было необходимо, а обеспечить это могло только крупное хозяйство. Либо кулацкое фермерское, либо коллективное.

Раскулачивание выполнило свою основную задачу: деревня лишилась организованного ядра носителей «антисоциалистических» ценностей, угроза масштабной гражданской войны в стране отошла на второй план. Одновременно успех культурной революции усилил бедняцкий полюс, в основном за счет молодежи. Однако промышленность не могла обеспечить колхозы в масштабе страны необходимой техникой, а сами колхозы на руинах хозяйства деревни не могли обеспечить быстрый рост производства.

Роберт Конквест. «Жатва скорби», 1988 год

«...Подсудимых, многие из которых играли важную роль в разработке пятилетнего плана, обвиняли в том, что они пытались занижить рубежи пятилетки. Данные советской статистики действительно подтверждают, что проходившие по этому процессу специалисты проявили незаурядное предвидение, предугадав истинные показатели выполнения пятилетнего плана. Правда,

почти во всех случаях их прогнозы были все же слишком оптимистическими. Например, они предсказали, что в 1932 году будет произведено 5,8 миллиона тонн стали (это входило в число инкриминированных им преступлений), а планом предусматривалось произвести 10,3 миллиона тонн. На суде обвиняемые покаялись и признали, что “следовало наметить значительно более высокие показатели”. Реальное производство стали составило 5,9 миллиона тонн. Для чугуна в чушках “преступники” предсказали цифру в 7 миллионов тонн. По плану было намечено произвести 17 миллионов тонн, фактически в 1933 году было произведено 6,1 миллиона тонн.

...Одновременно с этим сознательно затемнялось истинное положение дел в деревне. Зарубежные простаки и активисты долго тешились нелепыми предсказаниями небывалого изобилия, которое вот-вот наступит. По потреблению масла СССР должен был вскоре перегнать Данию, поскольку поголовье молочных коров должно было вырасти в 2–2,5 раза, а удой – в 3–4 раза. (В действительности производство масла в Восточной Сибири, о которой мы имеем данные, снизилось с 35 964 тонн в 1928 году до 20 901 тонны в 1932 году.) В 1929 году было даже официально заявлено, что к 1932 году урожай зерновых возрастет ни больше ни меньше как на 50 процентов, а впоследствии объем товарного зерна в результате применения тракторов увеличится еще на 25 процентов.

...Численность лиц, перешедших в промышленность, выросла сверх всякого ожидания (население многих городов увеличилось больше, “чем было предусмотрено планом”) – на Днепрострое, например, она составила 64 000 вместо 38 000. Как мы видели, использование “раскулаченных” на промышленных пред-

приятнях отнюдь не поощрялось – по меньшей мере официально. Исключением являлись сибирские новостройки; впрочем, во многих других местах, таких как лесоповал или строительство Беломорско-Балтийского канала (оказавшегося, к слову, совершенно бесполезным), использовался принудительный труд; поэтому абстрактная статистика имеет право рассматривать эти случаи как переход от крестьянского образа жизни к рабочему. Тем не менее подавляющее большинство новых промышленных рабочих могло прийти только из деревни. С 1929 по 1932 год в промышленности появилось 12,5 миллиона новых рабочих, из них 8,5 миллиона происходили из сельской местности.

...Этот рост городского населения означал, среди всего прочего, увеличение потребности в продуктах питания. В 1930 году государство кормило 26 миллионов городских жителей; в 1931 году – 33,2 миллиона, то есть почти на 26 процентов больше. Однако производство хлеба, предназначенного для продажи в городе, увеличилось за тот же период лишь на 6 процентов. В 1930–1931 годах была завершена централизация распределения хлеба при строгом нормировании.

Проблема эффективности управления колхозами стала основной. Ни государство, ни победившее в деревне бедняцкое ядро к решению столь масштабной хозяйственной задачи готовы не были. Необходимо было время для того, чтобы как-то поставить коллективное хозяйство на ноги. Но этого времени не было, и уже осенью 1931 года началось сползание деревни и всей страны к голоду. Весной 1932 года в ряде регионов голод начался. Среди этих регионов была Украина. Голод был относительно небольшим, но он продемонстрировал: сельское хозяйство

СССР уже не могло накормить всю страну. Большой голод зимой 1932–1933 годов становился неизбежным»⁴.

И вот пришел голод

Споры о масштабе голода и его причинах в каждом отдельном регионе СССР имеют какой-то смысл, но в целом они носят академический характер. Факт голода не отрицается ни одним исследователем, различаются лишь цифры погибших, которыми оперируют историки. В любом случае речь идет о нескольких миллионах жертв, вызванных однотипными причинами: крестьяне массово уничтожили тягловый скот, а трактора массово в колхозы не пришли.

Кроме того, качество управления работами в колхозах было столь низким, что урожай был убран очень небольшой. Низкое качество работы было обусловлено во многом пассивным сопротивлением крестьян колхозам: сокращение запашки, то есть трудозатрат на ведение хозяйства, сокращение потребления до уровня, обеспечивающего только потребление своей семьи, – обычное поведение крестьян в ответ на изъятия у них продуктов государством.

Массовый убой скота вызвал настоящую экономическую катастрофу. На VII съезде ВКП(б), состоявшемся в 1934 году, было объявлено, что потеряно 26,6 миллиона голов крупного рогатого скота (42,6 процента всего имевшегося в стране поголовья) и 63,4 миллиона овец (65,1 процента общего поголовья). На Украине было забито 48 процентов крупного рогатого скота, 63 процента свиней, 73 процента овец и коз. Скорее всего эти официальные данные были занижены⁵.

Трудозатраты на товарное производство перестали себя оправдывать, и крестьянин сокращал запашку, пережидая тяжелое время без денег – однажды государство в таком случае уже отступило, тогда появился НЭП. Крестьянин надеялся переждать, но городу взять продукты было негде. В такой ситуации либо город изымал зерно насильственно у крестьян, провоцируя локальный голод в деревне, либо голод перебрасывался на города, как было в 1917–1922 годах⁶.

Урожай 1932 года, за который крестьяне в массе своей получили предоплату, ожидался неплохой. Расчеты были сделаны на основании выборочных замеров по урожайности полей «в колосе», до уборки. Однако убрать урожай в полном объеме и сохранить его не удалось. Значительная часть урожая погибла от локальных засух, дождей и вредных насекомых, а также при некачественной уборке.

Неверный расчет привел власть к выводу: крестьяне массово прячут хлеб. Доводы местных органов власти об отсутствии хлеба во внимание не принимались. В СССР полным ходом шла индустриализация – города и стройки нуждались в продовольствии. Остановить индустриализацию, по мнению центра, было самоубийством всей страны. Центральные власти оценивали международную ситуацию как предвоенную.

Весной 1932 года голод охватил ряд регионов, включая Украину, но посевную провести удалось. Однако осенью по всей стране был собран крайне низкий урожай. Хлебопоставки, исходя из которых планировалось снабжение армии и городов, оказались выполнены менее чем наполовину. На Украине было сдано государству около 20 процентов госпоставок. Угроза голода в городах и в армии стала реальностью уже в октябре – но

ябре. Было резко сокращено потребление продуктов в городах, а карточная система оставила ряд социальных групп горожан вообще без продуктов. Норма выдачи продуктов в городах составила в ряде случаев 200 граммов хлеба в день – уровень снабжения в блокадном Ленинграде. Киров своим решением санкционировал снабжение армии на территории Ленинградского округа из неприкосновенных запасов. Похожие явления начались по всей территории СССР. Был прекращен экспорт зерна за границу. Власть начала выбивать хлебопоставки любыми средствами.

Все меры власти сводились к почти полному изъятию всего продовольствия и его централизованному перераспределению. Во многих случаях отбиралось даже посевное зерно – его выделяли колхозам позднее, уже к посевной, весной 1933 года.

Осенью 1932 года последовало беспощадное распоряжение по всем регионам СССР: выполнить госпоставки. Регионы, выполнившие поставки хотя бы на 80 процентов, оставляли в относительном покое, а те, где госпоставки затягивали, заносили на «черные доски», что означало прекращение поставок в магазины промышленных товаров и установку запрета на перемещения в другие регионы. В зачет госпоставок колхозы и единоличники часто отдавали все зерно, включая семенной фонд⁷.

Наиболее сложной оказалась ситуация с госпоставками на Украине. Здесь к концу 1932 года не было выполнено и половины плана, соответственно репрессивные меры власти оказались особенно жестокими. Осенью 1932 года БССР и УССР одновременно получили распоряжение выполнить поставки любой ценой при примерно одинаковом уровне недопоставок.

Белоруссия в декабре выполнила поставки на 80 процентов, «черных досок» в ней почти не вводили, и не было изъятия всех продуктов в счет хлебозаготовок. На Украине изымали все. Подобная же ситуация сложилась на Северном Кавказе, в Нижнем Поволжье, в Казахстане. К Новому году у крестьян в этих регионах еды почти не было. Наибольший голод развернулся, естественно, весной, ближе к посевной⁸.

К февралю 1933 года московскому руководству стало ясно, что необходимо принимать меры по предотвращению надвигающегося громадного голода. 25 февраля власти распорядились «субсидировать посевное зерно» для следующего урожая – 325 000 тонн было выделено Украине. 15 марта госпоставки зерна на Украину были наконец официально прекращены, впрочем, реквизиции зерна поощрялись – якобы с целью вернуть необходимое «посевное зерно, украденное или незаконно распределенное», как сформулировал Постышев. Уже в апреле Микоян отдает в Киеве приказ отпустить крестьянам часть зерна из армейских запасов. Весной стали кормить тех, кто вышел на посевную. В конце мая, по имеющимся сведениям, смерти от голода в массовом масштабе практически прекратились, хотя коэффициент смертности по-прежнему оставался выше обычного⁹.

Эти меры привели к тому, что крестьяне даже в голодающих районах вышли на посевную, затем убрали и более или менее сохранили урожай, в сельское хозяйство пошла техника, общий уровень управления крупным сельскохозяйственным производством после всех чисток, сопровождавших коллективизацию, улучшился.

С каждым годом на производство стало приходиться все больше квалифицированной рабочей силы из числа молодежи. Не-

урожаи и недисциплинированность больше не приводили к таким колоссальным потерям, как в начале коллективизации. Теперь, после уничтожения кулачества, голодом было уничтожено даже пассивное сопротивление. Бедняк победил, хозяйство стало продуктивнее, чем было до коллективизации. Угроза голода ушла вплоть до 1946 года, когда голод охватил в основном разрушенные войной районы бывшего СССР. Его преодолели достаточно быстро, и более голода территория бывшего СССР не знала.

Жизнь после голода

Советский коллапс 1932–1933 годов – беспрецедентное в истории человечества явление. Конечно, изначально коммунисты, начиная коллективизацию, готовились к тому, что «лес рубят – щепки летят», но голод 1932–1933 годов поставил под угрозу существование самого СССР. Голод пришел в города и в армию, была возможна внешняя интервенция, планы индустриализации СССР были поставлены под угрозу – этого начинавшие коллективизацию не планировали.

Осенью 1932 года ситуация фактически вышла из-под контроля центра. Несколько месяцев руководство СССР, похоже, искренне полагало, что столь низкий урожай, какой был заявлен к осени, невозможен в принципе. Соккрытие крестьянами хлеба рассматривалось как форма классовой борьбы, знакомая еще по эпохе Гражданской войны: кулак душит советскую власть «костлявой рукой голода». Поставленная задача найти в ямах хлеб была дополнена массовым террором по отношению к целым регионам.

«Черные доски» и коллективная ответственность за недопоставки хлеба были ответом города, интересы которого взялась отстаивать центральная власть. Центр рассматривал целые регионы как зоны своего рода Вандеи. «У мужичка хлеб есть» – несколько критических месяцев руководство СССР было в этом искренне уверено. Тем более что наименьший уровень госпоставок отмечался в зерноводческих регионах, а урожай, по изначальным оценкам, в этих регионах должен был быть неплохим, и в ямах действительно временами находили заметные объемы хлеба...¹⁰

Успех выбивания хлеба из большинства регионов СССР – за исключением Украины, Северного Кавказа и Нижнего Поволжья – осенью 1932 года укрепил советское руководство во мнении, что оно сталкивается с массовым саботажем. В рамках исповедовавшейся Сталиным и коммунистической партией доктрины об обострении классовой борьбы по мере строительства социализма такое видение ситуации было бесспорным. Из этого вывода логично следовал второй: местные органы власти в ряде регионов СССР готовятся атаковать центр, используя недовольство крестьян коллективизацией и националистические лозунги. Модель этой атаки в рамках доктрины классовой борьбы выглядела очень логично: местные власти или провоцируют голод на местах, или чаще покрывают сокрытие хлеба крестьянами; местные органы власти втянули в свой заговор руководство колхозов – часто в контакте со спецслужбами соседних стран и/или с оппозицией в крупных городах; задача заговорщиков – вызвать большой голод в армии и в городах, остановить индустриализацию, а затем взять власть в СССР и использовать эту власть для прекращения строительства социализма,

то есть для возврата к «капитализму». Наиболее вероятной угрозой в этом плане был распад страны на националистические государства, по границам союзных республик.

К осени 1932 года, по мере потери контроля над ситуацией, угроза голода в городах и распада страны становилась все более реальной. Центр, в рамках политической логики, действовал «на опережение». Изъятие из деревни фактически всего зерна в октябре – декабре по всему СССР было главным эпизодом войны центра и регионов. Получив все зерно в свои руки, то есть получив в свои руки жизнь и смерть массы людей, центр смог перейти к политическому подавлению своих противников на местах.

В конце 1932-го – 1933 году во всех регионах СССР была развернута многослойная чистка. В деревнях была стимулирована новая фаза «классовой борьбы»: борьба с саботажем, воровством, вплоть до колосков в полях, обыски домов ради спрятанного стакана пшена. Все это ожесточило деревню, как никогда в истории.

Режим лагеря смерти в большинстве случаев в деревнях был установлен не войсками или ГПУ, а местными активистами. Активисты контролировали выполнение госпоставок и малейшие проявления сопротивления власти. Именно активисты, «коллективный бедняк», искали щупами у своих же соседей и родственников продукты в амбарах, огородах, сараях...

Этот режим дополнился чистками внутри самого «актива». В конце 1932 года началась массовая борьба с «проникновением кулака в колхозы». Чистка руководства колхозов наиболее масштабно прошла в тех местностях, где выполнение госпоставок было низким. Выдвиженцы первых лет коллективизации,

допустившие столь мощное падение производства, заменялись новыми выдвиженцами, слабо связанными с давней деревней, ориентированными на вышестоящее руководство.

Чистке подвергались прежде всего те, кто поднялся на волне раскулачивания. Именно они составили костяк управленческих кадров деревни после уничтожения кулачества, и они же в ряде регионов СССР не справились с госпоставками. Заменяли их технократы, ориентированные не на классовую борьбу в деревне, не на идеологию, а на выполнение госпоставок и рост производства в колхозах¹¹. С моральной точки зрения и те и другие были убийцами разных групп людей: одни убивали кулачество с его фермерскими ценностями, другие – «лентяев», воров, «саботажников».

История коллективизации – это в первую очередь история порождения деревней все новых волн убийц, до тех пор пока ситуация в сельском хозяйстве не стабилизировалась и не начался рост производства на новой коллективной крупнотоварной основе.

Роберт Конквест. «Жатва скорби», 1988 год

«...В финале такой кампании активистов как бы переводили в другие села, а все продукты, которые они сами попрятали, конфисковались в их отсутствие. И когда 8 марта 1933 года их миссия завершилась, комбеды были распущены, а их членов оставили голодать вместе с прочими односельчанами. Когда активистам тоже выпало на долю умирать от голода, то жалости это ни у кого не вызывало. В селе Степановка Винницкой области местный активист, член отряда по конфискации зерна, всегда распевал “Интернационал”, начинающийся словом “Вставай...” Вес-

ной сельчане нашли его лежащим на дороге и издевательски закричали ему: «Эй, Матвей, вставай!» Но он почти тут же умер»¹².

Чистка в колхозах в конце 1932-го – 1933 году вырывала деревню из рук органов власти уровня района и области. Произошел разгром своего рода «троцкистов» – революционных идеологизированных радикалов, перед этим выигравших собственную «гражданскую войну» с кулаками. Деревня во главе с «технократами» нуждалась в посевном зерне и иной помощи, а помощь находилась в распоряжении центра.

В конце 1932 года началась чистка аппаратов на уровне областей и республик. В ряде случаев она проходила под флагом борьбы с местным национализмом, в других случаях происходило укрепление местных кадров в противовес русским. Могли быть и иные комбинации. В конечном счете, похоже, центр реагировал на ситуацию в разных регионах по-разному, но в рамках одной общей установки: связь между выдвинутыми первыми волнами коллективизации, создавшими угрозу голода в городах, и местными аппаратами должна быть разрушена. Вычищены должны были быть все – и выдвинутые в деревнях, и связанные с ними местные кадры¹³.

В Казахстане чистка привела к провозглашению Казахской союзной республики на месте автономии, существовавшей в рамках РСФСР. На Украине столица была перенесена из Харькова в Киев, прошло уничтожение национально ориентированных кадров, выдвинувшихся в ходе политики «коренизации» в 1920-х – начале 1930-х годов.

Новые аппаратчики трансформировали националистическую идеологию. Во всех республиках рост городов и появле-

ние в деревнях школ сопровождалось массовым использованием местных языков. Именно во время коллективизации и грандиозного уничтожения белорусских и украинских «нацдемов» в 1933 году произошел массовый переход в системе образования и СМИ к местным языкам, а сфера применения русского языка резко сузилась. Однако из националистической идеологии был едва ли не полностью изъят романтический, гуманистический компонент. Культуры были трансформированы в «социалистические». Субъектность наций мыслилась не абсолютной, как у «буржуазных националистов», а ограниченной, находящейся в контексте социалистических преобразований и скорее утилитарной, зависящей от потребностей момента. Например, необходимо ослабить кулака в Гомельской области Белоруссии – и вводится белорусизация, уничтожающая не столько русскую идентичность, сколько любую форму оппозиционности, а заодно и кадры, выдвинувшиеся в ходе предыдущих кампаний.

Точно так же и в УССР «коренизированные» кадры провели коллективизацию в деревне и довели ее до массового голода, а затем их обвинили в буржуазном национализме и уничтожили. При этом уничтожение одних кадров и замена их новой, местной же, волной выдвиженцев часто производились этническими евреями, затем также вычищенными. А уж выдвиженцы этих выдвиженцев в 1937–1938 годах беспощадно вычистили своих же радетелей без оглядки на их национальность.

Логика кадровых ротаций той эпохи имела свое обоснование: в ее основе лежала ориентация каждой новой волны на центр, против предыдущей волны. Центр, как правило, действовал быстрее, был квалифицированнее и беспощаднее, чем местные кадры.

Парадоксально, но еврей Хатаевич и поляк Косиор вычищают украинских «нацдемов» в 1933 году и проводят чистку в колхозах, одновременно обеспечивая превращение украинских городов в украиноязычные и массовое распространение украинской школы.

Или возьмем Казахстан: с одной стороны, беспрецедентные жертвы среди насильственно посаженных на землю кочевников-казахов, их массовое бегство за границу, с другой – казахская государственность на уровне союзной республики – субъекта СССР, казахизация школы и города, унификация литературного языка, казахизация включенных в состав Казахстана русских областей; уничтожение казахской интеллигенции и кадров, выдвинувшихся в 1920-х годах, и массовый социальный рост новой волны казахских же выдвиженцев¹⁴.

Однако подобные парадоксы вполне укладываются в рамки логики удержания власти центром в превентивной войне против региональных элит: центр реагировал более или менее успешно на реальную угрозу политического коллапса всей страны и успевал начать атаку на своих противников раньше, чем те проявились, при этом исход борьбы зависел от того, кто контролировал ресурсы территории, обеспечивавшие населению жизнь и смерть, и кто контролировал продовольствие. Центр сумел в этой борьбе победить.

ГЛАВА III

УКРАИНА: ГОЛОД, НО НЕ ГОЛОДОМОР

Политика завышенных планов

В схватке вокруг угрозы голодного коллапса СССР осенью 1932-го – весной 1933 года была одна важная особенность. Наиболее масштабным голод был именно в регионах, населенных в основном украинцами, или, точнее, в регионах, которые украинский национализм по языку относил к этнической Украине (территория УССР, часть Северного Кавказа, Южной России, Нижнего Поволжья). Почему это произошло?

Ход коллективизации на Украине изначально отличался от общего ее хода в СССР: она была проведена полнее, чем в РСФСР, и к середине 1932 года 70 процентов украинского крестьянства было охвачено колхозами (в России – 59,3 процента). Весной 1932 года начался голод, жертвами которого стали около полумиллиона человек. Летом крестьяне не голодали, однако в октябре – ноябре – после того как были подсчитаны необходи-

мые объемы госпоставок, выдвинуто требование выполнить их в течение месяца и Украина госпоставки не выполнила – у крестьян изъяли почти все продовольствие. В том числе именно на Украине были пересчитаны в «хлеб» и изъяты все продукты¹.

Роберт Конквест. «Жатва скорби», 1988 год

«В обычных обстоятельствах Украина и Северный Кавказ поставляли половину всего рыночного зерна. В 1926 году, в год лучшего перед коллективизацией урожая, 3,3 миллиона тонн зерна (21 процент от общего урожая) было получено государством с Украины. При хорошем урожае 1930 года на Украине взяли 7,7 миллиона тонн госпоставок (то есть 33 процента урожая); и хотя на долю Украины приходилось только 27 процентов от всего советского урожая зерна, ее заставили сдать 38 процентов всех зерновых поставок.

В 1931 году те же 7,7 миллиона тонн с Украины потребовали уже при урожае только в 18,3 миллиона тонн, то есть 42 процента (около 30 процентов зерна было потеряно в силу неэффективности коллективной жатвы). Известно, что украинское руководство пыталось убедить Москву снизить размеры поставок, но безуспешно... Практически было собрано только 7 миллионов тонн. Но это уже означало, что, исходя из прежних стандартов, на Украину в конце весны 1932 года надвигался голод: в среднем приближении на душу сельского населения Украины оставалось 250 фунтов зерна.

Украинским лидерам было совершенно ясно, что предлагаемые размеры реквизиций не просто завышены, а совершенно невыполнимы. После долгого препирательства украинцы сумели добиться снижения цифры поставок до 6,6 миллиона

тонн – но и это количество собрать тоже было далеко за пределами возможного.

Происходило это с 6 по 9 июля 1932 года на III Всеукраинской конференции компартии Украины, где Молотов и Каганович представляли Москву. Открыл конференцию Косиор. Некоторые районы, сказал он, “испытывают серьезную нехватку продовольствия”. Он отметил, что “некоторые товарищи склонны объяснять имеющиеся трудности в весенней посевной кампании завышенными планами зерновых поставок государству, которые они считают нереальными... Другие говорят, что наш темп и наши планы чересчур напряженные”. И многозначительно добавил, что подобная критика планов поставок исходит не только с периферии, но и из ЦК Украины...

В действительности 6,6 миллиона тонн зерна так никогда и не были собраны, несмотря на любые меры, как это и предвидел Чубарь. Единственным, хотя и малым утешением явилось снижение норм поставок масла с Украины с 16 400 до 11 214 тонн (на 14 июля 1932 года) решением Экономического совета Украины, без сомнения, принятым односторонне»².

Часть колхозов Украины, целые районы были занесены на «черные доски» и фактически изолированы от остального мира вплоть до выполнения ими госпоставок или хотя бы их заметной части. Такие колхозы рассматривались как кулацкие, где администрация захвачена кулаками, осуществляющими масовый саботаж. Именно в этих колхозах, скорее всего, были наиболее масштабные жертвы от всей совокупности факторов, вызываемых голодом: истощение, болезни, отсутствие ухода за стариками и больными, ускорившее их смерть.

Основная часть территории Украины не попала на «черные доски». Но голод был и там. Просто не такой сильный.

Несмотря на все усилия, к концу 1932 года было поставлено только 4,7 миллиона тонн зерна, то есть только 71,8 процента от плана. В начале следующего года была объявлена третья принудительная поставка зерна, и в самых страшных условиях продолжалось наступление на уже несуществующие резервы зерна украинского крестьянства.

Попытки украинцев откочевать на промыслы или нищенство за пределы УССР в значительной мере пресекались введенным паспортным режимом и контролем на дорогах и границах УССР³. Тем не менее многие районы СССР и украинские города были заполнены голодающими людьми.

В конце 1932 года началась крупнейшая чистка в органах управления колхозами и в аппарате власти Украины. В ходе этой чистки генерация кадров, проводивших коллективизацию, в значительной мере погибла, а вместе с ними погибли и многие члены их семей, лишившиеся кормильцев в разгар голода. Сложно отнести этих активистов и кадровых работников к жертвам голода, но их семьи – безусловно жертвы. Какую долю в общей массе погибших от голода составили эти вольные или невольные организаторы голода – сказать сложно. Но вряд ли это была малая доля.

Роберт Конквест. «Жатва скорби», 1988 год

«Постышев вместе с новым начальником ОГПУ Украины В.А. Балицким вскоре сместил 237 секретарей райкомов и 249 председателей райисполкомов. Некоторые районы сделались публичными козлами отпущения – в частности, Ореховский район Днепро-

петровской области, “руководство которого, как выяснилось, состоит из предателей рабочего класса и колхозного крестьянства”. ОГПУ занималось также жестокой чисткой среди ветеринаров, обвиняемых в падеже скота, – то был своеобразный способ справляться со смертностью животных, который сделался традиционным: как стало известно, только в одной Винницкой области из-за грибка в кормовом ячмене с 1933 по 1937 год было расстреляно около ста ветеринаров. Другим козлом отпущения стало метеорологическое управление, весь штат которого был арестован по обвинению в фальсификации прогнозов погоды с целью нанести ущерб урожаю.

В марте 1933 года были расстреляны тридцать пять служащих двух наркоматов – земледелия и совхозов – за различные виды саботажа, такие, например, как порча тракторов, намеренное допущение сорняков и поджоги. Еще сорок их коллег получили лагерные сроки. Как было сообщено, они пользовались своим положением для “организации голода в стране” – редкий случай признания, что таковой вообще имел место.

Одновременно в деревню было послано 10 000 новых активистов, включая 3 000 назначенных председателей колхозов, партсекретарей или организаторов. В 1933 году в Одесской области сменили 49,2 процента всех председателей колхозов, а в Донецкой – 44,1 процента. В большинстве деревень, сведениями о которых мы располагаем, ведущие партработники к 1933 году были русские.

17 000 рабочих были посланы в политотделы МТС и 8000 – в политотделы совхозов. В целом от сорока до пятидесяти тысяч человек было послано для укрепления партии на селе. В один только Павлоградский район Днепропетровской области, насчитывавший 37 сел и 87 колхозов, в 1933 году было послано

200 специальных сборщиков из областного комитета партии и почти столько же из областного комитета комсомола»⁴.

Голод не вызвал краха политической системы Украины. Вероятно, основной причиной этого явились предупредительные действия центра, развернувшего массовые чистки на Украине как раз в момент голода. Естественное недовольство людей руководством и его политикой, вызвавшей голод, было направлено против этого руководства – и оно было заменено новыми выдвиженцами, спасавшими крестьян от голодной смерти в рамках существующей колхозной системы.

Действительно, выводили село из голода на посевную кампанию 1933 года в массе своей совсем новые люди. Совершали ли они подвиг, выводя своих односельчан сеять завезенный им государством хлеб на колхозные поля? Было ли подвигом с их стороны создание системы питания детей при школах, спасшее многих? Или раздача пищи крестьянам, вышедшим сеять, на самих полях?

В рамках оценки самой политики коллективизации признать это подвигом невозможно. Новые активисты и аппаратчики закрепили разгром крестьянства, с невероятной жестокостью произведенный их предшественниками. Однако крестьянство не мыслило так политически глубоко, оно приспособлялось к политической реальности, воспринимая ее как природное явление, и с точки зрения выживания села как социума те, кто вывел крестьян сеять хлеб весной 1933 года, были если не героями, то спасателями многих миллионов человеческих жизней.

Постепенно массовым стало восприятие голода 1932–1933 годов как беды, преодоленной трудом и законопослушанием.

В силу этого восприятия триумфаторы одной из самых трагичных в мире социальных перестроек написали свою историю, создали свою культуру и духовность. Именно по этой причине даже во время немецкой оккупации в ходе Второй мировой войны Восточная Украина не стала резервуаром немецкой поддержки, а воевала в составе Советской армии и партизан.

Особую часть украинской трагедии составляет уничтожение аппарата власти, созданного в УССР к моменту голода. На смену аппарату, проводившему в конце 1920-х – начале 1930-х годов украинизацию и коллективизацию одновременно с индустриализацией, пришла новая генерация управленцев. Эти управленцы завершили украинизацию городов и создали украиноязычную культуру, охватывающую все уровни социальной жизни, среднюю и высшую школу, СМИ, литературу.

Роберт Конквест. «Жатва скорби», 1988 год

«Была установлена, конечно, связь между заговорщиками из коммунистов-“националистов” и жертвами предыдущих лет – некоммунистами. Матвей Яворский, главный идеологический сторожевой пес партии, приставленный в двадцатых годах к украинским историкам, был разоблачен еще в 1930 году за свою до тех пор считавшуюся ортодоксальной “националистическо-кулацкую” систему идей. Теперь (в марте 1933 года) его арестовали по обвинению в принадлежности к “Украинской военной организации” (УВО). Похоже, что он был отправлен в лагерь и потом расстрелян в 1937 году.

Среди соучастников заговора, якобы финансируемого “польскими помещиками и немецкими фашистами”, были Шумский, первый лидер “национал-уклонистов” в украинской компартии,

и несколько других лиц, в том числе секретарь Скрышника Эрстенюк. Вскоре была выявлена “Польская военная организация”, во главе которой стоял бывший секретарь Черниговского обкома. Она обвинялась в связях с националистическими и польскими ассоциациями. А чуть позднее был раскрыт “Союз Кубани и Украины”, членов которого судили закрытым судом»⁵.

Советская Украина: построение новой нации

Можно ли рассматривать голод на Украине в качестве целенаправленной антиукраинской политики Москвы? Нет. Такой политики не было. Были особенности коллективизации на Украине. Нельзя назвать антиукраинской политику, в результате которой Украина получила украиноязычный город вместо русско- и идиш-язычного. Нельзя полагать антиукраинской политику, в результате которой украинцы составили большинство населения городов и стали массово образованной нацией.

В результате политики индустриализации и коллективизации на Украину и в соседние с ней области России, которые украинский национализм полагает этнически украинскими, переместилось индустриальное ядро СССР. При этом этнические украинцы именно в эту эпоху уверенно составили большинство в коммунистической партии Украины и в органах власти УССР.

Руководство УССР теперь имело в распоряжении мощь восточноукраинской промышленности и энергетики. Никто в СССР, ни один регион и ни одна региональная элита теперь не могли сравниться с украинцами по лоббистской мощи.

Нет оснований говорить, что в данном случае возникла стандартная восточноевропейская языковая нация, поскольку обычная восточноевропейская нация формировалась в XIX – начале XX столетия следующим образом: среди образованной части обычно католиков – шляхтичей и клира – возникали идеи создать литературу на местных диалектах; эти романтики создавали мифологию новой нации, делая акцент на романтических литературных сюжетах; затем разворачивалась пропаганда новой идентичности среди крестьян и создавалась культурная среда в городах, основанная на новом литературном языке и новых идентичностях; в свою очередь эти движения подхватывались внешними силами, политически в них заинтересованными.

Однако субъектов политики, которые подхватывали новые национализмы, было немного, и их борьба определяла в основном политическую историю новых национализмов и новых восточноевропейских языковых наций.

Российская империя стимулировала до определенного предела антипольскую идентичность крестьян – украинцев-малороссов, белорусов-западнороссов, даже литовцев. Русский вариант антипольских местных идентичностей обычно опирался на православную церковь и культуру. Австро-Венгрия и Германия стимулировали более радикальные течения, которые провозглашали такой «символ веры»: мы – не русские, мы – не поляки, мы – европейцы. Австро-Венгрия и Германия работали в основном с католическим направлением в национальном движении, но главное, что и Австро-Венгрия, и Германия были готовы рассматривать особые политические проекты независимой или автономной Украины, Белоруссии, Литвы. Поль-

ское националистическое движение в отношении местных национализмов также вело собственную политику. Польская идентичность, когда она обращалась к опыту Речи Посполитой как федерации народов и к идее социального освобождения крестьян, была способна к продуктивному сотрудничеству с национализмами украинцев, белорусов, литовцев.

Коммунисты были готовы сотрудничать против Российской и иных империй региона с кем угодно. В том числе и с местными национализмами. Но особенностью коммунистического движения в регионе была его тесная связь с городами, а города по основному составу населения были еврейскими. В силу этого коммунистическое движение долгое время было весьма слабым игроком в регионе.

Но зато у коммунистов была великая идея социального освобождения крестьянства и примирения местных народов между собой во имя коммунистической революции и будущего отмирания наций вообще. В результате после Октябрьской революции именно коммунисты оказались наиболее успешными игроками, оказывающими влияние на восточноевропейские национализмы. Во всяком случае на национализмы в регионе Украины, Белоруссии, Прибалтики и частично – Польши.

Именно коммунисты обеспечили становление формально независимых и реально весьма самостоятельных в рамках СССР Белорусской и Украинской союзных республик. Коммунисты обеспечили быстрый рост значения кадров, происходивших из числа украинцев и белорусов. А затем, в ходе трансформаций начала 1930-х годов, в БССР и УССР произошла настоящая культурная революция: местные кадры и местная по происхождению крестьянская культура стали доминирующими на всех социальных уровнях.

Однако становление поддержанных коммунистами национальных культур и народов в Восточной Европе не подразумевало доминирования в культурном творчестве и тем более в политике национально ориентированной интеллигенции. Национальная интеллигенция использовалась, приглашалась из эмиграции в УССР и БССР, выращивалась из местных кадров в целой системе учреждений и институций, позволявших ей развиваться: были созданы творческие союзы с отличным финансированием, национальные театры, музеи, академии наук и университеты, национальными стали школы и вузы.

В пропаганде подчеркивалась родственность украинцев УССР и украинцев Польши и других европейских стран, находившихся под властью иноэтничных националистических диктатур. СССР активно поддерживал национальную вооруженную борьбу украинцев, белорусов и литовцев против Польши. Герои этой борьбы стали героями в УССР и БССР и даже во всем СССР.

В случае победы Советского Союза над Польшей, например, или – в ином варианте – в случае победы коммунистической революции в Европе Украина увеличилась бы примерно наполовину по сравнению с той территорией, которая входила в состав УССР в 1930-е годы. Еще больший территориальный массив при таком повороте должна была бы получить БССР. Это обстоятельство являлось чрезвычайно важным фактором, сплачивавшим украинцев и белорусов в рамках советской версии их культуры.

В границах СССР территория УССР и БССР постоянно увеличивалась. В начале 1930-х годов развернулась подготовка к новому укрупнению территорий этих республик: Белоруссия должна была получить Смоленск, Брянск, возможно, Псков, а

Украина могла рассчитывать на включение в свой состав Дона, Кубани, возможно, всего Северного Кавказа и значительной части Южной России. На этих территориях была развернута подготовительная работа по интеграции в состав союзных республик: были созданы национальные школы, библиотеки, учреждения культуры, шла интенсивная пропагандистская подготовка по закреплению или изменению этнической идентификации местного населения с русской на украинскую (применительно к западу России – белорусскую).

Коллективизация и индустриализация затронули БССР и УССР в момент подготовки расширения их на восток. В случае, если бы это расширение состоялось, БССР превратилась бы в одно из самых крупных по площади государств Европы, расположенное непосредственно у Москвы и Ленинграда. Украинская ССР, расширяясь одновременно с БССР на восток, за счет Дона, Кубани и прилегающих районов Северного Кавказа, где был распространен украинский разговорный язык, стала бы по демографической и экономической мощи республикой, сопоставимой с РСФСР.

Готовилось также и провозглашение Казахской ССР с включением в ее состав значительных областей, населенных русскими.

Иными словами, в конце 1920-х годов в рамках СССР происходило очень быстрое становление украинской, белорусской и иных наций. Их рост был настолько стремительным и мощным, что встал вопрос о полном, коренном изменении всей системы власти и культуры в бывшей Российской империи.

Пространство бывшей России должно было потерять русский культурный стержень, а новой идеологией этого громадного пространства должны были стать коммунизм и советский

патриотизм. Национальные культуры в рамках УССР и БССР – в случае успешной экспансии на запад коммунистической идеологии – получали мощное идеологическое оружие для развала Польши и переустройства всей Восточной Европы.

Когда мы говорим о политико-этнических процессах в Европе в это время, надо помнить, что этническая карта тогда выглядела иначе, чем сейчас. Украинцами по языку еще были заселены часть Карпат, бывшая «Червонная Русь» (Хелм, Белз и т. д.), они населяли Западное Полесье и Подляшье. Граница между компактным польским и украинским населением проходила километрах в восьмидесяти восточнее Варшавы, примерно в районе города Луков.

Белорусы по языку компактно заселяли северную часть Подляшья и значительную часть Виленского края, а также Латгалии. Если бы в границах УССР и БССР оказались все территории, которые по языку крестьян относились к украинцам и белорусам, тогда Польша стала бы небольшой компактной страной в районе Варшавы – Кракова – Познани. Доминирующими странами в Восточной Европе были бы Украина от Волги до Нарева и Белоруссия от Великих Лук до Нарева.

Именно под эту модель переустройства Восточной Европы была заточена политика «коренизации» в БССР и УССР. И именно кадры, воспитанные, обученные, поднятые наверх в 1920-х годах, под эту модель развернули коллективизацию и индустриализацию в своих республиках. Именно ради такого будущего они изо всех сил форсировали коллективизацию, поскольку был и обратный вариант развития республик: завоевание их, еще очень слабых, Польшей.

Культурным ядром советских украинской, белорусской и всех остальных советских наций был не интеллигент-романтик,

а коммунист-политик-бюрократ, часто родом из крестьян, который видел в проекте УССР и БССР и всех остальных союзных республик удобный механизм для сокрушения «мира капитала».

Громадные УССР и БССР на месте исторической России и Польши были гарантией того, что русский национализм или в иной форме русская и польская антикоммунистическая традиция не будут представлять опасность для дела всемирной революции, в силу того что украинская, белорусская и все иные нации СССР формировались почти с нуля и в их культуру и идентичность возможно было заложить коммунистический культурный код. Что, в общем, успешно делалось.

Коллективизация первоначально явилась шагом в направлении в определенной степени троцкистском, нацеленном на коммунистическую революцию в Европе. Ее элементами и должны были стать огромные УССР и БССР.

Местные кадры в ходе раскулачивания уничтожали не только своих классовых противников. Одновременно уничтожались и выслались носители русской идентичности. Священники Русской православной церкви, близкие им кулаки и подкулачники, остатки старой дореволюционной интеллигенции и госаппарата – все они уничтожались так же, как и священники-автономисты в Белоруссии, стремившиеся создать белорусскую автокефальную церковь, баптисты или сторонники украинской церкви.

Носители русской идентичности под Полтавой, Харьковом или Гомелем являлись противниками советской власти по определению, ибо противились ее курсу, а в контексте обострившейся классовой борьбы в деревне они, как правило, были сторонниками как раз антибелорусского или антиукраинского на-

чала – в зависимости от того, о какой республике речь. Они объективно тяготели к кулакам.

Уничтожение остатков русской идентичности и ее носителей в БССР и УССР прошло в тени основного вопроса коллективизации – создания колхозов и раскулачивания, но это уничтожение русских было. И вершили его именно те, кто затем был устранин в ходе чисток в момент голода в конце 1932-го – начале 1933 года.

Вероятно, отказ центра от создания громадных БССР и УССР связан с особенностями чисток 1932–1933 годов. Во всяком случае, именно в это время произошло уничтожение украинской культурной системы за пределами УССР, особенно на Кубани. Пострадали и белорусские учреждения в западных областях РСФСР.

Похоже, центр, вынужденный опереться на новых выдвиженцев из коллективизированного села, решил повременить с новым укрупнением союзных республик. Старых выдвиженцев в аппарате массово уничтожали в ходе борьбы с «нацдемами» и с «агентурой польской разведки».

Скорее всего, столкновение с «коренизованными» кадрами, нацеленными на мировую революцию, было элементом подавления троцкизма. Троцкизм – явление сложное, но в УССР в этот период слово «троцкист» часто обозначало: еврей. И борьба с троцкистами часто прикрывала борьбу с евреями. Но одновременно троцкистами по сути являлись и многие сторонники укрупнения УССР и БССР, ибо оно имело смысл только в контексте курса на мировую революцию или как минимум курса на разрушение Польши и всей Версальской системы.

Конечно, в ориентации на расширение БССР и УССР был и элемент обычного национализма, в основном бюрократического толка, но рос этот национализм в рамках советской логики, а не логики построения языковых наций. Советские нации строились через активность коммунистов-революционеров, потому кровавые противоречия между двумя ветвями троцкизма – более интернационалистской, в основном еврейской по составу, и более националистичной, украинской и белорусской по происхождению, – частями «коренизованных аппаратов» были вполне сочетаемы.

В ходе подавления «националистов» во время голода 1932–1933 годов центр отодвинул в сторону проекты быстрого расширения БССР и УССР, а носители этой идеи, непосредственно совершившие раскулачивание, были в основном уничтожены. Вместе с ними погибли и те структуры, которые ориентировались на включение «своих» областей РСФСР в состав соответственно БССР и УССР.

Было ли подавление украинскости на территориях вне УССР целенаправленным антиукраинским актом центра? Не похоже. Более вероятно, что это был эпизод большой схватки за сохранение управляемости пораженной голодом страны, в которой центр оперся в регионах на новую волну выдвиненцев, идеологически нацеленную против «украинских националистов». Но перспективы создания громадной УССР это, без сомнения, уменьшило.

Создается впечатление, что центр под влиянием внешних факторов отказался от идеи выращивания белорусов и украинцев в великие европейские нации. Смысл создания громадных БССР и УССР к началу 1930-х годов отпал: Польшу сокрушить

было невозможно, и разожженный в этих укрупненных республиках национализм скорее всего сработал бы на дезинтеграцию СССР, а не на расширение его границ на запад.

Тем не менее надо еще раз подчеркнуть: именно после чистки «националистов» в ходе голода 1932–1933 годов столица УССР была перенесена из Харькова в Киев. В символическом плане Киев в качестве столицы Украины позволил привязаться в национальной идентичности к традиции Украины как наследницы Киевской Руси. Это был громадной силы по последствиям для украинской культуры акт. Украинская идентичность оказалась зримо насыщена исторической глубиной.

Вероятно, то же самое произошло бы и с белорусской культурой, если бы в составе БССР был Вильно и в 1934 году столицу перенесли бы туда. Этого не произошло, и традиция белорусской культуры сохранилась связанной прежде всего с крестьянством, а историческая идентичность осталась неглубокой. Впрочем, в этом были и свои плюсы – Белоруссия практически избежала вспышек этнонационализма.

Голод – неудавшийся протест деревни

Украинцы были не единственным народом, тяжело пострадавшим от голода 1932–1933 годов и от коллективизации в целом. Примерно столь же трагичной была ситуация на Кубани, в Республике немцев Поволжья и особенно в Казахстане. Но лишь украинский национализм выстроил вокруг этого голода свой этнический миф. Ни в Казахстане, ни у немцев Повол-

жья, ни у казаков Северного Кавказа и Дона такого мифа в столь важном «статусе» не возникло.

Если бы политика центра носила целенаправленно антиукраинский характер, очевидно, был бы нанесен удар по украинскому городу и особенно по украинцам в городах (это хорошо видно на примере оккупации Украины нацистами во время Второй мировой войны). В ходе коллективизации и голода 1932–1933 годов особо заметного удара по городам на Украине нанесено не было. Напротив, они выросли и приобрели украинский характер по доминирующему языку и населению. А ведь вызвать голод и мор в украинских городах было просто – достаточно было уменьшить нормы выдачи продуктов по карточкам.

Локализация голода только на Украине была подъемна для советской политической системы и логична в рамках принятой тогда политической логики. Если целые местности заносились на «черные доски» за невыполнение госпоставок, то что мешало занести на такие доски и крупные украинские города, когда началась кампания по борьбе с национализмом, например? Однако этого не было.

Но почему такой мощный голод разразился на Украине? В Казахстане среди казахов причина голода понятна – посадить на землю кочевой народ, не умеющий жить земледелием, без подобного рода коллапса было нереально. Но почему Украина?

Если рассматривать коллективизацию и сползание в голод как процесс внутريدеревенский, который временами выходил из-под контроля центра, то можно найти причину внутри украинской деревни. Вопрос: почему собрали урожай много меньше, чем ожидалось «по колосу»? Точнее, почему собрали на-

столько малый урожай, что не все колхозы смогли выполнить даже сокращенные заготовки? Крестьяне некачественно обрабатывали землю в колхозах, это вызвало болезни растений, и потому урожай в колосе был один, а в результате – иной? Можно согласиться с доводами ряда историков, что крестьяне саботировали работу в колхозах, рассчитывая, что себя-то они прокормят, а город и коммунистов не будут, и тогда власть рухнет. Не раз в истории СССР такая логика крестьян срабатывала. Не может быть, чтобы обошлось без нее и в этом случае.

Другой довод: крестьяне в ходе коллективизации порезали и съели волов, чтобы не отдавать их в колхоз, а без волов украинские земли вспахать невозможно. Сократилась запашка, и это вызвало голод. Но центр слишком сильного сокращения запашки не заметил – во всяком случае не в два раза.

Допустимо полагать, что голод был вызван сочетанием факторов. Падение производства произошло в силу объективных причин, а природные условия в ряде районов его усугубили. Потребности государства в изъятии продовольствия наиболее жестко «удовлетворялись» в регионах с особо низким уровнем колхозного производства. Государство наказывало голодом те регионы, где ощущало пассивное сопротивление власти наиболее острым. Почему именно часть Украины оказала такое сопротивление, что попала под удар голода?

Исходя из логики классовой борьбы на селе между кулаком и бедняком, дело прежде всего в том, что в ряде украинских регионов бедняк проиграл кулаку. Село оказалось подчинено кулацкому полюсу общины. Крестьяне оказали пассивное сопротивление коллективизации. Местная власть на уровне колхозов их поддержала, во всяком случае не сломила их сопро-

тивление силой, как это произошло в большинстве других регионов СССР.

Если наложить карту голода на карту крестьянских движений времен Гражданской войны, то заметно совпадение границ некоторых крестьянских анархических движений с границами голода. Голод ударил в первую очередь по регионам влияния Махно и других атаманов. Логично предположить, что в 1920-х годах в этих регионах сохранилась основа той социальной сети, которая привела в свое время к крестьянскому анархическому протесту против «белых и коммунистов». Протест тогда был в этих местах почти тотальным.

Вполне возможно, что взаимовыручка крестьян, столь ярко проявившаяся во время Гражданской войны, и ненависть крестьян к городу именно в этих районах могла вылиться в контроль общины над колхозом – своего рода эсеровское движение в новых формах.

Для такого осознанно крестьянского по идеологии движения всегда были характерны конспиративные организации, нацеленные на контроль местной власти. К большой политике крестьянские движения нигде особо склонны не были, но крестьянские движения, как правило, успешно применяли саботаж и пассивные формы сопротивления – это особенность крестьянского пути отстаивания своих классовых или сословных интересов.

То, что произошло на Украине и на Кубани в 1933 году, очень похоже на массовое пассивное сопротивление крестьян, ориентирующееся на утопические представления о политике и борьбе. Открытое сопротивление крестьянам было не под силу – оружие изъято, армия и другие силовые структуры сильны, ку-

лак уничтожен в начальный период коллективизации, – а пассивное сопротивление было возможно.

Ответные действия власти в этой ситуации объяснимы логикой классово-борьбы. Власть хорошо понимала, с чем имеет дело. Во все эпохи, во всех странах власть, столкнувшись с крестьянским пассивным протестом, вела себя однотипно: крестьян ставили на грань голода и применяли коллективную ответственность за невыполнение требований власти.

Пассивное сопротивление крестьянина проявляется посредством общинной солидарности, соответственно в таких случаях власть всегда наносит удар по общине, раскалывая ее голодом и подавляя террором ощущение возможности победы.

Коллектив эффективнее всего подавляется убийством наиболее незащищенной его части – стариков, детей, женщин. Само пассивное сопротивление – это форма сопротивления не воина, а именно слабой части социума: женщин, стариков и т. д. Потому и ответный удар наносится именно по ним, так как такой удар обычно деморализует крестьян-мужчин и сопротивление прекращается.

Именно так вели себя немецкие оккупанты на Украине, в Белоруссии, в России, Польше, Югославии во время Второй мировой войны. Немцы успешно стабилизировали бы репрессиями свой тыл – и в начальный период войны такая стабилизация им вполне удалась, – если бы не организованная партизанская война, развернутая воюющими армиями в тылу немцев.

СССР не имел зерна, чтобы в 1933 году прокормить в стране всех. Дилемма состояла в том, какой характер примет голод: будут ли голодать города и армия, или будут голодать крестьяне в части регионов. И при выборе того, в каких регионах будут голодать крестьяне, власть, судя по всему, сознательно выбрала

именно те, где пассивное сопротивление было наиболее заметным, те, где процент госпоставок был наиболее низким.

Роберт Конквест. «Жатва скорби», 1988 год

«О полученных двадцатипятидесяти тысячами инструкциях и их настроениях можно судить по воспоминаниям одного из участников совещания, в котором приняло участие восемьдесят партийных активистов. Губерния отстала в проведении коллективизации, поэтому они направлялись в деревню на месяц-полтора. Перед ними выступил М. Хатаевич: «Местные органы на селе нуждаются в укреплении большевиками, поэтому направляющиеся в село рабочие должны осознавать огромную ответственность перед партией и выполнять свой долг без колебаний и гнилого либерализма («выбросить в окно буржуазную гуманность и вести себя как большевики, достойные товарища Сталина»). Кулаков и их прихвостней надлежит безжалостно бить повсюду, где они поднимают голову, последние остатки капиталистического земледелия надо вымести вон любой ценой.

Необходимо, далее, выполнять план хлебозаготовок. Кулаки, а также некоторые середняки и бедняки не отдают хлеб, саботируют политику партии. А местные власти порой проявляют слабость по отношению к ним. Ваша задача – взять хлеб любой ценой, выжать его отовсюду, где он спрятан – в печах, под кроватями, в погребах, в тайниках на заднем дворе.

На вашем примере... крестьяне должны понять, что такое большевистская твердость. Вы должны найти хлеб, и вы его найдете... Не бойтесь применять крайние меры, за вами стоит партия, товарищ Сталин. Борьба идет не на жизнь, а на смерть...

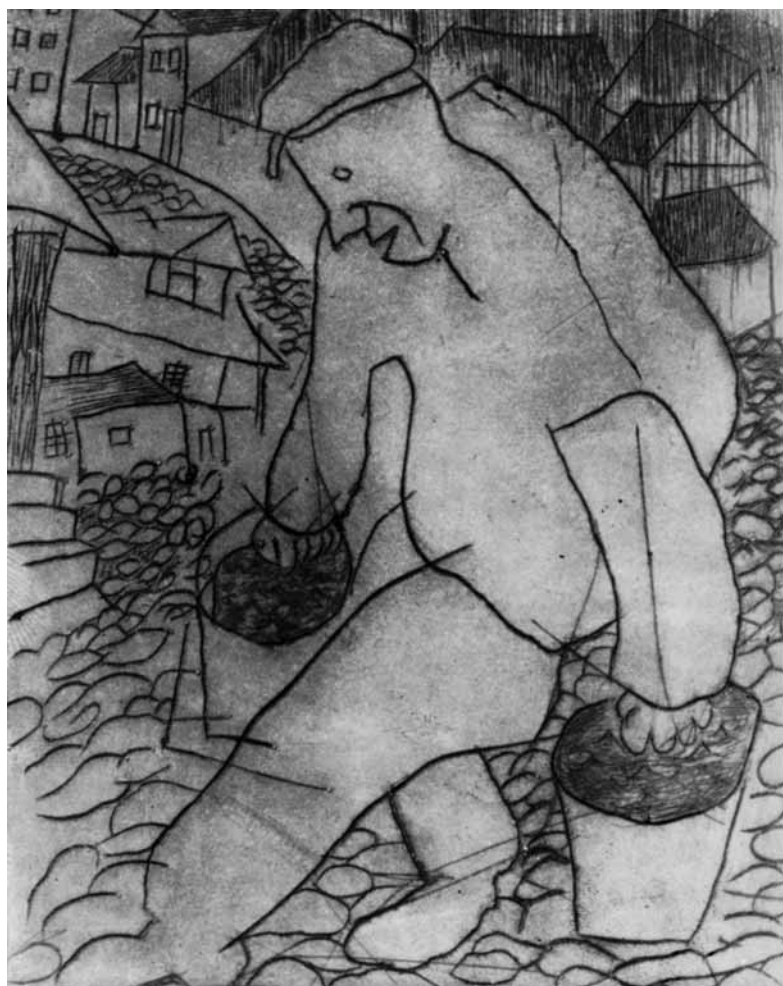
Третья ваша задача – завершить обмолот зерна, а также отремонтировать плуги, тракторы и другое оборудование.

Классовая борьба в деревне приняла острейшую форму. Сейчас не время для гнилой сентиментальности. Замаскированные агенты кулаков проникают в колхозы, где занимаются саботажем и убоем скота. От вас требуется большевистская бдительность, непримиримость и мужество. Я уверен, что вы выполните указания партии и нашего дорогого вождя»⁶.

Было ли это голодомором? Был ли голод на Украине целенаправленной политикой власти, нацеленной на уничтожение украинцев? Нет. Голод был следствием реактивных действий власти перед угрозой голодного коллапса страны в условиях, когда политика коллективизации неожиданно для самой власти довела до него страну. Исключительно ситуативно, в ходе борьбы с возникшей угрозой полного коллапса, власть применяла голод в ряде регионов для сокрушения пассивного сопротивления крестьян.

Целенаправленной антиукраинской политикой это назвать нельзя.

Голод 1932–1933 годов был ужасной трагедией украинского народа. Закрепление памяти о голоде как эпохе этнической истории украинцев морально оправданно. Исторически неверно полагать, что голод был голодомором – геноцидом, и не видеть, что в той ситуации основная часть Украины и украинского крестьянства поддерживала советскую власть: в первую очередь украинцы из комбедов, колхозов, органов власти всех уровней, пережив голод, успешно отстроили новые институты власти и систему хозяйствования, основанную на колхозном производстве.

ГЛАВА IV

ГОЛОД В ЕГО КОНТЕКСТАХ

Внутренние причины коллективизации

Непосредственной причиной голода 1932–1933 годов на Украине было обострение «классовой борьбы» в советской деревне, спровоцированное началом политики коллективизации. Сама политика коллективизации и поведение власти в ходе ее реализации подчинялись своей логике, и хотя эта логика имеет отдаленное отношение к морали, но внутренне она объяснима.

К концу 1920-х годов советское сельское хозяйство находилось на грани большого кризиса. Региональный голод охватывал разные регионы СССР почти каждый год. Зимой 1927–1928 годов из-за отказа крестьян поставлять зерно на рынок по установленным государством ценам действительно возникла угроза голода, и экстренные меры советского руководства

по изъятию зерна привели к усугублению ситуации осенью 1929 года¹.

В дальнейшем сработала та же логика: государство давит – крестьяне теряют интерес к производству зерна – возникает угроза голода – государство давит еще сильнее. Экономика страны в целом сталкивалась с кризисами, связанными с нехваткой сельскохозяйственных продуктов из-за нежелания или неспособности крестьян работать в рамках существовавшего экономического порядка.

По сравнению с разрухой времен Гражданской войны деревня в годы НЭПа процветала. В некотором смысле советская деревня 1920-х годов – это крестьянский рай на земле. Царство сытого середняка, который не эксплуатирует чужой труд, которому обычно хватает всего, в чем нуждается его семья.

Доля кулаков в советской деревне, то есть людей, которые вели крупнотоварное производство и обычно использовали наемный труд, не превышала 20 процентов сельского населения. В их владении была пятая часть земли, поскольку в результате Октябрьской революции произошел передел всей имеющейся на селе земли «по душам», и в ходе НЭПа заметной концентрации земли в руках кулачества не наблюдалось.

По сути, на селе возник эсеровский идеал: богатым человеком, кулаком, фермером становился наиболее трудолюбивый и сообразительный крестьянин, наиболее сплоченная и экономная семья. Иных источников роста благосостояния, кроме труда, деревня 1920-х годов не имела: наследство исчезло в годы Гражданской войны почти у всех крестьян, большие семьи не успели вырастить многочисленное потомство до взрослого возраста, ведь НЭП длился менее десяти лет.

Формой социальной самоорганизации деревни был сход, крестьянская община². Однако никто не отнимал у крестьян права на промыслы и свободное передвижение по стране в поисках заработка. В общине тон задавали крестьянские «идеологи», как правило, кулаки, ведь НЭП был следствием отступления советской власти перед натиском крестьянских восстаний в последний период Гражданской войны.

Земля в общине в ходе НЭПа переделам не подвергалась. Налоги и иные формы временами давили на крестьянство, и тогда возникали «зерновые забастовки», но крестьянин сокращал производство, и власть отступала. Голод случался, но имел локальный характер, и регионы, охваченные бедствием, получали поддержку власти.

Деревня стала царством идеальной крестьянской культуры и крестьянских ценностей. Кулак первенствовал в деревне не потому, что закабалил ее (хотя такая тенденция, конечно, была), он обладал нравственным авторитетом для середняка в силу своего трудолюбия, бережливости, часто честности, набожности. Кулак морально доминировал на крестьянском сходе, наиболее ярко выражая традиционный деревенский уклад.

Коммунистических ячеек и политической жизни в деревне практически не было. Заботы советской власти и ее идеология оставались вне интереса крестьянской общины. Деревня настоятельно относилась к городу и жила иной, чем город, духовной и политической жизнью.

Церковь была основным институтом духовной жизни деревни, но церковь в СССР в 1920-х годах принципиально отличалась от дореволюционной: церковь была лишена имущества,

значение монастырей резко упало, священник и само здание церкви находились на содержании крестьян.

Церковь стала элементом крестьянской культуры и крестьянского социума. Священник стал хранителем духовной версии крестьянских ценностей. В социальном же отношении священник и его семья тяготели к кулакам как к реальному политическому и нравственному ядру советской деревни.

В отсутствие давней мощи Священного синода в деревне распространились церкви разных деноминаций и секты, сторонники национального автономизма в православной церкви.

Национализм стал распространяться быстрыми темпами в массе крестьянства, но он редко принимал радикальные формы. Для радикализма не было оснований, тем более что нерусские националистические настроения получали поддержку власти. В наиболее многолюдных крестьянских регионах развивалась система образования на бытовых крестьянских диалектах, еще не кодифицированных в белорусский или украинский языки.

Крестьяне, желавшие перебраться в города, получили возможность легко сделать это, так как после Гражданской войны города стояли полупустыми. В городах возникала безработица, но не столько по причине медленного создания новых рабочих мест, сколько в силу наплыва в них крестьян.

Власть довольно быстро подавила бандитизм. Транспортная инфраструктура, система рынков, администрация на всех уровнях постепенно улучшались. Повстанческое движение угасло практически повсеместно.

И тем не менее к концу 1920-х годов деревня в СССР приближалась к крупному структурному кризису. Более того, стоило власти начать программу коллективизации, как в течение года

деревня превратилась из общинного народнического рая в пространство смертельной борьбы двух полюсов, а затем борьба кулака и бедняка довела деревню до грандиозного голода и бедствий.

Уже к концу 1920-х годов в деревне скопился взрывоопасный социальный материал. Политика коллективизации только использовала этот материал в своих целях, придала социальному взрыву в деревне необходимое для власти направление и носительную управляемость.

В чем заключался этот внутренний взрывоопасный процесс? Почему советская деревня взорвалась?

Основной причиной социального взрыва послужила проблема середняка. Советская деревня, как деревня середняцкая, опиралась на низкотоварное производство. Кулак, располагая менее чем 20 процентами обрабатываемых земель, давал около половины товарного хлеба³. Средняк кормил по сути только себя. Кулак кормил и города, и армию. Средняцкое хозяйство не могло обеспечить использование дорогостоящих орудий труда и технологий⁴, да средняк и не стремился к этому. Объективно средняк был носителем идеи отказа от прогресса, ориентируясь на традиционные ценности в их общинном варианте.

По мере подрастания детей в середняцких семьях в деревне должна была обостриться давняя проблема парцеллизации. В условиях отсутствия принципа майората, который не удалось ввести и Петру I, дети должны были получить от общины или унаследовать от родителей все меньшие участки земли для обработки. Многодетная семья, пока дети маленькие, дает много хлеба за счет использования труда детей. Но когда дети вырос-

тают, многодетная семья при прочих равных условиях делает детей бедняками. Рост крестьянского населения стимулирует парцеллизацию хозяйств и падение производства товарного хлеба. Маленькие участки не могли бы обеспечить устойчивость сельского хозяйства, что угрожало и кулаку, обещая его обеднение.

Именно эта проблема вызвала обострение социальных отношений в деревне в дореволюционной России. Царское правительство боролось с проблемой аграрного перенаселения и низкой товарности сельскохозяйственного производства. При правительстве Столыпина началось быстрое освоение новых земель на востоке России и в Заволжье, куда переселяли крестьян из перенаселенных губерний. Быстро росли города, требовавшие все новой рабочей силы из деревни. По замыслу Столыпина кулак получил возможность отделиться от общины и жить самостоятельно, а это давало рост товарного производства хлеба. Социальные издержки перехода к фермерскому пути государство в значительной степени старалось взять на себя. Увеличение в стране общей массы товарного хлеба должно было устранить угрозу голода в ходе социальной трансформации села. Наконец, помещичья земля в целом также поддерживала крупнотоварное производство, шедшее на внутренний рынок. Помещичьи владения переходили в собственность кулака, а бедняк все чаще превращался в наемного работника.

Октябрьская революция прервала эту социальную трансформацию. В социальном отношении советская деревня сделала шаг назад. Передел всей земли по едокам по окончании Гражданской войны превратил деревню в середняцкую. Потери населения на время ослабили проблему безземельности, и уро-

вень жизни крестьян заметно вырос, но именно в этом росте уровня жизни на базе малотоварного производства заключалась внутренняя угроза. Крестьянская община, которая стала господствовать в советской деревне, не могла обеспечить рост товарного производства зерна на базе роста производства кулака-фермера.

Как только был выбран экстенсивный ресурс для роста середняцкого села за счет земель, принадлежавших до революции помещикам, монастырям, дореволюционным кулакам, крестьянам, погибшим в ходе Гражданской войны, обнищание деревни становилось неизбежным. Поскольку земля везде была поделена по едокам, то крах сельского хозяйства, сокращение его товарности должно было произойти в основных зернопроизводящих регионах почти одновременно.

Наращение количества и глубины региональных бедствий к концу 1920-х годов, обострение отношений между городом и деревней в виде зерновых забастовок и тому подобных событий – это были симптомы именно того кризиса, который вызвал в 1917 году Октябрьскую революцию⁵.

Через десять лет нищающая и скатывающаяся к голоду деревня вновь требовала перемен: либо проведения нового большого передела всего имевшегося в деревне имущества и уничтожения части населения, чтобы повторить цикл от середняка к бедняку, либо – после уничтожения середняка как основы сельскохозяйственного производства – установления в деревне господства какой-нибудь формы крупнотоварного производства.

Неизбежный социальный кризис в деревне влиял на судьбу государства и города, он был угрозой самому существова-

нию СССР. Этот кризис мог так же уничтожить Советский Союз, как уничтожил перед тем трехсотлетнюю империю Романовых.

Превентивные действия власти по управляемому переустройству деревни – с ломкой середняцкого хозяйства и традиционной крестьянской культуры, общины, ценностей – были логичным курсом города. Только так город мог спасти себя от голода. Этот курс был логичным и для государственной бюрократии – только уничтожая деревню в превентивной войне, можно было сохранить государство и устоять против внешних угроз. Перед глазами коммунистов был пример Китая, где государство не провело подобной ломки и коллапс сельского хозяйства постоянно подстегивал междоусобицы распавшейся страны и интервенцию внешних врагов, устанавливавших в Китае зоны влияния по своему усмотрению.

К концу 1920-х годов в СССР не стоял вопрос о сохранении крестьянского рая. Коллапс деревни был неизбежен, и вопрос стоял только о его форме: будет ли сельское хозяйство развиваться в кулацко-фермерское, или же крупнотоварным производителем станет полугосударственный кооператив (колхоз). Стимуляция кулака означала бы уничтожение им середняка так, как он был уничтожен лендлордом в Британии времен индустриализации или в Ирландии в середине XIX века.

При переходе к кооперативной форме крупнотоварного производства кулак должен был быть уничтожен очень быстро, так как только он обладал ресурсами для быстрого становления крупнотоварного производства в кооперативах.

Медленная или тем более быстрая реформа на основе любого из этих вариантов влекла за собой временное усиление неус-

тойчивости сельскохозяйственного производства и обострение социальной борьбы в деревне. Реформа любого типа сопровождалась угрозой голода. В одном случае это был бы голод в городах, а голод в городах – это голод в армии и война с соседями, а также гражданская война между регионами внутри страны. В другом случае это был бы сильный голод в некоторых сельских регионах.

Вариант с сохранением сильного государства и ставкой на кооперативы не имел прецедентов. Такой путь теоретически требовал общественной солидарности и идеологической консолидации общества в период сложных реформ, практически же он обрекал на голод сельские регионы, которые наиболее противились политике власти. В этом смысле голод 1932–1933 годов в части Украины, на Кубани, в Казахстане и на Нижней Волге был неотвратим. Вопрос мог стоять только о масштабе ожидаемого голода и о количестве голодающих регионов.

Столь жестокою закономерность могли бы сгладить два фактора: относительно медленные темпы перехода к крупнотоварному производству или страхующий фонд на время такой перестройки. Однако Советский Союз в конце 1920-х годов не имел ни времени на медленную социальную революцию, ни надежды на внешнюю помощь. Когда восточноевропейские страны в 1950-х годах проводили аналогичные реформы, то они получили подобную помощь от СССР, и в результате реформы села (иной вопрос, успешные или нет) прошли без голода. Также обошлась без голода коллективизация в Западной Украине, Западной Белоруссии и советской Прибалтике в конце 1940-х годов.

Осознавала ли советская власть, начиная коллективизацию, всю глубину неизбежного голода? На мой взгляд, не осознавала, она рассчитывала на более мягкий ход перестройки села⁶. В ходе коллективизации в силу издержек само существования СССР как минимум два раза оказалось под угрозой: в период первой волны коллективизации, остановленной статьей Сталина «Головокружение от успехов», и во время голода 1932–1933 годов. Столь рискованные шаги вряд ли могли планироваться изначально, власть лишь более или менее успешно для себя реагировала на возникшие после начала коллективизации коллапсы.

Было ли возможно растянуть коллективизацию на долгий период или совместить ее с крупнотоварным фермерским хозяйством, как это было сделано, например, в послевоенной Польше в 1960-х годах?

Ответ на этот вопрос может быть дан, только если сформулировать его в исторической плоскости: насколько критическими советская власть считала внешнюю угрозу и внутренние угрозы Советскому Союзу, чтобы пойти на быструю и рискованную ломку социальной системы на селе?

Анализируя историю, мы имеем право сказать: да, советское руководство именно так оценивало внешние угрозы в конце 1920-х – начале 1930-х годов, и именно внешние угрозы вынудили советских лидеров пойти на ускоренную коллективизацию. Более того, именно такая оценка заставила советское руководство продолжить быструю коллективизацию даже тогда, когда она дважды дала драматичный сбой⁷.

Внешние угрозы: страна на пороге войны

О каких внешних угрозах речь и почему советское руководство считало их настолько критическими? Начиная с 1926-го и примерно до 1933 года СССР был в состоянии военной тревоги по всей протяженности своих границ и готовился к конфликту с Британской империей, чреватому войной⁸.

В 1926 году Британию сотрясла забастовка шахтеров. Советский Союз и Коминтерн оказывали бастующим шахтерам политическую и материальную поддержку, в значительной мере влияли на ход забастовки. Детали вмешательства СССР в этот конфликт были обнародованы в Британии после вторжения полиции на территорию советского торгового постпредства, где были найдены документы, дававшие неопровержимые доказательства. За этим последовал знаменитый «ультиматум Чемберлена», Британская империя разрывала дипломатические отношения с СССР.

Возникла угроза прямой войны между Британией и СССР, в которой преимущество было на стороне Британии. Наибольшую угрозу для Советского Союза несли потенциальные действия британских вооруженных сил против нефтепромыслов Баку, а также против Мурманска, Одессы, Владивостока. Эти действия в случае войны были бы поддержаны сухопутными союзниками Британии, которые окружали в это время СССР почти по всему периметру его границ: Малой Антантой во главе с Польшей, Афганистаном, где произошел невыгодный СССР переворот, и Японией, а СССР не был готов к большой войне.

Конфликт с каждым из союзников Британии в конце 1920-х годов назревал и сам по себе. Справедливо сказать, что обостре-

ние отношений СССР и Британии явилось следствием давления Советского Союза на позиции Британии. А это давление, в свою очередь, стало возможным и объективно неизбежным по мере укрепления СССР после Гражданской войны. СССР дестабилизировал ситуацию в важных для британской геостратегии регионах уже в силу своего существования⁹.

Один из наиболее опасных для Британской империи очагов дестабилизации в Средней Азии – Афганистан – сложился в конце 1920-х годов. К 1926 году советские войска сумели настолько ослабить басмаческое движение в Средней Азии, что его победа стала очевидным образом невозможной. Это было достигнуто не только за счет военных усилий, но и за счет своего рода альянса СССР и афганского правителя Амануллы-хана. По мере уничтожения басмаческого движения Афганистан выходил из сферы британского влияния, переходя в сферу влияния СССР. Тем самым Советский Союз начал создавать непосредственную военную угрозу британским позициям в Индии¹⁰.

Советские усилия в Турции и Персии также сопровождались рядом успехов. СССР получил право ввести свои войска в северную часть Ирана в случае возникновения угрозы для советской территории.

Таким образом, к концу 1920-х годов Британия должна была всерьез озаботиться защитой своей перманентно голодающей главной колонии от коммунистического влияния.

Планы похода Красной армии в Индию существовали еще со времен Гражданской войны. Но в конце 1920-х годов Коминтерн осознал и официально принял установку о невозможности скорой коммунистической революции в Европе. Была даже прекращена партизанская война против Польши в Западной

Белоруссии и Западной Украине. Центр тяжести революционной активности был перенесен на Восток, прежде всего в Китай. Угроза Индии после 1926 года стала серьезной как никогда, а ссылка в Среднюю Азию Троцкого только прибавляла Британии справедливых опасений.

Британия развернула ответную активность в Афганистане и сумела обеспечить установление там пробританского режима. Для СССР такой режим означал опасность восстановления в Средней Азии тыловой базы для возрождения басмаческого движения¹¹.

Советский Союз и Коминтерн к 1926 году достигли значительных успехов в Китае, что непосредственно затрагивало стратегические интересы Британии и Японии¹². Интересы Британии и Японии в Китае в значительной степени объединились: союз коммунистической партии Китая и Гоминьдана при активной советской военной помощи этому альянсу означал вероятность возникновения сильного централизованного Китая, а такой Китай стал бы основным противником в Восточной Азии не только Британии, но и Японии, Франции, Голландии. В союзе с СССР антибританский полуккоммунистический Китай, несомненно, создал бы угрозу британским интересам в Малакке и Бирме, советское влияние вплотную приблизилось бы к Индии с севера и востока. Британия не могла не вмешаться в войну в Китае на стороне противников коммунистов.

Японии и Британии удалось разрушить альянс Гоминьдана и коммунистов, китайские «милитаристы» даже оккупировали в 1928 году советскую Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД), чем поставили под вопрос контроль СССР над всем Дальним Востоком.

Таким образом, в 1926–1927 годах, когда принималось решение о начале коллективизации, советское руководство совершенно справедливо расценивало ситуацию на Дальнем Востоке как предвоенную. В 1928 году, после захвата китайцами КВЖД и поражений коммунистов в Китае, война на Дальнем Востоке стала непосредственной сильнейшей угрозой Советскому Союзу. Выиграть такую войну Советской стране было очень сложно.

Только в начале 1930-х годов, в рамках общего урегулирования международной ситуации вокруг СССР, угроза большой локальной войны против СССР на Дальнем Востоке несколько отступила. Возможно, главной причиной, сдержавшей нападение Японии и Британии на советский Дальний Восток, была позиция США, опасавшихся излишнего усиления Японии в регионе Китая и Тихого океана.

И все же в конце 1920-х годов наиболее близкой к катастрофе для СССР стала военно-политическая ситуация в Восточной Европе.

В 1926 году Коминтерн, то есть СССР, снял с повестки дня курс на революцию в Польше посредством партизанской войны в ее восточных регионах, населенных белорусами и украинцами. Это было поражением СССР, которое сразу стало перерастать в опасное обратное давление на советские границы со стороны восточноевропейских стран.

В 1926 году была сформирована Малая Антанта, нацеленная против СССР¹³. В состав блока вошли Польша, Румыния, Латвия и Эстония. Блок пользовался полной поддержкой Британской империи. Лидер блока – Польша обладала достаточно мощными вооруженными силами, кроме того, в случае начала

войны Малая Антанта успевала мобилизовать войска быстрее, чем СССР с его пространствами и дорогами. На тот момент уровень образования населения восточноевропейских стран, его идеологическая консолидация вокруг антикоммунистических версий национализма были выше, чем консолидация крестьян СССР вокруг коммунистического руководства страны, только-только отступившего к НЭПу для нейтрализации крестьянских восстаний.

Качество подготовки солдат и офицеров войск Малой Антанты также было выше, чем в войсках СССР. Вооружение и снабжение войск Малой Антанты превосходили показатели Красной армии. На начальной стадии войны Малая Антанта могла выставить больше войск, чем СССР. Другими словами, война против Малой Антанты изначально была бы для СССР войной оборонительной, а сама Польша с ее союзниками могли ставить задачей военный поход против СССР с целью как минимум оккупации Украины и Белоруссии, вследствие чего силы блока могли приобрести материальный и людской потенциал, значительно превосходящий советский.

Советское военное руководство осознавало военную угрозу со стороны Польши и ее союзников. Кроме того, польское направление считалось наиболее опасным¹⁴, поэтому здесь начали выстраивать оборонительную систему, комплекс укрепленных районов, концентрировать войска, заранее создавать партизанские отряды. Необходимость мобилизовать украинское и белорусское национальное чувство в интересах защиты СССР была одной из главных причин укрупнения этих республик в 1920-х годах и проведения в них политики «коренизации» и развития национальной культуры.

Советское руководство понимало, что война с Малой Антантой – это война с сухопутными союзниками Британии. А для такой комбинации у Красной армии, чтобы выдержать военный удар, сил было недостаточно.

После обострения отношений между СССР и Британией ситуация в Восточной Европе стала для Советского Союза крайне опасной. В Польше к концу 1920-х годов усилились позиции сторонников войны против СССР, был заключен альянс с украинскими структурами, целью которого была война за присоединение советской Украины к сфере влияния Польши. С этого момента война Малой Антанты против СССР смело могла казаться вопросом ближайшего времени, и предвоенная обстановка сохранялась вплоть до 1932 года¹⁵.

Историкам еще предстоит разобраться с многочисленными пропольскими организациями, вскрытыми в СССР в этот период. Скорее всего, часть из них действительно существовала: было бы очень странно, если бы польские военные не создавали на территории СССР подобные структуры именно в это время. По более раннему периоду споров на этот счет у историков нет: общепризнано, что Польша имела в СССР диверсионно-разведывательные организации, такие как, например, «Зеленый дуб» в Белоруссии¹⁶.

Массовые репрессии коммунистов и естественные действия враждебных Советскому Союзу сил вполне могли быть параллельными процессами. Но, так или иначе, советское руководство имело все основания полагать, что Польша и ее союзники занимались созданием подобных организаций в целях подготовки войны против СССР, а ключевым элементом в этой игре

спецслужб и политиков должна была быть Украина и политические структуры в УССР.

Особенностью военно-стратегической ситуации в СССР в конце 1920-х годов было отсутствие сильных союзников и неизбежность перерастания любой из вероятных войн в одном из регионов – на Дальнем Востоке, в Средней Азии или в Восточной Европе – в войны в оставшихся двух, так как за спиной врагов СССР в каждом из трех локальных конфликтов стояла Британская империя.

Большая война на Дальнем Востоке, даже если бы она каким-то чудом не была дополнена войной в Средней Азии и Восточной Европе, – это война, в которой, чтобы противостоять Японии и ее союзникам, ресурсов Дальнего Востока было недостаточно. Переброска вооруженных сил из европейской части была чрезвычайно сложной даже для Российской империи в 1905 году, и тем более она была сложной для Советской России. Таким образом, война на Дальнем Востоке могла сразу принять характер очень масштабной территориальной экспансии Японии и ее китайских союзников¹⁷.

Противопоставить оккупации Японией всего Забайкалья и, возможно, части Сибири Советский Союз мог только партизанское сопротивление по модели эпохи Гражданской войны. Но, как показал опыт войны против китайских коммунистов в самом конце 1920-х годов, партизанская война могла оказаться для СССР и неудачной. Защищенная от США альянсом с Британией, Япония могла развязать войну на Дальнем Востоке не только за обладание Маньчжурией, но и нацелиться на захват Монголии, то есть на выход к южным границам Сибири, что в итоге и произошло в конце 1930-х годов.

Любой из трех возможных локальных конфликтов грозил потерей больших экономических районов и материальных средств. Любой из конфликтов требовал создания крупной армии. Каждый из них грозил стать затяжным и разрушительным, влек за собой перенапряжение сельского хозяйства и угрозу крупного голода в городах. А необходимость кормить воюющую армию и промышленность в городах в свою очередь означала конфискацию продовольствия у крестьян, новую продразверстку. Следовательно, любой из военных конфликтов приносил голод в ряд сельских регионов и гражданскую войну на часть территории СССР.

Иными словами, в 1926–1927 годах советское руководство, начиная политику индустриализации и коллективизации, имело все основания рассматривать внешнеполитическую ситуацию как критическую и предвоенную. Лишь с 1932–1933 годов ситуация для СССР стала стабилизироваться, а угроза войны на время отступила¹⁸.

Советская деревня и Великая депрессия

У большого голода были и другие «внешние» источники: США и Великая депрессия. Политика индустриализации, частью которой являлась коллективизация, стала возможной только благодаря партнерству между СССР и США: практически все крупнейшие «гиганты социализма» были построены на основе технологий, полученных от США, и в большинстве случаев само строительство этих заводов, наблюдение за началом

их работы осуществлялось при ключевом участии инженеров из США¹⁹.

Масштаб осуществлявшихся Соединенными Штатами поставок технологий и оборудования в СССР был столь велик, что изменил стратегическую ситуацию не только в Европе, но и во всей Евразии. Отношения СССР и США в годы индустриализации были отношениями стратегического партнерства. Только благодаря этим отношениям СССР смог создать индустриальный потенциал, обеспечивший его выживание в ходе военной тревоги конца 1920-х – начала 1930-х годов и в годы Второй мировой войны.

Ни одно другое государство в мире не оказало Советскому Союзу столь масштабной и ключевой по своему значению поддержки, как США. Фактически США в ходе первых советских пятилеток вырастили собственными руками в Северной Евразии геополитический полюс, оказавшийся способным бросить вызов европейским империям и Японии.

США вышли из Второй мировой войны лидером западного мира и большей части планеты только потому, что в конце 1920-х – начале 1930-х годов помогли встать на ноги Советскому Союзу. Партнерство-соперничество СССР и США обеспечило США более мощную роль в мировой геополитике, чем соперничество США и нескольких империй.

У этого альянса давняя история. Россия в качестве стратегического союзника, партнера против Британской империи и Японии методично оказывала содействие США. В годы Гражданской войны в США позиция России обеспечила невмешательство Британии и выживание США в качестве крупной державы²⁰.

Конфронтация с Японией была для США сложной, тем более что Япония быстро наращивала ресурсную базу в Корее, Маньчжурии, части собственно Китая, превращаясь в континентально-морскую державу. Стратегическое партнерство с сильной Россией давало в руки США орудие для выдавливания из континентальных районов Евразии Британии и Японии, а Соединенные Штаты в середине 1920-х годов имели все основания опасаться возникновения японской колониальной империи в Маньчжурии, на советском Дальнем Востоке, в Корее и Монголии.

В середине 1920-х годов США жизненно нуждались в сильном СССР как партнере против Японии и Британии на Дальнем Востоке и против Британии в Европе. Фактически США помогали СССР вырасти до уровня державы, способной сдерживать Британию в Европе и на Дальнем Востоке, это отвечало их интересам на десятилетия вперед.

Похоже, что, планируя начало индустриализации и коллективизации, советское руководство рассчитывало на помощь США по всем направлениям. СССР был уверен в получении технологий и оборудования для костяка индустриального комплекса и в политической поддержке США на время преобразований. Даже колхоз как форму организации крупнотоварного производства СССР заимствовал у США²¹.

Как уже было сказано выше, программа коллективизации была рассчитана на относительно медленную кооперацию села. Однако в 1929 году ситуация изменилась, и коллективизация развернулась очень быстро. Конечно, основной причиной были особенности классовой борьбы в советской деревне – она слишком обострилась, и коллективизация вышла из-под

контроля центра. Но откат назад в коллективизации советское руководство сделало не сразу. Статью «Головокружение от успехов» Сталин написал только весной 1930 года, а до того центральное руководство молчаливо соглашалось на сверхбыстрые темпы коллективизации на местах. Видимо, основанием для этого молчаливого согласия должен был являться совершенно новый фактор в мировой политике, которого не было на момент начала индустриализации и коллективизации. Фактор, который не был заложен в план первой пятилетки, – Великая депрессия²².

Великая депрессия развернулась как раз в 1929 году, когда давать откат в политике индустриализации и коллективизации было уже поздно. Советскому Союзу пришлось завершать свою социальную перестройку в условиях совершенно иных, чем те, в которых она была начата.

По экономике и политической системе США был нанесен удар колоссальной силы, на юге США возник голод, и потенциально возможная помощь США советским социальным трансформациям объективно сократилась. Великая депрессия привела к обесцениванию основных товаров советского экспорта. Индустриализация стала гораздо более дорогой, чем предполагалось ранее, но останавливать ее было уже поздно.

Международная обстановка в целом резко обострилась. Именно в это время началось успешное наступление Британии на СССР по всем направлениям. В Германии и ряде других европейских стран усилились фашистские и радикально-националистические партии, обострились их отношения с коммунистами. Возникла реальная угроза либо прихода к власти нацистов,

либо гражданской войны, в которую СССР мог быть втянут против собственного желания.

Великая депрессия в США обострила весь комплекс проблем безопасности СССР и заставила советское руководство опираться на собственные ресурсы в большей степени, чем предполагалось изначально. Это не могло не привести к форсированию коллективизации и «затягиванию поясов» по стране в целом. Почти неизбежный при столь глубокой социальной трансформации, голод становился окончательно неизбежным.

К сожалению, альтернативой советской беспощадности в ходе коллективизации была только большая война, чреватая еще большими жертвами и еще большим голодом. Это обстоятельство было понятно колхозным активистам, «коллективному бедняку» советской деревни, ожесточившемуся в борьбе с кулаком. Именно отсюда проистекает во многом парадоксальный исторический результат: и те, кто остался жив в ходе коллективизации, и поколение, выросшее в коллективизированной деревне, приобрели громадный заряд патриотизма и воспринимали этот самый кровавый в человеческой истории социальный эксперимент как благо для страны.

Безусловно, при такой форме советского патриотизма от абсолютной морали не осталось и следа. Коммунистическая мораль, победившая в СССР, пережившем коллективизацию и большой голод, не базировалась на абсолютных ценностях. Возможно, это является основным историческим результатом большого голода, который тогда еще не был понят.

Возможно, развал СССР в годы горбачевской перестройки через апелляцию к абсолютным ценностям и «новому мышлению» был следствием морального кризиса в СССР, случившегося

ся в ходе коллективизации и большого голода, – кризиса между осознанием необходимости жизни человека в рамках абсолютной морали и той «советской племенной», квазинационалистической, жертвенной моралью, которая установилась в СССР именно после большого голода.

СССР выжил, и шагнул к величию, и даже смог стать главным из могильщиков нацизма. Но какой ценой...

ГЛАВА V

МИФ О ГОЛОДОМОРЕ И СЛОМ НАЦИОНАЛЬНОЙ МОРАЛИ УКРАИНЫ

Голод и голодомор в довоенной пропаганде

Голод 1932–1933 годов удивительным образом стал актуальной идеологической темой лишь после Второй мировой войны. На Украине тема того голода стала важным элементом государственной идеологии после «оранжевой революции». Максимального же уровня «культ голода» достиг, видимо, именно сейчас.

Информация о голоде в СССР проникала на Запад поразному, но в целом можно говорить, что политические круги западных стран хорошо ориентировались в этой теме. Причин тому было множество: так, в СССР находились многочисленные западные, в первую очередь американские, инженеры и другие технические специалисты; в приграничной зоне СССР эффективно действовали спецслуж-

бы соседних стран; националистические группировки в Польше и белая эмиграция в различных странах сохраняли контакты в Советском Союзе и, строя разного рода планы по борьбе с советской властью, информировали о положении дел в СССР; и, наконец, в СССР именно в это время развернулась борьба с троцкистами, и некоторые из них оказались на Западе, сохранив контакты с соратниками в Советском Союзе, – среди них был и сам Лев Троцкий с его авторитетом.

Впрочем, известна история с информацией, которую поставлял за пределы СССР Уолтер Дюранти – британский подданный и американский журналист, корреспондент «Нью-Йорк таймс» в СССР в начале 1930-х годов. Дюранти получил возможность проехать по регионам СССР, в наибольшей степени пораженным голодом. После этого он опубликовал серию статей в американских газетах, отрицая наличие голода и весьма позитивно отзываясь о коллективизации – политика США по поддержке индустриализации в Советском Союзе сопровождалась положительным пиаром. Но тот же Дюранти, только в узком кругу, в среде западных дипломатов в Москве, рассказывал о голоде на Украине, Северном Кавказе, в Нижнем Поволжье, приводя довольно точные сведения о масштабах жертв. Считается, что эти оценки были получены им от представителей советской власти.

Роберт Конквест. «Жатва скорби», 1988 год

«Дюранти сам говорил Юджину Лайонсу и другим, что, по его подсчетам, наличествовало не менее семи миллионов жертв голода. Но еще более четкое доказательство разрыва между тем,

что он знал и что он писал, можно найти в депеше от 30 сентября 1933 года, посланной британским поверенным в делах в Москве, которого мы цитировали выше: “По сведениям мистера Дюранти, население Северного Кавказа и Нижней Волги сократилось за последний год на 3 миллиона, а население Украины на 4–5 миллионов. Украина обескровлена... Мистер Дюранти считает вполне вероятным, что 10 миллионов человек прямо или косвенно умерло от нехватки продовольствия в Советском Союзе за последний год”»¹.

Оценка масштаба бедствия у Дюранти близка к оценкам многих современных исследователей.

Информационная политика близких к Рузвельту газет объяснима – тема голода ими не то чтобы замалчивалась, но она не занимала в них заметного места. Зато противники Рузвельта в США, прежде всего информационная империя Херста, сделали тему голода важным элементом пропаганды. Газетный магнат первым после нацистских германских изданий массово стал использовать тему голода в информационных кампаниях.

Херст, владелец многочисленных изданий и в США, и в Европе, принадлежал к лагерю, ориентированному на сотрудничество с европейскими фашистами. Допустимо утверждать, что именно информационная империя Херста в Европе была в начале 1930-х годов стержнем панъевропейской информационной структуры фашистских движений. Координация действий американских и европейских фашистов, прежде всего германских, превосходила координацию политики Рузвельта и СССР².

Херст первым запустил циклы статей о голоде в СССР, в которых прозвучали основные тезисы, ставшие впоследствии азбучными в идеологии голодомора: голод был искусственным, он являлся политикой советской власти против украинцев. Весьма вероятно, что империя Херста, не обладавшая собственным штатом корреспондентов в СССР, получала информацию о голоде вместе с ее интерпретацией от профашистских кругов Германии.

«Берлин в начале 1930-х годов был одним из центров русской белой эмиграции. Многие германские промышленники работали в это время в СССР, занимаясь его индустриализацией. Германские военные имели устойчивые контакты с РККА. Германская компартия обладала широчайшими контактами в советских регионах, особенно в структурах власти. Многие коммунисты в Германии в это время колебались в выборе между коммунизмом и нацизмом. Наконец, в СССР было значительное немецкое население, компактно проживавшее в регионах, охваченных голодом, и прежде всего в Республике немцев Поволжья.

К тому же в это время советские, в основном идиш-язычные евреи проживали преимущественно в городах Украины, Белоруссии, России. Информация о голоде не могла не поступать в Германию через их контакты с евреями Польши и Германии. Следует учесть, что на Украине и в Белоруссии были созданы сельские еврейские районы. В УССР они концентрировались в приднепровских областях, наиболее пострадавших от голода. Известно, что еврейские колхозы получали во время голода небольшую продовольственную помощь от евреев иных стран, прежде всего Германии. Допустимо ска-

зять, что Германия была наиболее информирована о масштабе голода 1932–1933 годов»³.

Появление основных элементов идеологии голодомора в интеллектуальной среде Веймарской Германии очень логично. Социал-демократы и национал-социалисты по-своему противопоставляли коммунистической идеологии собственные концепции, и темы «культурной революции», индустриализации и коллективизации в СССР широко использовались в острой идеологической борьбе. Для победы над коммунистами в ходе массовых электоральных кампаний начала 1930-х годов немецким нацистам надо было сокрушить главный элемент идеологии немецких коммунистов – надо было чем-то ответить на доводы о преимуществе советского пути развития. Как известно, нацисты сумели не допустить победы коммунистов в этих электоральных кампаниях. Победа нацистов была обеспечена небольшим перевесом голосов, но частью этой победы стало развенчание советской индустриализации и коллективизации, развитие темы голода и лишений советского крестьянства в глазах немецкого общества.

В рамках идеологии германского нацизма было необходимо обвинить в голоде евреев. На тезисе о правлении евреев в Советском Союзе постулировалась вся нацистская идеология в отношении СССР, и интерпретация голода 1930-х годов как еврейской политики против украинских крестьян была совершенно логична для нацистов.

Украина была обозначена вектором экспансии Германии еще в «Майн кампф» Гитлера. Приход нацистов к власти в Гер-

мании в 1933 году совпал по времени с голодом в СССР и с активизацией польской политики относительно Украины. Именно в начале 1930-х годов в Польше было выстроено сотрудничество наиболее радикальных националистических кругов с украинскими националистами. Уже в 1934 году Германия и Польша заключили дружественный договор, фактически союз. В украинском контексте движение нацистов к власти в Германии и к союзу с Польшей означало поддержку немецкими нацистами именно украинского национализма.

Пропаганда Херстом темы голодомора (еще без этого термина) напоминает информационное наступление, направленное не столько на американское общество, сколько на европейское. В известном смысле пропаганда Херста – это акт помощи американского радикального консерватизма немецкому нацизму.

То, что империя Херста стала с немецкой подачи пропагандировать выгодную Германии интерпретацию голода в СССР, это своего рода подготовка к перехвату немецкими нацистами украинской темы у поляков. Позднее, в конце 1930-х годов, германские нацисты сделали ставку непосредственно на радикальную часть украинского национализма⁴.

Любопытно, что в самой украинской националистической пропаганде 1930-х годов голодомор как заметная тема отсутствует. Голод 1932–1933 годов в эмигрантской украинской пропаганде проходит как одно из проявлений зверств евреев и коммунистов, но не как нечто эсхатологическое, не как миф, сплачивающий нацию. Видимо, это было обусловлено политической ситуацией, в которой оказался украинский национализм в 1930-х годах.

В 1933–1934 годах украинский национализм в самой УССР получил удары, которые практически ликвидировали его как идейное течение. Индустриализируемой УССР, ее политическому классу, за плечами которого была коллективизация в условиях угрозы войны против Польши, этот национализм был чужд.

Польша, где после 1933 года усилился польский этнонационализм, отказалась от курса на войну с СССР. К тому времени польский национализм впрямую столкнулся с выросшим в самой Польше влиянием украинского национализма. Польско-украинская напряженность в очередной раз переросла в польско-украинскую вражду, так что после 1933 года украинский национализм все более находил опору в нацистской Германии.

Процесс переориентации украинского национализма на нацизм был сложным и занял несколько лет. По мере сближения с правящими в Германии нацистами украинский национализм стал в основном орудием нацистов против Польши и Чехословакии. Антисоветский украинский потенциал на некоторое время утратил значение, и тема голода в 1930-х годах ушла для украинских националистов в тень.

После разгрома Польши в 1939 году произошло некоторое возрождение внимания украинской националистической и нацистской пропаганды к голоду 1932–1933 годов. Это логично: украинские националисты так и не получили из рук немцев ни своей республики в Закарпатье, ни своей республики на руинах Польши в Галиции-Волыни.

В рамках германской политики украинскому национализму осталась одна функция – быть антисоветской силой, кото-

рая, быть может, получит от нацистов в ответ на лояльность свою государственность на руинах СССР. Украинская националистическая пропаганда, прежде всего пропаганда через структуры Организации украинских националистов (ОУН), после сентября 1939 года перенастраивается на антисоветизм. Именно в это время тема коллективизации и голода 1932–1933 годов всплывает вновь. Впрочем, даже после начала войны Германии против СССР лишь одна серия немецких пропагандистских листовок была посвящена теме голода⁵.

Во время Второй мировой войны голод 1932–1933 годов не воспринимался украинцами Восточной Украины как нечто консолидирующее нацию, как нечто, за что надо мстить советской власти. Муссирование темы голода как следствия коллективизации подразумевало бы роспуск колхозов, но в Восточной Украине нацисты колхозы сохранили – их роспуск откладывался на послевоенное время. Объемы продовольственных поставок немецкой армии, за исключением Западной Украины, где колхозов почти не было, доводились напрямую до как бы бывших колхозов, а не до индивидуальных хозяйств.

В Восточной Украине новое поколение практически не знало ни христианских ценностей, ни несоветских вариантов идентичности. Напоминание о голоде 1932–1933 годов в украинских городах или в среде молодежи не вызывало никаких заметных эмоций.

Украинский национализм в городах восточной части Украины скорее был направлен против евреев как своего рода конкурентной этнической общины. Частично – против русских. В восточноукраинской деревне тема голода также не вызвала замет-

ного отклика. Судя по материалам Украинского штаба партизанского движения, эта тема в контрпропаганде отсутствовала. «Коллективный бедняк» помнил в основном о былой неграмотности детей, регулярных голодовках из-за неурожаев и об отсутствии техники в хозяйстве.

Оккупанты отнюдь не стремились создавать условия для быстрой социальной революции от колхоза к индивидуальному хозяйству. Сначала колхоз сохранялся как удобный институт, с прежними председателями и аппаратом управления. Затем, когда на части Украины колхозы распустили, прежний аппарат власти сохраняли для фискальных нужд. Инвестиций в фермерское хозяйство не было. Немцы выкачивали из деревни самую трудоспособную часть населения – молодежь, а часть мужчин мобилизовали в полицию.

Наконец, оккупанты не допустили формирования на Украине рынка и рыночных отношений. Фермерское крупнотоварное производство не могло возникнуть в принципе: уже зимой 1941–1942 годов немцы начали масштабные реквизиции продуктов для нужд армии и Германии, затем тяжесть поставок только нарастала, пока в конце 1942 года оккупированная часть Украины не встала на грань голода⁶.

Тема голода оказалась политически невостребованной.

Несмотря на то что голод 1932–1933 годов был ужасен, разочарование оккупационной властью привело в Восточной Украине к возврату просоветских симпатий, и после отхода немцев на запад в 1943–1944 годах в Восточной Украине антисоветского партизанского движения создать не удалось.

Более того, после освобождения Западной Украины от немцев именно восточные украинцы составили здесь костяк анти-

бандеровских формирований советской власти. Предпосылки к этому сложились еще во время Второй мировой войны, когда был предпринят известный поход соединений Ковпака от Путивля до Карпат. В основном именно партизан этого соединения впоследствии направили воевать против Украинской повстанческой армии (УПА).

В то же время в Западной Украине антисоветское партизанское движение Украинской повстанческой армии было массовым и длилось долго. Националистическое подполье в Западной Украине уничтожало присланных восточных украинцев, видя в них предателей националистических ценностей.

Наиболее антисоветскими оказались в годы Второй мировой войны регионы, где голода, сопровождавшего коллективизацию, не было и где украинцы на уровне массовой памяти с ним не сталкивались. В первую очередь это та часть Украины, которая в 1932–1933 годах находилась в составе Польши.

Украинское националистическое движение в годы Второй мировой войны было представлено не только коллаборантами, до конца воевавшими на стороне нацистов, очень заметным с начала 1943 года было антисоветское, антинемецкое и антипольское движение УПА. Эта организация, основанная радикальными украинскими националистами, первоначально союзными нацистам, – Организацией украинских националистов, – после ухода в лес не использовала тему голода 1932–1933 годов в своей пропаганде.

Вероятно, в 1940-х годах еще было сложно доказать украинцам, будто голод был бедствием именно украинским. Сви-

детелями того голода были массы крестьян Восточной Украины, и сделать из голода элемент украинской этнической консолидации, ввести эту тему в контекст образов, созданных «свідомой» интеллигенцией УПА, в то время было еще невозможно.

Жатва скорби: голодомор после Второй мировой войны

Преобразование интерпретации голода 1932–1933 годов в идеологию голодомора произошло только после Второй мировой войны. Формирование идеологии голодомора связано в основном с психологической войной, которую в годы холодной войны вели между собой США и СССР. Идея голодомора развилась в среде украинской эмиграции, связанной корнями с ОУН–УПА, в Канаде, Великобритании, Германии, США. Как правило, эти эмигрантские группы концентрировались вокруг редакций пропагандистских СМИ, работавших против СССР. Прежде всего вокруг украинской редакции Радио «Свобода» в Мюнхене. А также вокруг близких им аналитических центров вроде Гарвардского украинского института⁷.

И все же идеология голода 1932–1933 годов как геноцида, направленного против украинцев, была сформулирована в ее современном виде отнюдь не украинцами. Особую роль в этом процессе сыграли книга Роберта Конквеста «Жатва скорби» и деятельность американского конгрессмена Джеймса Мейса⁸.

Заметных различий между постулатами двух авторов нет – отличаются методы. Конквест в первую очередь публицист, автор текстов, рассчитанных на массовую аудиторию. Мейс – политик, сделавший ставку на лоббирование темы голодомора через конгресс США.

Чем больше времени проходило после окончания Второй мировой войны, тем более актуальной политической темой становился голодомор. В 1950–1980-е годы на Западе, прежде всего в США, вышло множество книг, брошюр, статей, воспоминаний о голоде. В 1980-е годы была создана комиссия конгресса США по изучению обстоятельств голодомора и политических выводов из него. Официальное заключение открыло возможность для перевода темы в официальную плоскость, и обвинение СССР в геноциде по отношению к украинцам в 1932–1933 годах стало перерастать в требования к СССР признать факт геноцида и осудить его⁹.

Признание акта геноцида и его осуждение влекло за собой осуждение и политики коллективизации, идеологии коммунизма и т. д. Таким образом, тема голода 1932–1933 годов через концепцию голодомора превратилась в инструмент давления на СССР с позиций международного права.

Можно сказать, что именно голодомор в середине 1980-х годов стал одной из наиболее разработанных тем юридическое давление Запада на СССР с целью глубокой трансформации самих институтов власти Советского Союза. Если темы «отказников» или подавления диссидентского движения в СССР были, в общем, частными, то тема голодомора как геноцида по мере ее углубления становилась для СССР все более опасной.

Специфика концепции голодомора в том, что она не предназначалась ни для крестьян Украины, ни для украинцев вообще. Инструменты продвижения этой концепции, бывшие в распоряжении ее создателей, позволяли развивать на ее базе проекты дипломатического толка. Это была идеальная идеология-симулякр, идеология для создания международного давления на институты власти СССР.

СССР оказывался заложником собственной идеологии «коммунистического гуманизма». После отказа от идеологии обострения классовой борьбы по мере продвижения к коммунизму советские идеологи перешли к коммунистическому гуманизму, и именно против этой новой сердцевины господствующей идеологии наносился удар.

В СССР факт самого голода 1932–1933 годов в принципе слишком резко не отрицался. Как видно из приведенных нами выдержек, Конквест почти всю свою книгу «Жатва скорби» выстроил на цитатах из советских источников.

В СССР жестко отрицались искусственный характер этого голода и его антиукраинская направленность. Но именно эти пункты – искусственность и антиукраинскость – основа идеологии голодомора. Признание этих пунктов означало бы признание преступления самой советской власти в принципе.

А в узком смысле признать голодомор в интерпретации Конквеста – Мейса означало признать геноцид коммунистами, вернее русскими, второго по величине народа СССР – украинцев. При этом вопрос о необходимости выхода Украины из состава СССР разрешался как бы сам собой, без обсуждения.

Геноцид был признан преступлением против человечества и, после разгрома нацизма, стал самым осуждаемым преступ-

лением в мире. Мировое сообщество имело механизм противодействия геноциду, действенный даже в условиях холодной войны, – ООН и все ее институты. Признание голодомора советскими властями автоматически включало бы в действие эти институты и позволяло украинскому национализму рассчитывать на мировое содействие политике выхода УССР из состава СССР.

Голодомор как геноцид, в случае признания доктрины голодомора советскими властями, открывал легальный путь для мирового сообщества ставить перед СССР жесткие вопросы об ответственности за это преступление. Но, главное, признание концепта голодомора советскими властями позволяло бы задействовать эти институты и вывести отношения Украина – Москва за пределы внутреннего дела СССР.

Надо признать: концепция голодомора в годы холодной войны стала одной из самых сильных находок западного мира в борьбе с СССР.

Можно ли назвать голодомор элементом идеологии украинского национализма в это время? Безусловно, да. Получив в руки доктрину голодомора, украинский национализм модернизировался: тема борьбы с поляками или евреями ушла в тень, тогда как борьба с «москалями» приобрела характер эсхатологической борьбы с источником геноцида – «русские» в данной концепции приобрели для украинцев черты нацистов, которые в рамках плана «Ост» предполагали сокращение численности украинцев вдвое.

Мифологическая функция голодомора в наши дни

Концепт голодомора дал украинскому национализму моральное основание для ответа на антинацистскую гуманистическую идеологию советского коммунизма после Второй мировой войны. Даже бойцов дивизии СС «Галичина» стало возможно не то чтобы оправдать морально, но как-то объяснить их действия с моральных позиций. Благодаря концепции голодомора украинские коллаборанты уже не выглядели столь однозначными коллаборантами, как белорусские полицаи. Украинский национализм благодаря идее голодомора смог втиснуться в щелочку советского гуманизма и пусть не доминировать в советской Украине, но присутствовать там с перспективами роста за пределы Западной Украины.

После краха СССР украинский национализм распространился как идеология за пределы Западной Украины и украинской эмиграции на центр и восток Украины. Теперь, после торжества «оранжевой революции», мы видим доминирование на Украине именно той версии украинского национализма, которая была сформулирована в годы холодной войны. Элементом этого модернизированного национализма и является культ голодомора. По сути, этот культ – главное гуманистическое, даже моральное обоснование конфликтности ныне независимой Украины с Россией. Через геноцид гуманистическая культура переступить не может. Переступить – значит потерять моральность и рухнуть во внутренних конфликтах...

Почему все же идеология голодомора закрепились в современной Украине? Каково ее место в структуре современной идентичности и к каким последствиям это ведет современную украинскую культуру и государственность?

Прежде всего, голодомор существует не сам по себе, а в контексте других идей. Суть этих идей – антисоветская формула украинской идентичности. Постепенно, по мере отдаления от эпохи существования СССР и ослабления значения советских элементов культуры, в украинской национальной идеологии нарастает отмежевание от российскости и русскости. Но в целом нынешний украинский национализм сформулирован в эпоху существования СССР и до сих пор является прежде всего антикоммунистическим и антисоветским комплексом идей. Именно антисоветскость, а не антирусскость современной Украины подчеркивается государственным культом голодомора.

Голодомор понимается как политика советской власти, нацеленная на уничтожение Украины как идеи и украинцев как народа. Через этот концепт в украинский националистический комплекс вовлекаются антисоветизм и антикоммунизм, на какой бы основе они ни возникали. Через признание факта голодомора украинскому национализму может искренне сочувствовать и еврей, и русский, и немец, и либерал, и националист, и клерикал, и лишенный устойчивой идентичности обыватель.

Голодомор, введенный в контекст украинского национализма, развивает западноукраинскую версию украинской идентичности. Западноукраинский крестьянский традиционализм, не знавший коллективизации начала 1930-х годов, не

может не сочувствовать тем, кто погиб в начале 1930-х годов от голода.

Через голодомор происходит не только моральная поддержка западноукраинского села в момент, когда оно брошено в нищету и переживает массовый исход трудоспособного населения за границу. Через голодомор моральная часть западноукраинской крестьянской культуры интегрируется в общую украинскую идентичность и культуру, придавая ей устойчивость.

Голодомор как часть новой западноукраинской идентичности хотя бы на мифологическом уровне позволяет гуманизировать бандеровца – радикального националиста, носителя украинской антисоветской идентичности. Исторически бойцы УПА и активисты ОУН были убийцами, реально практиковавшими геноцид: неоспоримый факт, что возникновение УПА сопровождалось немедленной резней поляков везде, где она действовала, и что евреи в Западной Украине были убиты в первую очередь руками местных полицейских, ушедших затем преимущественно в УПА.

Последующие исторические события не дали УПА возможности создать независимое украинское государство, но западноукраинский крестьянин хорошо знает, что пусть государство создать не удалось, но поляков и евреев больше рядом нет, а убиты они были вон тем дедом или его братьями, которых потом убили «энкавэдисты» в сорок девятом году.

Реальная память про УПА и реальный образ бандеровца в западноукраинской идентичности – это образ жестокого и хитрого победителя. Это городская интеллигенция могла мечтать об украинской независимости, гимне, гербе и государственном языке. Украинский крестьянин видел бойца УПА иначе: мобилизо-

ванный в УПА местный, который, взяв винтовку, не шел далеко от села, а решал, пользуясь ситуацией, застарелую местную, а то и личную проблему – убивал местного поляка, еврея, иногда «москаля». А потом, когда пути назад к мирной жизни уже не было, становился беспощадно жестоким убийцей (к слову, впоследствии обычно убитым при помощи кого-то еще из местных – это, правда, в широко распространенный миф не включено).

Образ УПА в западноукраинской деревне – это образ скорее махновского толка, образ защитника украинской традиционной культуры в родной местности от конкретных чужих, врагов. Образ сопротивления украинской деревни городу как таковому. Образ скорее антигосударственной, анархической, контркультурной идеологии, и потому запредельно беспощадной, дабы и этой кровожадностью город хотя бы напугать, если не удастся от города отбиться...

Бандеровец перестает быть в народной памяти убийцей. Он становится защитником западного украинца от страшного «москаля»-коллективизатора, забирающего у крестьянина последние крохи крупы. Забытая жестокость бандеровца накладывается на умирание деревни в силу урбанизации и исхода украинцев на Запад. Новые поколения наполняют образ бандеровца чертами благородного гуманиста с автоматом (вспомним фильм «Железная сотня»).

Вряд ли западноукраинская деревня, приняв культ голодомора в 1990-х годах, откажется от этого культа сейчас. Видимо, с этим культом она и умрет, когда урбанизация и трудовая эмиграция добьют ее вконец.

Культ голодомора как часть нового украинского национализма является составной частью идейного комплекса. В этот

комплекс входят: культ УПА, курс на языковую украинизацию всей Украины, распространение нерусского исторического сознания и конфессиональной принадлежности, стремление построить независимое украинское государство, антикоммунизм и антисоветизм, конфликт с Россией, идентификация Украины как европейской страны и нации, стремление войти в НАТО и ЕС, либеральные реформы.

Функция голодомора в этом комплексе – сплотить украинскую нацию вокруг идеи выживания в ходе столкновения украинцев с государством, центром которого является Москва. В основном речь идет об антисоветизме, но голодомор позволяет трактовать источник смертельной угрозы украинцам шире – через русскую государственность. Культ голодомора убирает моральность из всего опыта советской истории Украины. Индустриализация, коллективизация, рост городов и культурная революция выглядят построением абсолютно аморального общества.

В культурной ситуации после распада СССР голодомором убирается весь положительный исторический опыт УССР. Этот культ бьет по трактовке Второй мировой войны на территории Украины как войны моральной и справедливой со стороны Советского Союза. Признав голод 1932–1933 годов геноцидом украинского народа, приходится признать у этнических украинцев возможность морального выбора во время Второй мировой войны. Аморальность выбора в пользу нацистов или в пользу УПА теперь ставится под вопрос.

В конечном счете голодомором оправдывается именно УПА. При подсчете жертв, которые понес украинский народ от коммунистов и нацизма, на счету коммунизма больше

смертей, и потому поиск третьей линии поведения в той войне выглядит наиболее моральным. Реально же существовавшей третьей «партией» в той войне на территории Украины была УПА, шире – ОУН, породившая УПА. Признать доктрину голодомора – значит признать право отсидеться в той войне, уйти в лес, как это сделала УПА перед приближением Советской армии, уклониться от войны с нацистами, ибо воевать в условиях Украины с нацистами всерьез, во имя победы над ними, можно было только в рядах Советской армии.

Возникает удивительная для послевоенной европейской идентичности моральная ситуация – голодомор позволяет оправдывать войну националистической ОУН(б)¹⁰, создавшей УПА, против Советской армии. Фактически самая крупная по численности нация в Восточной Европе формируется под влиянием культа голодомора вне общеевропейского антинацистского контекста. Голодомор позволяет украинскому национализму безболезненно формировать ревизионистскую версию истории Второй мировой войны и претендовать на моральное право присутствовать с такой версией исторического сознания в современной Европе. Концепция голодомора создает внутри европейской культуры моральное и идейное пространство для ревизии однозначного морального осуждения нацизма и расизма.

Голодомор создает украинцам ощущение своего рода одиночества в мире иных культур, даже враждебности всех иных культур украинцам. Ведь если логически продолжать моральную проверку голодомором поведения разных государств, то выходит, что в геноциде украинцев виноваты, в общем, все. Ни-

кто на планете не пытался остановить советскую власть – ни США, ни Германия, ни версальская Польша, ни Британия... Такое мироощущение одиночества среди иных культур – своего рода мечта всех восточноевропейских интеллигентов – создателей новых наций, обычно оно достигается через культ национального языка и калькуляцию исторических обид к соседям. Борьба с любым универсализмом – сущность восточноевропейского национализма.

Признав голодомор геноцидом, приходится признать совершенно новый для Восточной Европы исторический счет. Моральное оправдание получает в нем необходимость тотального противостояния коммунизму и Москве. Из этой парадигмы выводится совершенно новая миссия украинской культуры в Восточной Европе: противостоять коммунизму абсолютно, тотально, бескомпромиссно.

Голодомор привносит в Восточную Европу тотальный национализм, которого до появления этой концепции там не знали (за исключением германского нацизма). Голодомор превращает украинский национализм в своего рода тоталитарную идеологию, придает украинской культуре тотальную нетолерантность по отношению к Советскому Союзу и неизбежно к России как его наследнице. Нация, заточенная на тотальное противостояние иной нации или идеологии, – это нация, которая носит внутри себя возможность тоталитарной идеологической трансформации и в политике. Носит в себе моральное оправдание реваншизма.

В конкретной культурной ситуации Украины это означает, что украинская националистическая идентичность, включившая в себя голодомор, несет сильнейшую угрозу насильствен-

ного подавления людей советской культуры в самой Украине. А также – конфликтность с теми культурами вне Украины, которые сохраняют преемственность по отношению к советской культуре. Например, к тем, кто полагает полностью морально оправданной войну советского коммунизма против нацизма. «Голодоморная» Украина обязательно культивирует напряженность, даже враждебность к России, сохраняющей преемственность исторической традиции.

Признание голода 1932–1933 годов геноцидом украинского народа неверно фактологически. Это лишь истероидная метафора. В идеологии коммунизма не была заложена геноцидальная составляющая по национальному или расовому признаку. В практике коллективизации не ставилась задача геноцида украинцев. Голод 1932–1933 годов не был голодом, специально организованным против украинцев.

Голодомор уводит украинскую культуру в сторону от европейских ценностей, от чувства реальности. Он закладывает в украинскую идентичность механизм силового подавления реалистичности.

«Голодоморная» Украина, стремясь в Европу, противостоит всей Европе, ожидая от нее поддержки своих неверных оценок и не располагая потенциалом, чтобы заставить Европу принять черное за белое, свою оценку истории за реальность. И это не может не истощать украинскую культуру.

Голодомор закладывает сильную и бесперспективную конфликтность внутрь украинской культуры, ослабляя ее способность договариваться с другими культурами и жить совместно с ними в мире и взаимодействии. Консолидация украинской

культуры вокруг тезиса о голодоморе – это парадоксальный путь к весьма радикальному национализму.

Почему голодомор как концепт оказался способным распространиться в 1990-х годах на Восточную Украину? Почему он закрепился в современной украинской государственной идеологии, возобладавшей после «оранжевой революции»?

Видимо, именно концепт голодомора оказался в 1990-х годах формой восстановления крестьянской идентичности восточноукраинского города, рухнувшего в деиндустриализацию. Городское население индустриальных центров Восточной Украины на массовом уровне сохраняло память о своем крестьянском происхождении, но потеряло память о реальной жизни в деревне. Деиндустриализация в городах проходила параллельно с распространением либеральной идеологии через СМИ и множество социальных институтов. Эта идеология подразумевала отрицание колхозов и крупного производства вообще.

Горожане Восточной Украины были заброшены в мифологическое пространство, в рамках которого определяли себя сторонниками «фермерского пути развития деревни». При оценке коллективизации они, на символическом уровне, становились на сторону кулачества, уничтоженного в ходе коллективизации. Положительные последствия коллективизации и личный опыт их семей отходили на второй план. Семантическая деколлективизация, происшедшая в городах Восточной Украины в 1990-х годах, привела к активизации в массовом сознании горожан как бы кулацких представлений о развитии деревни.

Постсоветский либерализм в целом был направлен на противопоставление индивидуума коллективу. Применительно к оценке деревни это означало переход массы горожан к абсурд-

ным, непроверенным личным опытом симпатиям к фермерскому пути развития деревни, к ненависти к колхозам и страху перед коллективом. Украинский город вернулся в состояние духовной анархии, свойственной деревенской культуре. Анархия, аполитичность, локальная и «клановая» идентичность при небольшой степени мракобесия – все это превратило мелкого предпринимателя – горожанина Восточной Украины 1990-х годов в своего рода доколлективизационного крестьянина.

Концепция голодомора стала подвидом общего либерального сознания горожан. Этот концепт позволил горожанину – потомку «коллективного бедняка» 1930-х годов – ощутить себя «коллективным кулаком». Образы голодомора позволяли этому городскому «коллективному кулаку» морально победить советскую власть в мифологической коллективизации и тем самым оправдать образ жизни мелкого предпринимателя. Концепт голодомора канализировал социальную неприязнь в украинском городе в солидарность не «коллективного бедняка», а «коллективного кулака».

Идеология голодомора в восточноукраинских городах – это полный аналог, как ни парадоксально, той идеологии социальной консолидации, которая в середине 1990-х годов сделала возможным приход к власти в соседней Белоруссии Александра Лукашенко. Однако такие же по сути горожане, ставшие вновь крестьянами по мере остановки заводов, в Белоруссии ощутили себя «коллективным бедняком», повели себя подобно бедняцкому полюсу в деревне начала 1930-х, консолидировались в своего рода общину, нацеленную на выживание через модернизацию. Такой «общиной» стало белорусское государство.

В Восточной же Украине доминантой возродившейся крестьянской идеологии стала идеология мелкого предпринимателя, «кулака», консолидированного под властью местного «атамана» – регионального лидера. И именно этот кулацкий тип крестьянского мироощущения вобрал в себя миф голодомора в украинских городах.

ГЛАВА VI

РЕНАЦИФИКАЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Антикоммунизм – отложенная
победа нацизма

Миф о голодоморе опасен для современной Европы, и особенно ярко эта опасность проявляется в восточноевропейском контексте: этот миф позволяет связать с антикоммунизмом проблему ревизии итогов Второй мировой войны и реабилитацию нацизма.

Культуры Восточной Европы – в той степени, в которой они признают факт голодомора, – словно возвращаются в точку отсчета исторического времени, когда Гитлер еще не пришел к власти в Германии, не было Второй мировой войны и не была одержана победа над нацизмом. Признать геноцид украинцев преступлением советской власти означает автоматически признать самые радикальные формы сопротивления ей, в том числе нацистскую версию антикоммунизма. По крайней мере, не-

мецкий нацизм в его довоенной практике выглядит оправданной формой сопротивления коммунизму, практикующему геноцид в громадных масштабах.

Голодомор позволяет оправдать польскую политику в отношении Германии после прихода Гитлера к власти и особенно договор 1934 года. Он является также моральным и политическим основанием для оправдания отказа Польши и Румынии пропустить Красную армию на помощь Чехословакии в 1938 году. Он оправдывает акты агрессии нацистской Германии перед началом Второй мировой войны, так как они способствовали возникновению в континентальной Европе военной силы, способной противостоять Советскому Союзу. Советский Союз в случае признания голодомора выглядит без всяких сомнений абсолютным злом, несущим такой же геноцид всем народам, которые сможет покорить, как и нацизм.

Отталкиваясь от голодомора, можно поставить под вопрос моральное оправдание антинацистского союза СССР, Британии, США, Франции... Голодомор оправдывает массовое уничтожение советских военнопленных, жестокие методы подавления партизанского движения, уничтожение коммунистов и советских функционеров вместе с их семьями, а в ряде случаев уничтожение этнических русских и даже просто славян. На фоне голодомора кажутся морально допустимыми любые формы сопротивления коммунизму и любые зверства в ходе борьбы с ним.

Реанимированный радикальный национализм восточно-европейских народов обязательно имеет антисемитский характер и обязательно следует антисемитской традиции. Также и антикоммунизм концепта голодомора не должен вво-

дять в заблуждение: под коммунистами очень часто имеются в виду не только русские, но и евреи. Таким образом, голодомор позволяет ослабить ужас геноцида евреев в Восточной Европе. В радикальных интерпретациях голодомора украинскими националистическими авторами прямо говорится о том, что голод 1932–1933 годов был организован евреями против украинцев, а сам голод называется «жидовским голодом», формой мести евреев украинцам за разнообразные исторические обиды.

Голодомор – это идеология, которая развивается отнюдь не в стерильной атмосфере западного университета, а в контексте Восточной Европы и ее национализмов, которые не прошли через денацификацию. У всех восточноевропейских народов местный радикальный национализм породил свои версии расизма, тесно связанные с нацизмом, – даже у белорусов во время Второй мировой войны образовалась нацистская партия. И хотя местный нацизм не стал доминирующей идеологией, местные национализмы остались в основном радикальными национализмами, расизм внутри них не доминировал, однако это не остановило массовую резню местными националистами друг друга и других народов в тени войны нацистов против СССР.

Восточная Европа в годы Второй мировой войны была странством, где царили кровавые националистические движения. И они до сих пор не покаялись в том кровопролитии. Реабилитация УПА на Украине – это реабилитация группировки, практиковавшей геноцид по этническому принципу. Реабилитация или, точнее, культ Армии крайовой в Польше – это культ организации, которая также практиковала этнические чистки

и геноцид. Празднование восстания 22 июня 1941 года в Литве – это празднование не просто восстания литовцев против советской власти, а празднование политического движения, устроившего массовую резню евреев еще до прихода немцев в литовские города¹.

Переход Восточной Европы под власть СССР в результате Второй мировой войны превратил националистические движения в основную силу, противостоявшую коммунизму. В рамках логики холодной войны опора Запада на эти движения вполне оправданна: она не позволила национальным движениям Восточной Европы пройти через искреннюю и последовательную денацификацию.

Советская власть и коммунизм во время холодной войны по своему сдерживали национализмы: где-то их подавили силой, где-то разрешили ряд проблем, которые эти национализмы ставили. В Восточной Европе были проведены обмены населением между основными странами и республиками СССР. Национальные государства и республики приблизились к моноэтничности. Правящие элиты во всех местных государствах были составлены из представителей местных народов. Города были населены преимущественно местными крестьянами и в этническом отношении, за редким исключением, соответствовали этническому составу окружающих сельских территорий.

Решение национальной проблемы в Восточной Европе было проведено в рамках коммунистической идеологии. Кризис этой идеологии в 1980-х годах привел к росту национализмов как основной оппозиционной силы коммунизму, при этом антикоммунистические национализмы не были денацифицированными – они сохраняли внутри себя моральное оправдание кол-

лаборантов и элементов нацистской политики. Крах коммунизма вывел в Восточной Европе на поверхность именно эти движения и эту идеологию.

В конце 1980-х годов Восточная Европа словно вернулась в идейном смысле в 1930-е годы. Опыт денацификации был забыт, ибо антинацизм коммунистических местных режимов был отброшен вместе с коммунизмом. Ритуальные, конъюнктурные жесты местных националистических лидеров в сторону Запада с доказательствами осуждения ими нацизма на местах ничего не меняли.

Там, где межнациональные конфликты обострились до кровавой резни или очень жесткой полемики – в бывшей Югославии, румынской Трансильвании, Приднестровье, – произошел зримый возврат к довоенной радикальной антикоммунистической идеологии. В регионах, где до войны не дошло, возврат к довоенной версии радикального национализма произошел без пролития крови, но не более того.

Каждый местный национализм создал версию собственного голодомора. В Литве – «геноцид» литовцев советской властью и депортация в Сибирь. В Латвии и Эстонии – депортация. В Польше – Катынь и уничтожение довоенной польской интеллигенции. В Белоруссии – Куропаты, расстрелы в ходе политической борьбы 1937–1938 годов. Все эти события состоялись, все они были трагичными, и все достойны памяти и осмысления, но интерпретация этих событий местными националистами была полностью совершена по кальке украинского голодомора.

Однако ни одна из этих трагедий не может сравниться по масштабам с украинским голодом. Ни одна из них не влекла за

собой таких грандиозных последствий для Восточной Европы и СССР. Именно украинский голод является «главным голодомором» Восточной Европы, и от распространения идеологии украинского голодомора зависело, будут ли культивироваться в остальных восточноевропейских национализмах местные голодоморы, или антикоммунистическая консолидация пройдет по иной модели.

Национализм или европейская интеграция: что победит?

Послевоенная индустриализация в большей части Восточной Европы не сопровождалась столь глубокой коллективизацией и истощением деревни, как в России или Восточной Украине. Традиционная крестьянская культура не была так глубоко взломана коллективизацией, как это произошло в СССР в начале 1930-х годов. Доля сельского населения в Восточной Польше, западных областях Белоруссии, Украины, в Молдавии, в республиках Прибалтики к моменту распада СССР была весьма значительной, достигая в некоторых регионах половины населения. Города были насыщены в основном горожанами в первом-втором поколениях, сохраняющими тесные связи с деревней².

В ходе распада СССР и кризиса восточного блока рухнула крупная промышленность в городах и значение городов упало. Произошла значительная деиндустриализация, частичная, но кое-где очень заметная деаграризация. Горожане массово занимались дачами, работой в хозяйствах своих родст-

венников в деревнях и т. д. Но главное – наименее пострадавшей от краха промышленности частью общества оказались крестьяне. Тот тип крестьян, который можно отнести к середнякам.

Остатков техники, умений, организации, инфраструктуры деревни хватило для того, чтобы крестьяне в деревне не голодали и даже кормили часть своих родственников в городах. Однако создать крупнотоварное производство в 1990-х годах на базе фермерства было сложно: перемены шли слишком быстро, новый кулак появлялся медленно. Но середняк возник массово, и себя крестьяне кормили. Вместе с середняком произошла естественная реанимация представлений крестьянства этого типа о мире и реальности.

Произошел своего рода возврат к доколлективизационной деревне, напоминающей деревню СССР 1920-х годов. Но еще более мощным был возврат психологический, ментальный, мировоззренческий к именно деревенским типам мышления и культуры. Для такой вернувшейся в конец 1920-х годов восточноевропейской деревни национализм традиционалистского, ксенофобского толка был естественной идеологией.

В Восточной Европе этот национализм прижиться не успел. Его смела волна европейской интеграции. Но в 1990-х годах он был востребован, и в этом регионе деколлективизация деревни сопровождалась деградацией системы ценностей до уровня 1920-х годов.

Вернувшаяся в доколлективизационную эпоху культура Восточной Европы воспринимала как реальность угрозу новой коллективизации, голода, возврата коммунистов к власти, депортаций, репрессий и прочих ужасов демонизированного СССР.

Впрочем, антикоммунизм восточноевропейской деревни в середине 1990-х годов легко сменился симпатиями к неокommунистам или близким им популистам. Но к этому времени в городах уже устоялись элиты, ориентированные в основном на Запад.

Курс Восточной Европы на интеграцию в состав ЕС был гарантирован зависимостью от поддержки Запада, и национальные элиты нуждались в продолжении антикоммунистической консолидации своих народов на период адаптации к условиям вступления в ЕС и НАТО.

Восточная Европа второй половины 1990-х годов – это пространство диктатуры радикального национализма, социальных бедствий и вытеснения крестьянина и горожанина из небольшого городка в Западную Европу на заработки. Город сокрушил восточноевропейскую деревню, вытеснив избыточное население в пригороды Парижа и Лондона.

В этот сложный переходный период Восточная Европа пережила своего рода радикальную националистическую диктатуру, напоминающую диктатуры 1930-х годов. Могла меняться политическая окраска местных режимов: левые посткоммунисты сменяли правых консерваторов и наоборот, но общим оставалось главное: подавление постсоветских элит, особенно в силовых структурах, и крайне антикоммунистическая, антисоветская идеология.

Основным обоснованием такой крайности идеологии во всех странах был свой вариант голодомора. По сути, в 1990-х годах украинский голодомор был превращен в универсальную антисоветскую идеологию для всех посткоммунистических стран. Так, в Литве было введено уголовное наказание за отрицание геноцида литовцев при советской власти.

Именно этим путем идет после «оранжевой революции» и

сама Украина. Вокруг голодомора было легко выстраивать общие ритуалы и пропагандистские слоганы периода ориентации на формирование союза во главе с националистической Польшей и Украиной.

Восточная Европа, нашедшая стержень в своих маленьких голодоморах и в большом украинском голодоморе, – это примерно 50 миллионов украинцев, 40 миллионов поляков, 20 миллионов румын, по 10 миллионов прибалтов, болгар, венгров, чехов. Это свыше 150 миллионов человек в странах, которые либо уже вошли в состав Европейского союза, либо находятся на пути к этому.

В европейский проект, в европейскую интеграцию вливаются громадные массы людей, которые сомневаются в моральности разгрома нацизма и правильности однозначного осуждения коллаборации, радикального национализма, антисемитизма, в правильности существующих после Нюрнберга оценок Второй мировой войны. В объединенную Европу вливается громадная масса чуждых ей по духу культур и идей.

Занятая интеграционным процессом и опасениями коллапса на востоке, Европа не заметила грандиозной пронацистской мутации европейской культуры в бывших социалистических странах. В тени антикоммунизма в Европу пришла консолидация культур антиевропейского толка, и эти культуры ныне обладают механизмом и институтами для влияния на ЕС, на самую европейскую идентичность.

Вскоре – возможно, уже после вероятной ратификации Лиссабонского договора – эти культуры получат механизм влияния на объединенную внешнюю политику ЕС. Идеология голодомора может трансформироваться из антикоммунистиче-

ской в антироссийскую или антимусульманскую. Встает вопрос об угрозе потери всей европейской идентичностью своего универсального гуманистического характера.

Любая форма ревизии идеологического характера войны с нацизмом, любая форма отказа от денацификации, проведенной после падения Берлина, – это удар по базису, на котором стоит европейская цивилизация. Вся современная европейская система права, историческое самосознание современных европейцев основаны на сюжете разгрома нацизма. Со временем, когда уйдут еще несколько поколений, этот сюжет потускнеет, как потускнела тема отказа от работорговли, актуальная для Европы XIX столетия. И тогда борьба с расизмом и европейская универсальность будут переформулированы в иных образах. Но пока именно антинацизм является сюжетной скрепой, на которой покоится современная европейская идентичность. Именно через антинацизм являются европейскими культуры восточноевропейских народов, самостоятельно отказавшихся от коммунистической идеологии, переставшей их удовлетворять³.

Можно не принимать коммунизм, но надо помнить, что в государствах, где он ранее господствовал, он был преодолен самими народами, это означает, что внутри коммунистических обществ выросло новое понимание культуры и коммунизм этому помешать не смог – в отличие от обществ нацистских, которые пришлось сокрушать в самой тяжелой в истории человечества войне.

Без коммунизма, глубоко изменившегося в ходе Второй мировой войны, нельзя было сокрушить нацизм. Современная Европа – это продукт совместного творчества коммунистов и ан-

РЕНАЦИФИКАЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

тикоммунистов на антинацистской основе. Забыть об этом – значит забыть о реальности, обезоружить себя в свете реальных слабостей европейской цивилизации, через которые вирус расизма в новой форме может вновь проникнуть в современное европейское общество.

ГЛАВА VII

ИТОГИ XX ВЕКА: ГОЛОДОМОР ПРОТИВ БОЛЬШОЙ ЕВРОПЫ

Каких кризисов в ближайшем будущем мы можем ожидать от факта неденацифицированности Восточной Европы? Какие угрозы создает распространение в Восточной Европе ныне неденацифицированных культур?

Во-первых, вовлечение ЕС в конфликт восточноевропейского национализма с антинацистской традицией в Восточной Европе и России – именно в этот конфликт переходит традиционная русофобия восточноевропейского национализма. Современная российская идентичность неразделимо связана с антинацистской советской традицией, и конфликт восточноевропейского национализма с Россией, русскостью, антикоммунизм восточноевропейского национализма сопряжены с атакой на антинацистскую приверженность российской культуры. И напротив, современная Россия не может принять ни парадов ветеранов СС в Риге и Таллине, ни празднования восстания 22 июня 1941 года в Литве, ни культ УПА на Украине.

Основным разделителем между Восточной Европой и современной Россией является отнюдь не конфликт вокруг символов российскости: русский язык, память о Российской империи в символах и исторических трактовках, Русская православная церковь Московского патриархата – все это не очень актуальные и не слишком разделяющие Восточную Европу и Россию пункты. На деле современные Россию и Восточную Европу разделяет отношение к нацизму, коллаборантам, трактовка Второй мировой войны.

Восточноевропейский национализм ведет борьбу не с российским национализмом и не с Россией. Восточноевропейский национализм под видом борьбы с Россией за собственную идентичность, за дерусификацию и так далее борется на самом деле с антинацистской традицией. И во имя реабилитации коллаборантов и изменения моральной оценки Второй мировой войны вовлекает в столкновение с Россией и коммунистическим наследием в пользу реабилитации нацизма всю Европу.

Менее масштабный, но не менее глубокий идеологический конфликт существует на этой почве между восточноевропейским национализмом и Белоруссией. Государственная символика и государственная идеология Белоруссии базируются на апологетике антинацизма и антинацистского сопротивления белорусов в годы Второй мировой войны. День независимости Белоруссии – День освобождения Минска от нацистов Советской армией. Государственные флаг и герб – немного измененные, освобожденные от коммунистических символов герб и флаг БССР.

Основная разделительная линия в идеологии белорусского государства и националистической оппозиции, поддерживаемой «Западом» (в основном восточноевропейскими национа-

листами), – в трактовке Второй мировой войны: местный национализм открыто оправдывает коллаборантов и на массовом уровне ассоциируется в Белоруссии именно с апологетикой коллаборации. Белорусский конфликт – именно идеологический, так как проблем с границами между Белоруссией и соседними странами почти нет.

Поддержка польским, литовским, латышским, украинским национализмами белорусской националистической оппозиции – это прежде всего поддержка силы, нацеленной на пронацистскую трансформацию белорусской национальной идентичности и государственной идеологии. Конфликт вокруг белорусской «диктатуры» – это прежде всего конфликт между пронацистским восточноевропейским национализмом и антинацистской белорусской государственной традицией и идеологией.

Давление восточноевропейских национализмов на Белоруссию нарастает. Происходящая пронацистская трансформация на Украине идет следом за укрепляющейся неонацистской идеологией и политикой в странах Балтии, а вместе с тем нарастает идеологическое напряжение между восточноевропейцами и Белоруссией. Такая ситуация в случае ослабления белорусской позиции в области безопасности чревата большим кризисом.

Именно для подавления белорусской идентичности восточноевропейцы вовлекают ЕС и НАТО в борьбу с «диктатурой Лукашенко». Конфликт в Белоруссии и вокруг нее – это противостояние на важных линиях европейских коммуникаций, влияющее на весь ЕС, и локализовать его в виде конфликта внутри Белоруссии нельзя.

Тяжесть белорусского конфликта должны вынести на себе объединенная Европа и Евroatлантический союз, но в случае

разгрома белорусской антинацистской идентичности и идеологии его плоды пожнут восточноевропейские пронацистские версии национализмов.

В конфликте вокруг политической и идеологической ориентации Украины пронацистская версия украинского национализма уже получила поддержку как соседей по региону, так и институтов ЕС и НАТО. После «оранжевой революции» на Украине усилилось развитие по прибалтийскому шаблону. Реабилитация и героизация УПА и ее командующего Романа Шухевича, получившего звание Героя Украины, – это подготовительный шаг к реабилитации дивизии СС «Галичина» и иных форм последовательной коллаборации. Именно эти тенденции вызывают напряженность в отношениях России и Украины.

В случае успеха пронацистской трансформации Украины Восточную Европу ждет появление сильного регионального блока в составе Украины, Польши, стран Балтии, ряда иных стран. Этот блок уже возник в виде ГУАМ и системы тесных консультаций восточноевропейских государств по энергетическим и иным вопросам: часть стран этого блока уже находится в ЕС и НАТО, часть – лишь стремится войти в эти организации, но солидарная позиция стран региона, кроме Белоруссии, по основным вопросам уже есть, и она проверена временем. Общая идеологическая установка на ревизию итогов Второй мировой войны – неотъемлемая часть общей идеологии этого блока.

Дальнейшее укрепление националистической идеологии на Украине и усиление интеграции Украины в НАТО и ЕС усиливают этот восточноевропейский блок потенциалом крупнейшей региональной страны. А вместе с тем усиливают и агрес-

сивность в ходе конфронтации по идеологическим вопросам с Россией и Белоруссией.

Внутри ЕС и НАТО восточноевропейский блок по мере своего усиления проводит все более заметную политику навязывания своих ценностей всему Европейскому союзу. В конечном счете идет перекачивание ресурсов из старой Европы не в демократизацию Украины, например, или Белоруссии, а в формирование восточноевропейского регионального сообщества, критично относящегося к базовым постулатам европейских ценностей, к антинацизму.

Вовлечение Украины в ЕС и НАТО приведет к достижению восточноевропейским блоком критической массы, необходимой для выдвижения сильных стратегических инициатив и открытых идеологических постулатов, неожиданных для современной Европы. Украина в составе ЕС и НАТО – это обязательно сильный кризис вокруг Белоруссии и сильная конфронтация с Россией.

В составе ЕС и НАТО восточноевропейский блок сможет проводить через ныне существующие институты этих организаций свою идеологию и нарастающую политическую волю. Вероятнее всего, через локальные кризисы. Вовлечение старой Европы в локальные кризисы уже обеспечивает усиление прежде всего восточноевропейских «социумов».

Отношения стран Восточной Европы и США неизбежно будут приобретать все более тесный характер. Первые готовы воевать совместно со вторыми где угодно и уже воюют в самых экзотических странах. Кроме того, их объединяет и общий интерес к углеводородам региона Каспийского моря.

Двусторонний альянс Восточной Европы и США внутри институтов ЕС и НАТО – это сильная точка опоры восточноевро-

пейцев для отстаивания своих ценностей, столь опрометчиво выпущенных на поверхность Европой в 1990-х годах. Усиливаемая Украиной, возможно, еще более усиленная в будущем Закавказьем и Белоруссией, Восточная Европа сможет в интересах США серьезно влиять на стратегические решения в масштабе всего ЕС и НАТО.

До какого-то предела альянс США и Восточной Европы может быть устойчивым, и он неизбежно будет ослаблять европейскую идентичность, он будет формой выкачивания ресурсов из старой Европы для усиления как раз тех стран и народов, чьи ценности вовсе не совпадают с европейскими.

Идейный раскол внутри ЕС на две части – в общем близкую к неонацизму Восточную Европу и старую Европу, скорее всего сохраняющую антинацизм, – при арбитраже США и сохраняющемся конфликте всей Европы с Россией – это реальная угроза европейской цивилизации.

Культ голодомора в нынешней, постреволюционной «оранжевой» Украине – это шаг на пути интеграции Украины в восточноевропейскую общность неонацистского в своей основе толка. И успех такой трансформации Украины впечатляет. Собственных политических сил, способных остановить распространение криптонацистской идеологии, на Украине почти нет. Именно на основе культа голодомора в течение пяти – десяти лет вполне можно ожидать глубокой интеграции этой страны в усиливающуюся восточноевропейскую общность.

Успешное сокрушение нацистской угрозы во всей Европе было бы невозможно без индустриализации и коллективизации СССР. Прозцветание современной Европы тоже в большой сте-

пени покоится на трупах миллионов трудолюбивых и не очень, образованных и неграмотных, верующих и не очень, пьющих и трезвых, взрослых и детей, мужчин и женщин, стариков и старух, умерших очень мучительной смертью в 1932–1933 годах в СССР. Коммунистическая традиция не может отказаться от моральной ответственности за эти смерти.

Но революция в СССР была коммунистической. И был построен «социализм». И существовал Коминтерн... Вот такой он и был – социализм в отдельно взятой стране.

Безусловно, основная вина за тот голод лежит на советском руководстве. Был ли менее кровавый, учитывая международную ситуацию, выход, или его не было – вопрос для интеллектуальных спекуляций. Голод случился, и, как и при любой трагедии, за миллионы смертей несет ответственность та власть, при которой подобное произошло.

Актуализированный сейчас в «оранжевой» Украине культ голодомора, может обмануть шаблонным антикоммунизмом только западноевропейца, далекого от Восточной Европы. Контекст, в котором этот культ развивается ныне, хорошо понятен только вблизи: это путь аморализации Европы и неонацизм, и этому курсу необходимо сопротивляться. Именно сопротивление и есть защита европейских ценностей и европейской цивилизации.

П Р И М Е Ч А Н И Я

Глава І. Крестьянский голод

1. *Кульчицький С.* Скільки нас загинуло від голодомору 1933 року? Дзеркало тижня. № 45 (420). 23–29 листопада 2002 року.
<http://www.zn.kiev.ua/ie/show/420/36833>; *Кульчицький С.* Причини голоду 1933 року в Україні по сторінках однієї призабутої книги. Дзеркало тижня. № 31 (456). 16–22 серпня 2003 року.
<http://www.zn.kiev.ua/ie/show/456/41284>
2. *Конквест Р.* Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голодом / Пер. с англ.: И. Коэн, Н. Май, М. Хейфец. http://www.fictionbook.ru/ru/author/konkvest_robert/jatva_skorbi; *Мейс Д.* Політичні причини голодомору в Україні (1932–1933 рр.). <http://ukrlife.org/main/evshan/meis.html>; *Кульчицький С.* Демографічні наслідки голодомору 1933 року в Україні; *Ефіменко Г.* Все-союзний перепис 1937 року в Україні: документи та матеріали. <http://www.history.org.ua/kul/contents.htm>
3. Новый энциклопедический словарь / Под общ. ред. К.К. Арсеньева. Т. 14. СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1913. Стб. 41.
4. Там же. Стб. 41–42.
5. Там же.

Глава ІІ. Сползание в голод

1. Наиболее полно см. в статьях М. Таугера.
<http://2000.net.ua/issue/395>, <http://2000.net.ua/issue/396>,
<http://2000.net.ua/issue/397>

2. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: 1927–1939 гг. Документы и материалы. В 5-ти тт. Т. 3. Конеч 1930-го – 1933 г. М.: Росспэн, 2001.
http://knigipoistcccp.diinoweb.com/files/Tragedy.of.the.Soviet.Village.vol3.1930-1933_rus.zip
3. *Конквест Р.* Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голодом / Пер. с англ.: И. Коэн, Н. Май, М. Хейфец.
http://www.fictionbook.ru/ru/author/konkvest_robort/jatva_skorbi; см. также: материалы комиссии конгресса США про голод 1932–1933 годов в Украине, которые в основном представляют собой записи свидетельств людей, переживших голод, в духе концепции голодомора. Сборник широко используется в исторической литературе и пропаганде.
4. *Конквест Р.* Указ. соч.
5. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД: 1918–1939 гг. Документы и материалы. В 4-х тт. Т. 3. 1930–1934 гг. Кн. 2: 1932–1934 гг. Росспэн, 2005. <http://knigipoistcccp.diinoweb.com/files/sovetskaya-derevnya-glazami-vchk-tom3-k2.zip>
6. *Таугер М.* Урожай 1932 года и голод 1933 года.
<http://www.2000.net.ua/e/44469>
7. Постановление ЦК ВКП(б) «Об организации хлебозаготовок в 1932 году», 7 июля 1932 года. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 2005. Л. 47–48 // Трагедия советской деревни...; Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о валовых сборах и урожайности зерна, 13 ноября 1932 года. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 2020. Л. 6 // Трагедия советской деревни...; Постановление Комитета по заготовкам с/х продуктов при СТО о снижении годового плана хлебозаготовок на Украине, 2 сентября 1932 года. РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 8. Д. 1. Л. 111 // Трагедия советской деревни...; Постановление Полит-

- бюро ЦК ВКП(б) «О сельском хозяйстве и, в частности, животноводстве Казахстана», 17 сентября 1932 года. РГАСПИ. Ф. 17.
- Оп. 162. Д. 13. Л. 116–117 // Трагедия советской деревни...; Директива ОГПУ об усилении борьбы с незаконной торговлей зерном и мукой, не позднее 16 сентября 1932 года. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3.
- Д. 2014. Л. 43–45 // Трагедия советской деревни...; Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области», 14 декабря 1932 года. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 2025. Л. 42–42 // Трагедия советской деревни...; Директива Политбюро ЦК КП(б)У о вывозе семенных фондов для выполнения плана хлебозаготовок, 29 декабря 1932 года. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 25. Л. 214. // Трагедия советской деревни...
8. «Пример Белорусской ССР был перед глазами. Там к 10 декабря 1932 года хлебозаготовки были выполнены всего на 46 процентов. Но после того как в Москве надавили на местные партийные и советские органы, к 1 января 1933 года БССР выполнила план по хлебозаготовкам на 106 процентов. То есть за двадцать дней выполнили 60 процентов плана, который никем не менялся» (Материалы XVII съезда ВКП(б) // *Васильев А.* Голодомор в УССР: правда и вымысел. <http://twow.ru/forum/index.php?showtopic=3083>).
9. Информация заместителя председателя Комзага СССР М.А. Чернова в Политбюро ЦК ВКП(б) о перенесении нарядов на экспорт пшеницы с Украины на Среднюю и Нижнюю Волгу, 9 октября 1932 года. РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 8. Д. 1. Л. 150 // Трагедия советской деревни...; Докладная записка начальника ЦУНХУ В.В. Осинского и его заместителя Минаева И.В. Сталину и В.М. Молотову о размерах валового сбора хлебов в 1931 году, 29 мая 1932 года. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 536. Л. 39–43 // Трагедия советской деревни...; Постановление Политбюро ЦК КП(б)У «О мерах усиления хлебо-

- заготовок», 30 октября 1932 года. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 54. Л. 193–197 // Трагедия советской деревни...; Телеграмма М.М. Хатаевича С.В. Косиору, В.М. Молотову, В.Я. Чубарю об усилении отгрузок промышленных товаров селу в счет хлебозаготовок, 4 ноября 1932 года. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 141. Л. 102 // Трагедия советской деревни...; Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) об уменьшении плана хлебозаготовок из урожая 1932 года Украине, Северо-Кавказскому краю, Уральской области и Казахстану, 12 января 1933 года. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 2027. Л. 15 // Трагедия советской деревни...
10. Постановление СНК УССР и ЦК КП(б)У «О занесении на черную доску сел, злостно саботирующих хлебозаготовки», 6 декабря 1932 года. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 55. Л. 71–72 // Трагедия советской деревни...
11. Трагедия советской деревни...; *Конквест Р.* Указ. соч.
12. Там же.
13. *Сталин И.В.* Об уклонах к национализму. Из отчетного доклада XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) 26 января 1934 года.
<http://www.archives.gov.ua/Sections/Famine/Stalin.php>
14. Там же; *Постышев П.П.* Прения по отчетному докладу т. Сталина о работе ЦК ВКП(б) (1934).
<http://www.archives.gov.ua/Sections/Famine/pravda-1934-1.php>;
Постышев П.П. Из доповіді про роботу ЦК КП(б)У на XII з'їзді комуністичної партії (більшовиків) України (1934).
<http://www.archives.gov.ua/Sections/Famine/Postyshev.php>

Глава III. Украина: голод, но не голодомор

1. *Уиткрофт С.* О зерновых балансах и оценках урожайности в СССР в 1931–1933 годах // Трагедия советской деревни. Коллективиза-

- ция и раскулачивание: 1927–1939 гг. Документы и материалы. В 5-ти тт. Приложение. М.: Росспэн, 2001.
http://knigipoistcccp.diinoweb.com/files/Tragedy.of.the.Soviet.Village.vol3.1930-1933_rus.zip
2. *Конквест Р.* Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голодом / Пер. с англ.: И. Коэн, Н. Май, М. Хейфец.
http://www.fictionbook.ru/ru/author/konkvest_robort/jatva_skorbi.; Для контраста см. иную точку зрения, где прослеживается появление самого мифа голодомора начиная от Херста: *Дергунов Ю.* Индустрия голодомора.
<http://left.ru/2006/18/dergunov152.phtml>
3. Директива ЦК ВКП(б) и СНК СССР в связи с массовым выездом крестьян за пределы Украины от 22 января 1933 года; *Ткаченко Г.С.* Миф о голодоморе и манипуляция сознанием.
<http://www.km.ru/magazin/view.asp?id={C2BD294D-7A19-40EB-805F-E9D262E70057}>
4. *Конквест Р.* Указ. соч.; Контрастная антисемитская украинская националистическая версия голода, см.: *Куліш А.* Голодомор 1932–1933: причини, жертви, злочинці. http://kobza.com.ua/ounruhu/?p=genocide&sp=golodomory&d=2002_08_31_05.htm; *Культчицький С.* Причини голоду 1933 року в Україні по сторінках однієї призабутої книги. Дзеркало тижня. № 31 (456). 16–22 серпня 2003 року. <http://www.zn.kiev.ua/ie/show/456/41284/>
5. *Конквест Р.* Указ. соч.; см. также: *Мейс Д.* Політичні причини голодомору в Україні (1932–1933 pp.).
<http://ukrlife.org/main/evshan/meis.html>
6. *Конквест Р.* Указ. соч.; см. также: Командири великого голоду / За редакцією В. Васильева та Ю. Шаповала.
http://memorial.kiev.ua/index.php?path=books&file_name=2002_1

0_30_01.php; Висновки спеціальної комісії Конгресу США з питань дослідження Голодомору 1932–1933 років в Україні.

http://memorial.kiev.ua/index.php?path=documents&file_name=2002_02_01_01.php; Трагедия советской деревни... Т. 3. Конец 1930-го – 1933 г.

Глава IV. Голод в его контекстах

1. *Таугер М.* Сталин, советское сельское хозяйство и коллективизация. <http://www.2000.net.ua/issue/395/F1.pdf>
2. *Конквест Р.* Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голодом / Пер. с англ.: И. Коэн, Н. Май, М. Хейфец. http://www.fictionbook.ru/ru/author/konkvest_robort/jatva_skorbi;
3. Там же.
4. *Таугер М.* Указ. соч.
5. *Конквест Р.* Указ. соч.
6. Там же.
7. Советская военная элита в политической борьбе 1920–1930-х годов // Кадровая политика. № 1. 2003. http://www.whoiswho.ru/kadr_politika/12003/stm9.htm
8. Удобная хронология по теме приведена в: «Военная тревога» в СССР в 1927 году (англо-советский конфликт 1927 года). <http://www.hrono.ru/sobyty/1927sssr.html>
9. История дипломатии от Древнего мира до наших дней. Глава 16: Мировой экономический кризис и крушение планов экономического оздоровления Европы (1929–1931 гг.). <http://www.diphis.ru/index.php?option=content&task=view&id=132>
10. *Бойко В.* Афганистан на начальном этапе независимого развития (1920-е годы). <http://www.afghanistan.ru/doc/4967.html>

11. *Аптекарь П.* Специальные операции Красной Армии в Афганистане в 1920-е годы. <http://www.rkka.ru/oper/afg/afg.htm>
12. *Шишов А.В.* Россия и Япония. История военных конфликтов. http://militera.lib.ru/h/shihsov_av/index.html
13. *Шталь А.В.* Малые войны 1920–1930-х годов. <http://militera.lib.ru/h/shtal/index.html>
14. *Мельтюхов М.И.* Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 годов. <http://wcr.u.narod.ru/meltyukhov2>
15. *Минаков С.Т.* Советско-украинско-польские отношения и возникновение «военной тревоги». <http://vin.ru/documents/ken/trevo-ga.doc>; также см.: Советская военная элита в политической борьбе 1920–1930-х годов // Кадровая политика. № 1. 2003. http://www.whoiswho.ru/kadr_politika/12003/stm9.htm
16. *Савченко В.А.* Авантюристы гражданской войны. <http://militera.lib.ru/bio/savchenko/index.html>
17. *Шишов А.В.* Указ. соч.
18. История дипломатии от Древнего мира до наших дней. Глава 16: Мировой экономический кризис и крушение планов экономического оздоровления Европы (1929–1931 гг.). <http://www.diphis.ru/index.php?option=content&task=view&id=132>
19. *Шпотов Б.* Политика использования западных технологий как фактор создания крупной индустрии в СССР. <http://rusref.nm.ru/indexpub70.htm>
20. *Лазарев А.* Гражданская война в США и Россия. <http://www.vestnik.com/issues/2003/0219/koi/lazarev.htm>
21. *Конквест Р.* Указ. соч.
22. *Мифонин С.* Великая депрессия: как все начиналось? <http://www.contr-tv.ru/common/2482/>

Глава V. Миф о голодоморе и слом национальной морали Украины

1. *Конквест Р.* Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голодом / Пер. с англ.: И. Коэн, Н. Май, М. Хейфец. http://www.fictionbook.ru/ru/author/konkvest_robert/jatva_skorbi/
2. *Дергунов Ю.* Индустрия голодомора. <http://left.ru/2006/18/dergunov152.phtml>
3. *Миронин С.* Тайны голода 1930-х. <http://www.rustrana.ru/print.php?nid=33227>
4. *Дергунов Ю.* Указ. соч.
5. *Миронин С.* Указ. соч.
6. *Патрляк И.* Український визвольний рух у 1942 року / Центр досліджень визвольного руху. Український визвольний рух. № 7. http://www.cdvr.org.ua/zbirnyk7/zbirnyk_7.pdf
7. *Ткаченко Г.С.* Миф о голодоморе – изобретение манипуляторов сознанием. <http://www.km.ru/magazin/view.asp?id=4540BABB20FE466ABA5B71470340C062>
8. *Конквест Р.* Указ. соч.; см. также: *Мейс Д.* Політичні причини голодомору в Україні (1932–1933 pp.). <http://ukrlife.org/main/evshan/meis.html>; *Ткаченко Г.С.* Указ. соч.
9. *Бердник М.* Голодомор как элемент «нациетворения». <http://www.edrus.org/content/view/2042/47>
10. ОУН(б) – Организация украинских националистов (бандеровское движение).

Глава VI. Ренацификация Восточной Европы

1. Этот день не считается официальным праздником, но широко отмечается де-факто. См. напр.: Литовский президент не знает, что

П Р И М Е Ч А Н И Я

- делать с независимостью. Коммерсант. №106П (2475). 24 июня 2002 года. <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=328908>
2. *Шевцов Ю.* Феномен Беларуси. Объединенная нация. М.: «Европа», 2006.
 3. *Шевцов Ю.* Культ УПА: аморализация Украины. Русский журнал. 22 ноября 2007 года.
http://russ.ru/stat_i/kul_t_upa_amoralizaciya_ukrainy

Список иллюстраций

- Обложка *Анатолий Петрицкий*. Радиатор, 1926 год
- Глава I. *Марко Эпштейн*. Женщины стирают, 1920-е годы
- Глава II. *Василь Касьян*. После погрома, 1928 год
- Глава III. *Софья Налепинска-Бойчук*. Пацификация Западной Украины, 1931 год
- Глава IV. *Леопольд Левицкий*. Водонос, 1930-е годы
- Глава V. *Мария Котляревска*. Махновцы, 1927 год
- Глава VI. *Александр Довгаль*. Раздача пайки, 1927 год
- Глава VII. *Василь Седляр*. А голод стонет на селе («Кобзарь»), 1931 год

О Г Л А В Л Е Н И Е

Глеб Павловский

МИФ О ГОЛОДОМОРЕ – ИДЕОЛОГИЯ НАЦИИ, ИЩУЩЕЙ СЕБЕ ЖЕРТВ	3
Введение	
АКТУАЛЬНЫЙ ГОЛОД	7
Глава I	
КРЕСТЬЯНСКИЙ ГОЛОД	19
Украина – смерть во имя будущего	19
Самоубийство деревни	27
Внутренняя война крестьян	32
Глава II	
СПОЛЗАНИЕ В ГОЛОД	41
Ставка на укрупнение	41
Кулак против колхоза	52
От реформы деревни к деревенской революции	58
И вот пришел голод	67
Жизнь после голода	71
Глава III	
УКРАИНА: ГОЛОД, НО НЕ ГОЛОДОМОР	79
Политика завышенных планов	79
Советская Украина: построение новой нации	86
Голод – неудавшийся протест деревни	95
Глава IV	
ГОЛОД В ЕГО КОНТЕКСТАХ	103
Внутренние причины коллективизации	103
Внешние угрозы: страна на пороге войны	113
Советская деревня и Великая депрессия	120

Глава V	
МИФ О ГОЛОДОМОРЕ И СЛОМ НАЦИОНАЛЬНОЙ МОРАЛИ УКРАИНЫ	127
Голод и голодомор в довоенной пропаганде	127
Жатва скорби: голодомор после Второй мировой войны	137
Мифологическая функция голодомора в наши дни	141
Глава VI	
РЕНАЦИФИКАЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ	153
Антикоммунизм – отложенная победа нацизма	153
Национализм или европейская интеграция: что победит?	158
Глава VII	
ИТОГИ XX ВЕКА: ГОЛОДОМОР ПРОТИВ БОЛЬШОЙ ЕВРОПЫ	165
ПРИМЕЧАНИЯ	173
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ	181

Серия «Холокост»

Юрий Шевцов

**НОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ:
ГОЛОДОМОР**

Ответственный за выпуск *Т. Рапопорт*
Художественный редактор *С. Захаров*
Технический редактор *А. Монахов*
Корректор *О. Кандидатова*
Верстка *П. Ольховский*

Подписано в печать 27.10.2008. Формат 60×84 ¹/₁₆
Гарнитура NewBaskerville.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 10,7.
Тираж 2000 экз.

Издательство «Европа»
119180, г. Москва, ул. Б. Якиманка, д. 1
тел. 745-52-25, факс 725-78-67
e-mail: info@europublish.ru
www.europublish.ru

Отпечатано с оригинал-макета
в «Типографии Момент»